

БУДУЩЕЕ НАСТОЯЩЕГО ПРОШЛОГО

В.Нюхтилин

Благодарности

Спасибо всем, кто прочитал книгу "Мелхиседек".

Спасибо тем, кто собрался прочитать и данную книгу, невзирая на первое обстоятельство.

Спасибо моему сыну Нюхтилину Павлу Викторовичу за неоценимую помощь в работе над книгой.

А также особая благодарность двум людям, чья способность проникать в суть явлений и делать из этого основополагающие по глубине выводы, является для меня непревзойденным эталоном и недостижимым ориентиром - внуку Ивану и внучке Дашеньке.

Традиционное предупреждение

Предупреждение первое. Некоторые страницы этой книги будут даваться нелегко. Их не удастся прочитать «под телевизор». Таких страниц совсем немного, но они есть. А они есть потому, что автор верит в своего читателя.

Предупреждение второе. У того, кто не читал книгу «Мелхиседек», в процессе знакомства с данной книгой может появиться тяжелое подозрение, что автор его упорно с кем-то путает, когда иногда пишет: «мы об этом уже говорили», «когда-то давно мы выяснили, что...» и т.д. Тот же, кто читал «Мелхиседека», будет свободен от этой эмоциональной нагрузки, поскольку мы с ним действительно выяснили и действительно говорили о том, на что сейчас будем только ссылаться.

В заключении хочется отметить оригинальность этой книги, которая заключается в том, что для нее понадобилось всего два предупреждения, вместо традиционно принятых в подобной практике трех.

Предисловие

Непосредственным стимулом к работе над данной книгой мне послужили совершенно мистические события, которые сопровождали первое издание «Мелхиседека». Эти странные события резким образом перевернули все мои представления о порядке окружающих меня вещей и как бы оголили некоторые проблемы, до которых мне раньше, собственно, не было никакого дела. Все происшедшее было настолько загадочным, что просто не могло не привлечь моего самого пристального внимания.

Например, анализируя по рутинной привычке то, что попадает мне под руку, я обнаружил удивительное совпадение – количество дней, за которое разошлось первое издание «Мелхиседека», в точности равнялось тиражу этой книги! Это слегка позабавило меня, и я с автоматическим любопытством стал дальше всматриваться в числовые параметры обстоятельств издательской эпопеи. И буквально сразу же наткнулся на еще один числовой казус – тираж книги полностью соответствовал тому количеству часов, которые ушли у спонсора на принятие решения о её финансировании. Точь в точь!

Данное поразительное обстоятельство слегка насторожило меня и, естественно, не могло не подстегнуть к дальнейшему поиску чудес в этой истории. И я стал копать. И я докопался! Классифицируя, например, отзывы на книгу, я выяснил, что ровно половина

из них принадлежит мужчинам, а ровно половина – женщинам! Это было уже что-то такое, что заставило меня продолжить дальнейший поиск совпадений не в режиме развлечения, а в некоем исследовательском предчувствии каких-то новых и неожиданных перспектив. При более детальном анализе обстоятельств, связанных с отзывами, открылось следующее: у всех женщин, высказавших мнение о «Мелхиседеке», если и были дети, то все они были мальчиками!

Дальше – больше! Все эти мальчики оказались единственным ребенком в семье!

Трудно передать то волнение, которое я испытал, встав лицом к лицу с этим фактом! Я почувствовал, что приближаюсь *К Чему-То*, к какой-то важной и таинственной информации, или, может быть, даже к истине. Такой набор совпадений не мог происходить *просто так*. И тогда, перешерстив еще раз все подробности накопленной информации, я нашел еще один ошеломляющий нюанс – все мальчики у этих женщин были в возрасте до одного года!!!

Тут я окончательно понял, что судьба дает мне какой-то великий знак, который я никак не должен пропустить. Я осознал, что стою на пороге нового движения к познанию тайн действительности. Смутные ощущения витающей рядом догадки сопровождали меня постоянно, но сделать какие-либо основополагающие выводы я не мог – никак не удавалось собрать в единую картину те обрывки идей, которые расплывчато носились в голове. Подумав, я предположил, что, возможно, у меня просто еще мало аналогичных фактов, и надо поискать нечто еще в другом порядке тайн с совпадениями, даже, может быть, выйдя за пределы обстоятельств издания «Мелхиседека». Я счел, что если бы мне удалось определить какие-то похожие детали из окружающей меня жизни, то они вполне смогли бы мне помочь прояснить ситуацию с цифровыми и другими совпадениями. И я попытался... Но лучше бы я этого не делал... Ибо то, что я выудил, сделало мою жизнь не просто тревожной, оно сделало ее практически невозможной из-за тех чудес, которые на меня навалились. И это еще мягко сказано. На самом же деле я был буквально сбит с ног этими новыми открытиями и почувствовал, что нахожусь вообще на пределе устойчивости психики. Потому что я узнал *такое!*

Судите сами – я совершенно точно и *экспериментально установил*, что если любой из моих детей, в учреждении, где я работаю, *наугад*, просто так, на *любой* рабочий шум, на *любое перемещение любого человека* подойдет к нему, и скажет: «Отец!», то человека, к которому они обратятся, всегда можно действительно квалифицировать в качестве их отца (с некоторыми натяжками, как всегда, в этом вопросе).

Я почувствовал себя героем какого-то нелепого сериала! Все это никак не укладывалось в моей голове, и я понимал, что объяснения данному факту мне не найти никогда! Это был такой тупик, пути из которого я не видел даже назад – ибо я не мог сказать себе: «забудь об этом и сделай вид, что этого никогда не было, потому что этого никогда не могло быть». Я знал, *что это было и это есть*. Назад дороги не было. И вперед тоже. Дни, которые я прожил в то время, были самыми тяжелыми днями в моей жизни. Но я еще как-то держался до тех пор, пока меня полностью не добил еще одно происшествие, после которого мне окончательно стало ясно, что я навсегда вырван из привычного круга жизни.

А произошло следующее – *мне был голос с небес!* Однажды я шел поздним вечером с работы через пустырь. Было совсем темно, и вокруг (я знал) никого не было, да и не могло быть в это время, как вдруг прямо сверху, в тишине, раздался громкий голос. Ошибки быть не могло. Голос был слышен настолько четко, и он настолько явно принадлежал человеку (женщине), что его нельзя было спутать с каким-либо другим звуком, способным ввести меня в заблуждение подобием тембру человеческой речи. Голос был определенно, но обезличенно знакомым, мне было ясно, что это какой-то не чужой мне голос, и я его определенно где-то ранее слышал, но в то же время я с неодолимой резкостью осознавал, что не знаю его обладательницы. Это пугало меня еще

больше. Это пугало даже больше того, что голос не просто звучал, *он со мной разговаривал!*

И я понял, что это конец. Если уж голоса раздаются...

Но, как всегда бывает в жизни, именно эта критическая ситуация и вызвала перемены к лучшему. Вот именно этот случай с таинственным голосом меня и спас. Дело в том, что сам я по натуре человек трезвый, не экзальтированный, и не верю во всякую мистику с голосами. Раз такое произошло со мной, (решил я), то надо найти этому объяснение. Иначе дальше жить с этим уже нельзя. Надо попробовать перевести этот факт в понятные уму категории. Собравшись с духом и успокоившись, я пришел к выводу, что единственной отправной точкой моих рассуждений может стать содержание той фразы, которую *дважды* повторил голос. Ибо если даже признать голос элементом существующей мистики, то можно, ведь, предположить и то, что прозвучал он с небес для того, чтобы я переработал ту информацию, которая была заключена в произнесенных словах. Это могло бы стать сопутствующей целью обращения ко мне с неба. И я стал вдумываться в содержание послания, которое запомнилось мне очень хорошо. Оно было следующим: «Уважаемые пассажиры! Поезд Москва-Новороссийск будет приниматься на третьей платформе с первого пути». Или что-то в этом роде.

Здесь я должен отдать себе должное. Я распутал эту ситуацию блестящим и изысканным способом с помощью строгой цепи логических рассуждений. Прежде всего, я предположил невероятный факт – а, может быть, голос разговаривал *не со мной*, а с какими-то пассажирами? Поначалу мне и самому показалось диким данное предположение – зачем голосу разговаривать с пассажирами, если вот он я здесь? Но я рискнул оттолкнуться от этой сомнительной посылки, и далее все пошло уже проще – пассажиры на вокзале, там же поезда, там же платформы и там же и пути. Вокзал от пустыря, которым я шел, находится в трех километрах, вечером звук разносится хорошо и ... Но, не хочу дальше раскрывать всех тайн этого аналитического пути! Пусть читатель сам попробует довести эту логическую процедуру до конца. В конце концов, даже скучные книжки иногда должны быть чем-то занимательными и давать работу самостоятельному уму.

Вот здесь-то и произошло мое возрождение - я почувствовал себя после этого успеха совсем по-другому! Я понял, что интеллект, человеческая мысль и настойчивый волевой поиск могут почти всегда принести успех! Это заставило меня настолько поверить в свои силы, что я взялся за неразрешимую загадку о том, что любой человек в пределах учреждения, в котором я работал, квалифицировался как отец моих детей. Я предположил, что разгадкой этому может стать факт непосредственного соседства акватории речного порта. И я стал решать проблему.

И я решил ее!!! Не стану приводить всех вариантов решения, которые я предпринимал – от связи взаиморасположения рейдов судовых единиц с расположением зодиакальных созвездий, до выверки перепадов глубин водной территории порта с наложением на них кривой поглощения солнечной энергии разными толщами воды – все оказалось ошибочным. Разгадка оказалась в другом. Однако сам путь успешного решения был настолько длительным, что я не решусь его изложить здесь подробно (как сугубо специфический), и поэтому приведу сразу конечный результат: это было время пика развала страны, когда всё закрывалось, а из нашего учреждения ушли все, кому было куда уйти, и остался я *один*, и больше *никого не было*, и, естественно, что как раз это и вызывало собой те страшные последствия экспериментов, которые я проводил с таким необдуманным риском.

После этого я почувствовал себя как бы в новой стезе, мне хотелось еще загадок и еще новых успешных решений. Я почувствовал кураж, и был готов к любому вызову из области непознанного. И я взялся за совпадения, которые сопровождали первое издание «Мелхиседека».

Эта ситуация, как вскорости выяснилось, оказалась посложнее прежних. Дело в том, что здесь были совпадения не одного, а сразу двух разных по специфике порядков – чисто числовые совпадения и социально-общественные накладки. Может быть именно эти обстоятельства, а может быть и нечто другое, но что-то так и не позволило мне разгадать эту загадку. Этот орешек я не раскусил. Правда, периодами мне кажется, что дело состоит непосредственно в характере первого издания – книжка была написана, набрана на компьютере, мой сын выразил желание ознакомиться с текстом, но буйно отказывался читать «все это» на экране монитора. Он декларативно требовал распечатать текст на принтере и вложить его в переплет. Я же не видел смысла в подобных затратах. Мы с ним спорили *один час*, по прошествии которого он решил спонсировать издание, для чего изыскал средства на бумагу и заправку картриджа. Затем *за один день* он распечатал книгу в *одном экземпляре*. После этого *весь тираж*, сразу разошелся. Читали книгу всего два человека – он и его сестра, моя дочь, которая к тому времени растила моего внука, которому не было еще *одного года*. От них же я и получил отзывы на книгу. В общем, видите сами – меня можно понять. Запутаться во всем этом и в самом деле не сложно.

Хотя, не знаю - может быть, если как следует поднапрячься и систематизировать эту информацию, то где-то здесь и кроется разгадка всей этой цифровой и прочей фантастики. Но я не считаю себя больше вправе растрачиваться на столь частное для *меня одного* дело, раз уж данный вид загадок попал в кругозор моего сознания. Я чувствую себя призванным отложить в сторону личное, и заняться делом, полезным для всех, поскольку данное направление раскрытия всяких тайн действительности показалось мне волнующе актуальным.

Итак, загадки случайностей, совпадений и того, что может стоять за всем этим...

Зачем нам это надо

Обещанный разговор о случайностях и совпадениях, несмотря на всю его занимательность и всеобщее любопытство, является темой архисложной и невероятно тяжелой. Основная трудность вопроса состоит в том, что, с одной стороны, никто не отрицает наличия элементов случайности и странных совпадений, а, с другой стороны, никто этим совершенно не занимается. Это, пожалуй, самая не проработанная директория знаний, изо всех имеющихся у человека. Как-то так сложилось, что уже простое признание факта участия Случайного в процессах нашей жизни, как бы автоматически освобождает исследователей от дальнейшей остановки на этом явлении с целью его глубокого изучения. Считается, что долг в отношении этого феномена, тем самым, уже полностью исполнен. Единственная область более или менее пристального внимания к случаю – это различные статистические системы вероятностного прогнозирования, опирающиеся на закон больших чисел. Вероятностное прогнозирование успешно применяется во многих областях практической деятельности. Однако во всех его системах заложен единственный и основной методологический прием – перевести случайное в вероятное, вероятное в необходимое, а необходимое в неслучайное. Таким образом, смысл всех этих вероятностных систем – *убить самостоятельное значение случайности*, убрать ее с глаз долой и вернуть картину мира в рамки, доступные физическому (да и любому другому) прогнозированию. К случайному относятся как к аномальному, нарушающему наблюдаемый порядок. Естественно, что при таком подходе изучается не сама случайность, а пути ее преобразования до кондиций, позволяющих впихнуть ее в чинную семью причинно объяснимых явлений. Идет борьба со случаем, а не его изучение.

Статистически-вероятностный метод, таким образом, всего лишь описывает сектор, где случайность взаимодействует с зоной традиционно объяснимых процессов, а сама случайность, как явление, не объясняется. Кстати сказать, объяснение и не является

задачей вероятностной теории. Ее основная задача – просчитать стабильность процессов, которые она исследует, что она и делает через прогноз масштабов возможного нарушения этой стабильности различными случайными факторами.

Хотя, надо сказать, что вероятностное объяснение, хоть какое-либо, но всегда, в той или иной степени, возможно. И в нашем вопросе тоже. Здесь всегда есть большое искушение что-либо объяснить в научных терминах, оставив непроявленным и даже еще более запутанным то, что попало под такое объяснение, но при этом с усталым удовлетворением прояснителя объявить, что вопрос теперь уже стал ясен, как это следует из полученного столбца формул. Если бы мы это сделали, то нас бы никто не обвинил, но при этом самодовольно объявленная ясность вопроса уходила бы от нас в дебри математических закономерностей, и доказывала бы нам только то, что относится к внутренним обстоятельствам только этих самых математических закономерностей. Хромота вероятностных математических расчетов обусловлена тем, что той ногой, которой в этих расчетах шагают математические операции, совершаются вполне гладкие и решительные движения, а той ногой, которой в этих расчетах нащупываются *причины* вероятностных событий – не шагается вообще, потому что не на что опереться. Вероятностная теория видит определенные свойства действительности и начинает выяснять... математические свойства этих свойств. Действительность для нас отдалается при этом еще на одну ступень от самой себя, в иную себе реальность, потому что она (действительность), как ее математически ни моделируй, все равно не есть эта математическая модель, которая выступает ее полномочным представителем. При таком методе математизации физических обстоятельств, даже те свойства действительности, которые фиксируются нами, уже более не являются теми же самыми свойствами самого себя, а становятся свойствами некоей избранной системы математических операндов. То есть, подменяются какой-то внешней и чужой себе логикой, питающейся числовыми, а не реальными определениями.

По иному и быть не может, поскольку, будь нам ясна закономерность причин того или иного вероятностного процесса, то этот процесс уже не был бы вероятностным. Он стал бы закономерным. Случайность и ее вероятностный анализ всегда появляются там, где *суть* причины скрыта. Есть как бы тело изучаемого процесса, полностью известного и проработанного в своих причинах, и есть случайности (со своими неизвестными причинами), которые вонзаются в это тело как пиявки, и создают только одни неудобства. Случайность в понятиях научного знания имеет вид некоего статистического недоразумения, которое не только ничего не рассказывает о себе, но и вообще не относится напрямую к тому, где она засвечивается своим присутствием. Одно слово – случайность.

И, казалось бы, чему тут не поверить, и что здесь может до конца не удовлетворить? А то, что уже сама по себе, вот эта повсеместная необходимость применения вероятностных расчетов в науке, говорит нам о том, что наш мир является для нее не до конца проявленной системой, в которой есть какие-то скрытые от науки параметры, недоступные нашему распознаванию. В конце концов, если признается, что у случайного есть всегда своя причина, то почему бы ее ни назвать? Почему бы науке ни пройти по всем этим скрытым причинам случайного и сделать всё подвластным строгому планированию и расчету? Разве она этого не хочет? Она этого очень хочет, но у нее не получается. Потому что эти скрытые параметры не входят в научное описание мира, выпадают из него. Вот если бы они туда попали, то наука уже не знала бы такого термина, как «случайное», и все вокруг было бы ею прогнозируемо. Следовательно, есть что-то, о чем сама наука говорит как о реально необходимом (причины случайного), но при этом в самой науке нет ничего, что понимало бы это реально необходимое.

Ну, так и что же? Наука, все-таки, как-то дружит со случайным, приблизительно его прогнозирует и учитывает в своем описании. Разве этого недостаточно? Недостаточно. Потому что, к сожалению, забывается, что научное описание - это всего лишь научное

описание, но никак не объяснение. «Верное описание» – это герб науки и первые слова ее гимна. А все, что касается объяснения – это легенды, распускаемые ею же. Но вот, дойдя до глубин материи, наука затрудняется теперь не только в объяснении, но уже и в описании, потому что уперлась именно в случайное (микромир и его квантовая природа). По привычке навыков обращения со случайным, она докатилась уже до того, что занимается не просто описанием, а *вероятностным* описанием. Теперь мы остались вообще без описания, потому что наука теперь только *предполагает*, считая микромир вероятностным, случайным и способным к произвольным неисчислимым комбинациям в каждый свой момент. То есть, мир, реально существующий в данный свой момент в своем единичном собственном виде в количестве «один», наукой представляется многовариантно возможным и в количестве «с ума сойти, как много» в тот же самый свой момент. Что же такое с наукой произошло? А это Случайное преподнесло науке неприятный сюрприз. Веками наука относилась к Случайному как к досадной капле пота на носу, которую надо просто стряхнуть, чтобы дальше делать свое увлеченное дело. И вот пришло время, когда именно Случайное теперь требует своего объяснения, если наука хочет вообще дальше хоть что-то описывать.

У науки есть только один опыт работы со случайным – математически-вероятностный подход. И этот опыт, накопленный для анализа всякого разного случайного, теперь всюду применяется для описания фундаментальных свойств материи, то есть, к атому и ниже него. И при этом даже не подвергается никакому сомнению обоснованность подобного математически вероятностного моделирования для атомных и околоатомных событий, которые никогда не вероятностны *по своему результату*. Тот парадокс, что вероятностно-случайное (по мнению науки) состояние материального мира в его элементарной части оформляется затем в стабильное и никогда не вероятностное его основное состояние, науку не смущает. И в чем беда, если даже науку это не смущает? А беда в том, что мир, описываемый подобным образом наукой, разбивается на два противоположных мира: на случайно-беспорядочный в своей основе, и на закономерно-стабильный в своем результате. Один и тот же мир ею разрывается на два противоположных мира, отрицающих друг друга по своим основным характеристикам. Один мир случайный – другой мир строго закономерный. Но это один и тот же мир. *Причем из случайного мира складывается весь закономерный мир!* Вот так нам всё это объясняет наука, и говорит, что всё в порядке – вероятность случайных процессов создает закономерный общемировой процесс, и что же вам еще надо? А нам бы надо понять – это ж, как такое может быть? Ведь, вероятность, на то она и вероятность, чтобы ее последствия были только всегда вероятными, и никогда закономерными. А закономерность на то она и закономерность, чтобы в ней не было ничего вероятностного. Как же вероятное переходит в закономерное? И как закономерность собирает свою закономерность из бесчисленных вариантов только вероятного? И как может изначально случайное вдруг становится окончательно закономерным? Вот эта проблема наукой не только не разрешена, она даже ею и не ставится.

Она не ставится, потому что найден *описывающий метод* математического кудесничества в форме математических моделей нераспознанных физических процессов. Это само по себе уже нехорошо, когда вместо физических свойств изучаются их математические заменители, но настоящей бедой это стало тогда, когда установилась прочная мода, по которой вообще только то, подо что может быть подведена математическая описательная база, стало считаться научным. Оно бы и неплохо по основному смыслу, но математика почему-то стала слишком легко переходить в физику только на том основании, что она вот в данном случае говорит про физику. Возобладал принцип – все математическое научно, а все научное верно отражает действительность. Однако правильнее было бы понять, что верно в данном случае отражается только *научный способ математического замещения физических явлений*, и все это «верно» справедливо только относительно науки как метода, но не касательно самого мира.

Достаточно при этом вспомнить, что во второй половине (!) XIX века, Саймон Ньюкомб, профессор математики Морской Академии США, человек в то время авторитетнейший как в области математики, так и в области астрономии, вошедший во все современные энциклопедии мира, математически доказал, что летательные аппараты тяжелее воздуха летать не могут. Что тут добавить относительно соответствия математических моделей тому, что они пытаются собой отразить?..

Впрочем, такие примеры, как с Ньюкомбом, не очень-то впечатляют кое-кого, поскольку – кто положится, что Ньюкомб просто не ошибся в расчетах, и дело вовсе не в пороках математического моделирования, как такового? И вообще - вера в математику имеет под собой много оснований, а всё, что относится к доводам о сомнительности математических моделей для физических процессов, воспринимается всегда как гнусная атака на науку вообще. Чтобы нас никто в этом не обвинил, предложим читателю решить простое арифметическое действие:

$$2 - 2 = 0$$

Это самые основы математики, тут все бесспорно и очень доступно. Тут и Ньюкомб не ошибется. Естественно, что таким ясным и не шарлатанским способом можно, наверное, моделировать различные физические процессы, не так ли? От двух чего-то отнять два чего-то и получим ноль. Ну, так пусть читатель и попробует от каких-либо двух объектов реального мира отнять два таких же объекта. От двух яблок пусть отнимет два яблока. Когда закончит с этим, пусть поищет еще пару чего-либо и тоже отнимет саму ее от себя. Мне думается, он не заскучает. А мы, несмотря на то, что на такое всегда хочется посмотреть до конца, перейдем к следующему примеру:

$$1/2 + 1/3 = 5/6$$

опять здесь перед нами предстает завершенная логика математических действий. Давайте, опять проделаем это с яблоками. Возьмем половинку яблока и одну треть яблока, а затем сложим их вместе, в одну кучу. Вас не удивляет, что, согласно математике, у вас при этом из двух кусочков получалось пять кусков? Лично автора это несколько не удивляет, поскольку вот в этом и состоит все хваленое математическое моделирование. Математика живет своей очень правильной жизнью, а реальность - своей, тоже очень правильной, и уже на стадии арифметики возникают непреодолимые затруднения объединить их в одну описательную картину, где бы из левой части (математической) было бы до конца ясно, что же, на самом деле должно происходить в реально-физической.

Причем даже безо всяких переводов ситуации из абстрактно-математической в реально-физическую, совершенно ясно, что математика не только моделировать не умеет, но даже и отражать простые сравнительные соотношения физических характеристик не способна. Например, нуклеотидная последовательность молекул наследственности ДНК у человека имеет расхождение с аналогичным строением ДНК крота на 35%. Если это понимать, как есть, математически, то человек должен успокоиться на том, что он на 65% полностью не отличим от крота, и только чуть более одной трети их общих характеристик коренным образом не совпадают. Математика именно об этом и говорит, если отвлечься от реальных фактов.

Отличие ДНК человека от ДНК шимпанзе математически выражается в 1,1%. Давайте представим себе две фотографии одинакового формата – на одной у нас будет Моника Белуччи, а на другой самка шимпанзе. В этом случае даже самец шимпанзе не стал бы спорить, что математическое выражение разницы этих двух божьих созданий в один с небольшим процента не выражает ничего. И, кто знает, может быть, самец шимпанзе был бы несказанно удивлен, и даже с трудом пережил бы ту новость, (если бы о ней узнал), что человек последние сто лет только тем и занимается, что математически моделирует ненаблюдаемые физические процессы и на этом создает научную картину мира.

Но у нас пока не такие сложные абстракции, как в современной физике. Хотя и мы можем несколько усложнить какой-нибудь пример. Допустим:

$$4 - 2 = 2$$

Здесь читатель может взять реванш – от четырех яблок отнимем два яблока, и у нас останется два яблока. Все сходится с математикой! Работает? Нет, не работает, потому что - куда делись те два яблока, которые мы отняли? Их в реальном мире больше нет? Вот они рядом лежат, «отнятые». Мы разделили четыре яблока на две кучки по два яблока, а говорим, что теперь у нас только два яблока. Как это мы сподобились? А мы сподобились так потому, что в математической реальности у нас действительно теперь только два яблока, а два яблока бесследно и навсегда исчезли. А в реальной действительности у нас как было, так и осталось четыре яблока. Вот так и работает математическое описание, создавая трюковой мультфильм про реальную жизнь. При этом что-либо считается научным, повторим, только в том случае, если имеет под собой математическую расчетную модель. Это сильно укрепляет веру в описательную силу науки, не так ли?

Когда строится дом или собирается в полет ракета, то математика все описывает правильно и не просто помогает, а просто-таки обеспечивает успешность предприятия, возразят нам. А никто математику и не обижает. Просто в вышеуказанных и подобных им случаях математика описывает реальную *физическую модель*, она к ней жестко привязана и никакой самостоятельной *математической модели* из себя самой она здесь не создает. Когда же нечто статистически прогнозируется, или нечто математически моделируется при полном отсутствии этого «нечто» в реальном мире или хотя бы перед глазами, то появляется просто абстрактная математическая картина, которая строится по своей внутренней математической логике, а не по реальной структуре той физической натурщицы, которая предстала гипотизирующему воображению распаленного научного работника.

А что происходит, когда нечто не может получить математического описания? Оно не только не рассматривается в качестве исследовательской темы, но даже и не публикуется в неисчислимых научных вестниках и сборниках. Многие идеи вместе с их авторами неизвестны просто из-за того, что эти догадки и прозрения не поддаются математическому оформлению. Нам ближе сейчас вопросы случайного и неслучайного, поэтому, вернувшись к этой проблеме, мы вынуждены будем признать, что вероятностное научное толкование многих явлений вообще ускользает от науки по вине самой же науки. Например, явления, не имеющие достаточной статистики, вероятностным расчетам не поддаются, поскольку в основе теории вероятности лежит все тот же закон больших чисел. Представим себе возможность какого-либо циклического события, растянувшегося на тысячелетия в прошлое и обладающего потенциалом проявляться в будущих тысячелетиях. При этом реализация этапов данного события происходит (допустим) с периодом где-то около один-два случая за тысячелетие. Вероятностный аспект этого события ни у кого из представителей науки не только не вызовет потребности в анализе, но и вообще не будет распознан как повторяющийся и имеющий одну цепь последовательных актов. Все эти события для науки останутся единичными, ни с чем не связанными, случайными и выпадающими из общей статистики фактов. Благодаря этому они останутся за бортом научного предсказания. В 1977 году американцы зафиксировали в космосе гигантский выброс антивещества протяженностью 3 тыс. световых лет (!!!). Причем поразило даже не само столь массовое образование частиц антивещества, сколько то, что источник антивещества для науки - это вообще загадка до сих пор. Кроме того, выброс произошел в форме струи, что совсем не укладывается в допустимые схемы подобных происшествий. А совсем неприятно было то, что по существующим расчетам в этом районе вселенной никакого антивещества не могло быть никогда и ни в каком виде. Так и осталось все это аномалией. А если представить себе, что с определенной долгосрочной периодизацией (например, двести раз в миллион лет) такие выбросы происходят, время от времени, что напоминает некий сброс излишков, как в паровом клапане, то это была бы совсем другая картина, но... достаточной статистики нет. В силу этого какие-то возможно циклические процессы даже не рассматриваются наукой в этом

аспекте, будучи отнесенными к разряду единичных и случайных. Здесь наука и могла бы, (может быть), но ей нечем. Нет больших чисел.

Но даже и достаточная статистика совпадений очень часто не позволяет научно объяснить, ни сами эти совпадения, ни их причины. Если взять самый маленький хуторок в любом конце земли, то, даже если там живет всего несколько семей, то их потомство всегда будет примерно наполовину женским и наполовину мужским. Когда всё объясняется *большими* массами населения, тогда все ясно – распределяется вероятность шансов для мальчиков и для девочек, и эти шансы реализуются в гармоничной пропорции «пятьдесят на пятьдесят», несмотря на то, что в одной семье может быть четыре дочки, в другой пять сыновей, в других девочки и мальчики распределяются неравномерно, а в общем *большом* итоге всё будет практически поровну. Тут вероятностная картина как-то все это описывает, хотя и грешит против самой себя, потому что зачатие каждого ребенка - это совершенно отдельный от всех предшествующих зачатий случай. На его результат не оказывает никакого воздействия не только то аналогичное, что произошло в тысячах кроватей данной округи, но даже и то, что происходило до этого только в данной кровати. Каждое рождение ребенка - это отдельное и обособленное событие с нулевой статистикой, и отсчет должен вестись каждый раз с нуля, то есть с допущения всех возможных шансов. И в каждом отдельном случае шансов на тот или иной пол всегда столько же, сколько в любом другом, что говорит о том, что никакая вероятность не должна здесь не только проявляться, но и применяться. Но вероятность пола детей неумолимо реализуется пятьдесят на пятьдесят, и задним числом применяется для описания. Хотя какой-то скрытый параметр, обеспечивающий данную вероятность, опять же не объясняется. Но все успокаиваются на том, что он описывается. А раз описывается, то уже как бы и не скрытый.

А ведь если взять несколько семей *изолированного* поселения в составе большой массы населения области или края, то согласно именно этому хваленому вероятностному описанию, в составе такого процентно-малого количества семей должны быть как раз те самые перекосы, которые затем выравниваются согласно вероятностной картине во всем остальном *многочисленном* народе региона! Однако – нет. Никогда никаких перекосов! Даже в островных государствах с населением около ста с небольшим человек. А в отсутствие больших чисел, которые можно было бы запустить сюда для их перетасовки в вероятностные математические операции, нельзя не только объяснить этого научно, но даже и описать корректно не получается через эти любимые большие числа. Описывается просто по факту, *по конечному итогу*. А «как», да «почему», наука объяснить не берется. Ей это не нужно.

А не нужно ей это потому, что сложилось дурное положение, при котором наука отвечает только на некие «правильные» вопросы, то есть на те, которые могут быть сформулированы в системе распознаваемых ею научных методов. Неправильными же считаются все те вопросы, которые нельзя этими научными методами решить. И всё это было бы совершенно не страшно, если бы наукой высокомерно не считалось, что правильные научные вопросы относятся к действительно бытийствующему, а неправильные – к выдумкам и дилетантским фантазиям. Однако даже на этом судебно-третейском принципе, даже у самой науки, никак не получается четко разграничить нашу действительность на заслуживающую внимания, куда наука смотрит, и на остаточносомнительную, куда наука смотреть даже не намерена. Потому что уже в пределах самой науки, при рассмотрении несомненно действительных явлений мира, можно задавать любые вопросы, которые будут правильными, но наступит порог, за которым какой-то вопрос уже будет неправильным. Например - броуновское движение молекул. Задавай любой вопрос, и тебе на него ответят. Один только вопрос не задавай, а именно – «что заставляет двигаться молекулы»? Это будет неправильный вопрос. На него тебе ответят (возмущенно) – «ничто!». То есть, порог реальности, который отграничивается наукой, и за которым какая-либо иная реальность ею уже отрицается, самой же наукой может быть

определен и ограничен очень легко даже в тех пределах, в которых она обитает по роду своих обязанностей. Это одна из особенностей именно науки и только науки - способность совершать подобные умственные подвиги, когда удается разрывать что-то *реально неразрывное в природе*. Ведь в природе, если реально существуют субъекты движения (молекулы), то таким же реальным должен быть источник их движения. Как будто мы должны поверить, что молекулы двигаются сами. Неизвестно, насколько сами ученые верят в это, но еще никто не сказал, вместо «ничто» – «нечто, не распознаваемое наукой». То есть, всё, не распознаваемое наукой, считается сразу же нереальным. И в этом состоит основа ее метода, который сам себе присвоил полномочия выступать критерием реальности.

Где же располагается тот порог, за которым всё реальное уже называется наукой нереальным? Если вернуться к броуновскому движению в качестве близкого нам примера, то, учитывая, что эти самые молекулы движутся хаотично и беспорядочно, то есть, случайно, можно определенно сделать вывод, что как только что-то теряет предсказуемость именно в качестве последствий *известных причин и становится случайным*, наука опускает занавес представления. Так и должно быть. На то она и наука. В самих ее принципах уже заложена эта идея выделения наиболее *общих, повторяющихся и практически важных особенностей* наблюдаемых объектов. Только для таких явлений наука вводит *научные понятия*, которые при этом обязательно должны выражаться количественно, то есть быть доступными измерению. Все, что измерению не поддается, считается несущественным для научного метода и не признается своим. Таким образом, несмотря на саму сложность науки, в ее основе лежит метод *упрощения реальных обстоятельств* за счет исключения явлений, не вписывающихся в подвластные методы исследования, или не поддающиеся измерению. *Строго говоря, наука – это статистическая идеализация действительности*. Вне зоны науки остается слишком многое, чтобы признать саму науку зеркалом даже только физического мира. Причем, физика, главная из естественных наук, даже в своих декларациях о собственных задачах, не стесняется подчеркивать, что сужает свой же обзор рассматриваемых процессов мира за счет отсечения от них *явлений случайных и нестабильных*. Таким образом, по сложившемуся положению вещей, Случай наукой отсекается в качестве не исследуемого феномена и становится в принципе не исследуемым, потому что не соответствует основным задачам и методам исследований.

Однако не только наука выбрасывает, как не подлежащие обработке, случайные аспекты действительности. Философия, которая по некоторым слухам может объяснять всё, также проходит мимо них. Здесь надо немного уточнить, что мы имеем в виду под философией. В последнее время философия все более начинает пониматься как некое удивление от самого себя умного, или как безостановочно скачущее по собственным же думкам состояние сознания, или же, как неудержимая склонность души к обобщениям. Вот, шел человек на работу, споткнулся, упал, разбил баночку с обедом и остался на перерыве голодным. Сидит он и думает – «да-а-а... как много, все-таки, еще на земле несправедливости осталось...». Философ. Такого порядка философии сейчас много, но философией это называется только по самоназванию подобных авторов. На самом же деле философия - это строгая система теоретических знаний, которая оперирует такими же строгими понятиями, как и наука. В основе строгого языка этой теоретической системы лежат основные понятийные единицы, которые называются «категориями». Категории для философии - это то же самое, что «физические понятия» для физики. Это - основа. Если наука видит мир научными понятиями, то философия видит этот мир категориями. Они - составные части любых логических построений. Из них, как из стыковых опорных пунктов, складывается всё философское исследование. Так вот, эти философские категории характеризуются тем, что содержат в себе *всеобщее о единичном*. Звание категории в философии может получить только то понятие, которое можно применить универсально к любому разнообразию единичных явлений (движение, изменение,

причина, материя, бытие, форма, содержание, объект, развитие, качество, количество и т.д.). Естественной здесь будет мысль о том, что философия - это также своего рода *специфическая фильтрующая статистика*, впускающая нечто единичное в свой дом через проходную, где сидят категории, которые открывают двери только тому, в ком узнают что-то знакомое для себя. Таким образом, как и любая статистика, данная статистика также не вбирает в себя нечто эксклюзивное или не присутствующее повсеместно. Часть действительности опять не освещается. И Случай тоже. Хотя в философии и рассматривается такое явление, как «случайное», оно понимается ею только в противопоставлении «необходимому». Для философии «случайное» существует только в дуальной паре с «необходимым», и трактуется только как «не необходимое», а «необходимое» понимается, как «не случайное». На этой очевидности вся мудрость философии захлебывается, не прояснив ни того, ни другого, а лишь сравнив их друг с другом, противопоставив их друг другу для их же сравнения.

Отвлеченные «философические» рассуждения, о которых мы сказали несколько выше, могут, конечно же, коснуться поднимаемых нами проблем. Но сам характер этих полетов разума в никуда происходит в неприятном в жанре простых пересудов о тайнах случая и совпадений, когда ни по манере, ни по методу, ни по сути, никто не стремится провести тщательный анализ или логический разбор предмета. Здесь почему-то постоянно рассказывается одна и та же история о том, как кирпич упал на голову некоему несчастному прохожему, и на этом примере разбирается: что тут случайно, что не случайно, что совпало, а ведь могло и не совпасть. И делается простой вывод, что всё случайно только на вид, потому что кирпич падает не случайно, (его кто-то уронил), человек шел под кирпич не случайно, (он шел осмысленным маршрутом по каким-то своим делам), а вот совпало по времени всё случайно, и, следовательно, только наличие этого совпадения придает всему характер случайности относительно смысла происшедшего (потому что никто не ожидал), и это всё выдумки про тайны случая и не стоит этим заниматься. Ей-богу для такого простого вывода не стоило столько раз кидать этот кирпич на голову этому заслуженному человеку, которому даже памятника, как неизвестному экспериментатору науки, еще нигде не стоит.

Для раскрытия тайн случая и совпадений у нас есть еще эзотерика, которая смело берется решать все, что угодно, и эта ее смелость вполне оправдана, поскольку методы у эзотерики вполне универсальны как у философии, и вполне моделирующие, как у науки. Эзотерика абсолютно универсально может из ничего смоделировать любую теорию мира, которая хоть и будет ни про что, но всегда всё будет успешно объяснять, поскольку для любой новой загадки эзотерика избирательно придумает какую-нибудь новую сущность тонкого мира и задействует ее для оправдания оплотов своей концепции. А если что-то не заладится, то эзотерика тут же придумает какую-либо вредную тонкую сущность, которую и обвинит в препонах так хорошо задуманному тонкому порядку природы. Эзотерика так же, как и математика, создает отвлеченную от реальности модель. Но возможности у нее еще шире, чем у математики, поскольку даже самоочевидных истин и приоритетных первоэлементов, как у математики, у нее нет, и она никогда не озабочивается соответствием внутренней логики своих моделей хотя бы каким-то реально существующим обстоятельствам не тонкого мира

Впрочем, несмотря на это, эзотерика охотно обращается к проблеме случая, и никогда не упускает из виду всякие необходимые мероприятия, чтобы этот случай задействовать в нужном направлении. В ее распоряжении всегда есть необозримое поле для различного рода применительных процедур, направленных на то, чтобы склонить случай к послушанию и появлению в нужном виде и в нужное время.

Во всем этом отношении к случаю очень простое – всегда известно кто за ним стоит. Но поскольку изучение случая в данном случае переходит в изучение той личности, или того тайного механизма, который этот случай производит, то дело, получается, совсем не в случае, если все это правильно понимать. Дело в тайных (для нас) хороших или

нехороших (опять для нас) планах тех, кто этот случай организует, или того, что за этот случай отвечает, и тут уже нет ничего случайного. Здесь нам с нашим промыслом делать нечего. И, кроме того, их всех (эзотерических хозяев случая) не только не переизучишь, но даже и не перечислишь, начиная от древнегреческих nereid, и заканчивая современными кармическими заправилами. И, главное, где взять из них хотя бы только одного для предметного изучения? Вся эта многовековая неразбериха с персоналом в эзотерике как раз этим самым и объясняется – будь хоть один кто реальный, всех остальных уже не было бы, потому что появился бы прецедент на достоверность, и любому претендующему на реальность пришлось бы сделать что-то аналогичное для доказательства собственной реальности. А кто не смог бы этого сделать, тот сразу должен был бы попасть в подраздел «Придуманные и несуществующие». Поскольку пока никто ничего подобного в эзотерике не сделал, то в этот подраздел мы запишем вообще сразу всех, и будем считать, что шансы проявить себя остаются, опять же, за всеми сразу. А пока эти шансы никем из претендентов не реализовались, нам у них о природе случая в данной напряженной обстановке ничего не выведать.

Другая сторона, которой эзотерика поворачивается к случаю, также не представляет особо большой тайны. Она состоит в способах организовать случай по своему велению и разумению. Например, если тридцать дней подряд представлять себе в ярких и цветных картинах, с запахами и ощущениями, с шелестом в ушах и с шорохом на подушечках пальцев, то, как вы пересчитываете собственный миллион долларов, то случаю, который должен предоставить вам этот миллион, просто некуда уже будет деться. И он вам его предоставит, этот миллион. Можете даже не пересчитывать. Но и здесь, как таковое случайное, остается для нас все той же непроявленной тайной – потому что у подобной *организуемой* случайности уже есть известная нам причина, и она (случайность), в таком случае, уже не случайность. А причина - это магически тужащийся человек, который хочет этот случай вызвать. Если этот случай произойдет, то он уже не будет случаем, потому что он детально и тщательно спланирован. А если этого случая не состоится, то это, тем более, совсем уже не случайно, поскольку всем участникам эксперимента должно же быть ясно, наверное, что поводов для подобного случая никаких и не было.

Как видим, ни одно из направлений знания никак не хочет и совсем не может внедряться в тайны случая и совпадений. Господствует некая ситуация самоотказа (философия), самоуспокоения (наука) и самообольщения (эзотерика). Оно так и считается, что случайное и не системное не только не подлежит изучению, но и не заслуживает никаких затрат на это, поскольку мир познается как система, а все, что вне системы – это несущественные и побочные проявления несущественного и побочного. Может быть это и так, но при этом надо честно признать, что именно данная часть системы, (случай и совпадения), остается постоянной загадкой, к которой человечество так и не подступилось вплотную. Это заключение и будет первым ответом на наш главный вопрос нынешнего этапа – зачем нам это надо? Нам это надо, потому что мы про это ничего не знаем, и нам бы хотелось узнать побольше, а узнать про все это нам больше не у кого, кроме как у самих себя.

Однако хороши бы мы были, если бы нами двигало только простое любопытство и не более. На самом деле причина не в любопытстве и не в романтике поиска неизведанного. Просто, если вдуматься в эту проблему не традиционными методами (которые мы перечислили), а хотя бы на стыке этих методов, то вопросы случая и совпадений сразу же увидятся нами совсем по-другому, более значительными и, несомненно, очень важными.

Начнем хотя бы с того простого факта, что элемент случайности, пусть даже и возникающий нестабильно и не очень часто, но, все-таки, проникает в систему взаимодействия физических или других процессов мира, и осуществляет там определенное воздействие. Раз случай произошел, то он произвел какие-то последствия.

При этом сам случай статистически сбрасывается со всех счетов, как мы видели это раньше. Но, то, что мы статистически его отбрасываем, совершенно не означает при этом, что мы реально отбросили и *те последствия*, которые произведены случайным действием. То, что мы включаем эти последствия в имеющуюся у нас «де факто» итоговую картину в качестве *уже стабильной* системы, также не означает, что в прошлом ничего не было, и что эта картина не содержит в себе *последствий неопределенностей, заданных случайным взаимодействием*. Таким образом, ту систему, которую мы считаем стабильной и существующей по общему результату прогнозируемых причин, мы уже должны рассматривать, как полученную при некотором воздействии случайных обстоятельств, поскольку в ней уже кое-что определилось последствиями случая.

Случай из цепи действующих причин мы постоянно исключаем потому, что считаем его действие несущественным из-за эпизодичности. Но, отбрасывая воздействие случая как не существенное, мы при этом, не только перестаем понимать систему в качестве сформированной случаем в какой-то своей части, но и забываем о том, что случайные воздействия не бывают единичными, они периодически повторяются, и степень последствий случайного в системе постоянно растет. Однако каждый раз, фиксируя *нынешнее состояние* системы, мы эти многократно возросшие последствия случая совершенно искусственным образом включаем в полученную картину по принципу - «что получилось, то считаем заслугой только основных параметров системы». Так происходит на каждой фазе включения нашего анализа в систему. В бухгалтерии это называется «сторно». Ошибся бухгалтер в расчетах, не сводится у него дебет с кредитом на какую-то сумму, нашел он то место, где совершил ошибку, и чтобы не переписывать всю документацию заново, пишет красным цветом сумму ошибки прямо там, где допустил огрех, и далее имеет право скорректировать самый последний итог на это красное число. Мы точно также статистически «сторнируем» случайность из прошлых воздействий, забывая про нее, *но и забывая при этом, что скорректировать полученный результат уже нельзя*. Жизнь – не журнально-ордерная система, ее не переправишь.

При этом последствия случайных воздействий, накапливаясь где-то в системе, превращаются из микроскопических в макроскопические, а мы по-прежнему считаем систему работающей по строгим закономерностям известных взаимодействий, потому что каждый раз системно отбрасывали воздействие случая как не характерное. Оно-то не характерное, но на характер результата влияет самым прямым образом, потому что неопределенность, запущенная в абсолютно определенные взаимодействия системы, не делает, конечно, эту систему неопределенной или нестабильной, однако определенность и стабильность этой системы уже перерабатывает не чистые результаты своей определенности и стабильности, она *изменяется во внутренних параметрах и меняет свое внутреннее содержание под воздействием случая*. Сохраняется модус системы, ее смысловой алгоритм, логический каркас, механизм отношений и взаимосвязей, но начинка *постоянно меняется* привнесением последствий случайных факторов. Система - это как станок, работающий однообразно, а случай – это то, что разнообразит его продукцию.

Как видим, стремление объяснять все только наличествующей стабильностью и закономерностью, приводит нас к тому, что роль случая понимается нами в качестве случайной, а на самом деле *случай – это постоянный, полноправный и реально формирующий итоговые результаты элемент любой действующей системы*. Случай - как серый кардинал, когда происходят разные вещи, которые приписываются последствиям наглядного положения вещей, но на самом деле все направляется из-за кулис.

Какие отсюда выводы?

Вывод первый. Случайные события являются внешними для систем, но не чужими для них. Они им родственны. Они способны приходить извне систем и включаться в их живую ткань. Что значит «внешние», и что значит «не чужие»? Случайности «внешние»,

потому что в самих системах нет ничего случайного, а случайно для системы как раз то, что располагается вне нее. Поэтому случайности и являются внешними. Будь они внутренними, они уже не были бы случайностями, а принадлежали бы к известным атрибутам системы. «Не чужие» случайности потому, что вплетаются в ткань отношений системы и принимают в ней участие по законам системы. Если бы это было не так, то система вообще не заметила бы и не ощутила в себе присутствия случая, как полностью инородного для себя элемента.

Следовательно, мы можем сказать, что все эти случайности, сроднясь с системой, дальше начинают работать на ее стабильность, становясь в ряды остальных подчиненных членов внутрисистемных отношений. Мы можем это сказать, но, если мы это скажем, то (как заметили уже многие) – это и будет тем традиционным концом традиционного подхода к случаю, о котором мы говорили выше, как о не устраивающем нас. Здесь очень важный поворотный пункт наших рассуждений, здесь они или бесславно умрут на мысли, что случайное – это досадное недоразумение, исправляемое правильным ходом дел, или выйдут на новый путь, где, может быть, мы тоже не прославимся, но где у нас есть еще куда идти. А пойдем мы отсюда вот куда – *это не случайное приходит и подчиняется стабильности системы внутри системы, а, наоборот, именно случайное приходит и эту стабильность для системы создает.*

Тезис парадоксальный, так сразу его не обоснуешь, но, давайте попробуем. Итак, случайности создают стабильность. Это наша гипотеза. И что же у нас есть сейчас для подтверждения этой мысли? То, что случайности приходят извне систем, но не чужие им, и то, что случайности по своей внутренней логике не могут быть случайностями, потому что у каждой случайности есть скрытая от нас неслучайная для нее причина (скрытый параметр). Кроме того, мы знаем, что случайность растворяется в итоговой картине, но при этом изменяет содержание этой картины своим воздействием. Отсюда и пойдем в атаку без обходных маневров.

Для этого просто разберем – что мы вообще понимаем под стабильностью систем? Возможно, автор ошибается, но складывается впечатление, что в большинстве случаев под этим понимается эффективность и надежность работы системы *согласно замыслу* (если система создана человеком), или закономерная повторяемость процессов, вкупе со способностью возвращаться в некое исходное состояние (если система природная). И здесь и там, надо отметить, все сводится к закономерной повторяемости, ибо искусственно созданная система (устройство, машина, технологический процесс) также строится по образцу природной, то есть, призвана работать на самовоспроизводстве собственных однотипных циклов. Если все повторяется без сбоев, то система считается стабильной. Если идут сбои, то система нестабильна. И тут интересный вопрос – а почему «сбои» мы называем «сбоями»? Вот работает двигатель внутреннего сгорания. Вдруг он начал чихать и сбиваться с такта. Это – сбой. Но это сбой только в нашем понимании. Сам двигатель *стабильно* существует и в данном состоянии. Работающий вот таким мерзким образом, двигатель, можно вполне назвать стабильно работающей системой, если отвлечься от тех задач, которые мы данной системе предписываем. Он – вот такой. Он работает вот таким образом. Что-то внутри этой системы сложилось именно подобным строго логическим образом для нее самой, и эта система вполне стабильно и очень долго может существовать в данном подобии. Несовпадение реального (действительные процессы в системе) и идеального (предполагаемые процессы в голове у человека) порождает понятие дефекта системы. Человек здесь является судьей стабильности, но предъявить ей конкретную статью из кодекса о стабильности, он никогда не сможет, поскольку *в принципе все достаточно стабильно.* Здесь нужны межведомственные увязки и разъяснения на уровне частного определения о том, чего бы человеку от системы хотелось. Но сама стабильность – неподсудна. Человек просто здесь для системы придумывает что-то свое и не задерживается долго в присвоении характеристик.

Что касается природных систем, то здесь даже примеров не нужно – и так понятно, что как бы человеку не нравилась, скажем, английская погода, как бы он не называл ее нестабильной, но она стабильна именно вот этими постоянными переменами. Она вот так существует в этих переменных и существует тысячелетия очень даже стабильно. Все, что происходит, происходит целесообразно той логике, которая присуща происходящему, а то, что нецелесообразно внутренней логике происходящего – вообще не может происходить. Несмотря на то, что человек хочет многого, он не может преодолеть внутренней целесообразности физических компонентов мира, и должен в них просто укладываться своими замыслами. Таким образом, если перестать играть в игры с названиями, и уложиться в логику происходящего, то придется осознать, что все, что происходит – стабильно, даже если оно не отвечает задачам или понятиям человека. Отсюда мы должны просто признать – *все, что происходит, стабильно*. И даже больше – пока что-то происходит, оно стабильно, поскольку оно происходит. А вот когда это уже не происходит – тогда мы получаем право говорить о нарушении стабильности. Следовательно, критерий стабильности один – существование. Пока что-то существует – оно стабильно по своим внутренним обоснованиям. Когда перестало существовать – стабильность нарушена.

Следовательно, понятие «стабильность» в нашем подходе, тождественно понятию «существование». Отсюда, заменив понятие «стабильность» на понятие «существование», мы, вернувшись к нашему предположению о том, что «случайности создают стабильность», увидим, как это положение становится еще более парадоксальным – у нас получается, что *случайность это то, что обеспечивает непосредственно существование*. Это несколько иная оценка случайности, чем обычно применяемая, не так ли? Но разберемся с тем, что у нас получилось.

На самом деле – так оно и есть: не будь случайностей, ничего бы не было. Как это происходит и почему? Потому что любая система стремится к затуханию и прекращению своего действия *по своим внутренним логическим целесообразностям*. Так уж обстоит всё вокруг нас, что, по тем причинам, по которым что-то существует, по ним же самым оно же и должно обязательно умереть. Всё в мире стремится к равновесию, успокоению и прекращению. Это фундаментальный физический закон, называемый вторым началом термодинамики. А уникальность термодинамики состоит в том, что, относясь, вроде бы, непосредственно к вопросам тепла, она абсолютно точно и успешно распространяет свои законы на любые другие явления физического мира. Иногда ее называют еще «равновесной термодинамикой», намекая на тяжелый для многих, но неоспоримый смысл ее открытия – всё в мире стремится к равновесию и затуханию. Оглянемся вокруг, и всмотримся в любой процесс. Мы увидим, что путь любого процесса всегда имеет необходимый конец – это путь сворачивания внутренних возможностей к действию, прекращения активности и перехода в состояние покоя. Любой процесс – от подпрыгивания мяча, до ядерного взрыва. Потому что общая логика взаимодействия всех входящих в систему элементов всегда ведет только к достижению равновесия, и поэтому для продолжения жизни системы ей необходим всегда какой-то *внешний стимул*, который нарушит равновесие и даст ей новую жизнь в виде нового стремления к равновесию. Простой пример замкнутой системы – качели. Кто-то их качнул извне, и полная их остановка – всего лишь дело времени по второму закону термодинамики. Что-то внешнее должно вновь создать условия для жизни системы. И это внешнее должно с системой взаимодействовать, то есть быть для нее не чужим. А теперь вспомним, что выше мы определили, что таким внешним, но не чужим для любой системы, называется то воздействие, которые мы трактуем как случайное. И ведь на самом деле, любое оживление системы – это всегда процесс по ее внутреннему смыслу для нее случайный!

В систему качели, наряду с подвесами и шарнирами, не входит человек, который ее раскачивает. *Он для данной системы случаен. Всё, что находится вне любой системы – случайно для нее, как не являющееся обязательным по ее внутренней логической*

структуре. Если бы не происходило постоянного нарушения равновесных состояний системы со стороны случая, когда он извне нарушает внутренне устремленный к равновесию поток событий, то все вокруг уже давно затухло бы, и все процессы остановились. *Все в мире стоит на внешнем случае и на нарушениях логики событий, а не на внутренних закономерностях и строгой повторяемости процессов.* Качели качаются закономерно, они обладают статистической повторяемостью и логикой своего внутреннего процесса, смысл которого – совершить путь к обязательному концу. А вот если кто-то неумолимый периодически будет по своей прихоти их постоянно подталкивать, (случайно для них), то равновесие не наступит и жизнь продолжится. Так работает случай. Так живет мир. Именно поэтому невозможны вечные двигатели.

Двигатель внутреннего сгорания заглохнет и умрет, если *извне его системы, случайным для ее внутренних компонентов образом,* по случайным для ее внутренних потребностей обстоятельствам, кто-то не подольет бензина в топливный бак. Поршни и валы ничего в себе не имеют такого, что закономерно обеспечивало бы *неслучайное* пополнение запасов топлива.

Человек недолго протянет без внешних для системы его организма факторов – еды, питья и воздуха. Ничто внутри органов человека, образующих стабильную систему, не предусматривает гарантированного существования кислорода и питательных веществ. Наличие всего этого для него – сплошной счастливый случай. Всё, что существует, существует именно благодаря случайному для себя. А поскольку вообще всё вокруг существует в виде общей системы, состоящей из взаимодействующих подсистем, то всё существование всего обеспечивается именно случайными по смыслу взаимодействиями для каждого в отдельности. *Случайность, таким образом, является не чем иным, как системообразующим фактором существования нашего мира!* Неплохо для того, что называют «несущественным недоразумением»!

Вот и второй ответ на наш вопрос – зачем нам это надо? Нам это надо, потому что случайность – это не отклонение от основ существующего, а непосредственно основа существующего. И высокомерно переступать через него, объявляя его попутчиком основных процессов, это близоруко пропускать непосредственную основу всего происходящего.

Итак, случайность системообразует существование нашего мира, как совершенно неожиданно мы для себя выяснили. Неплохой вывод, но нетрудно заметить, что данный вывод неплох просто как отражение свойств взаимодействия систем, где всё, что вне каждой системы, для нее случайно. Чтобы идти дальше, нам следует вернуться к парадоксальности перехода этих двух понятий друг в друга – случайности и закономерности. Надо вспомнить то, с чего мы начали – с проблемы перехода случайного в закономерное. Иными словами, теперь, осознав истинную роль фактора случайности, как обеспечивающего мир явления, нам следует опять вернуться к тайнам и загадкам, потому что подобный переход случайного в закономерное – самая большая тайна и загадка нашей жизни.

В чем же здесь основная тайна? В том, что *случай может переходить в закономерность сам из себя, создавая из своих собственных характеристик и свойств некие четкие закономерные явления.* Это парадокс, и парадокс глобальный. Но он редко замечается в силу того, что человек никогда не оценивает что-либо *реально наблюдаемое,* как таинственное или парадоксальное. Привычное и многократное для нашего взора никогда не кажется нам странным, хотя переход случая в закономерность должен нами расцениваться именно как нечто невероятно странное.

Вот пример. Один человек целый месяц бросал монетку и записывал, что получилось – «орел» или «решка». Для чистоты эксперимента он не прерывал своих занятий даже в выходные и в праздники. Через месяц у него получилось практически равное количество «орлов» и «решек». Так был экспериментально подтвержден закон больших чисел. Закон!!! *Случай переходит в некий закон!* Это кажется вполне

естественным, но, положив руку на сердце, признаемся - разве не странно, что варианты реализовались поровну? Разве вот такое равное распределение не является тайной в том смысле, что оно *законодательно*, то есть уже совершенно не случайно, хотя и рождается именно из случайного? Если всё это есть проявление только случайных итогов различных вариантов, то никакого закона не должно быть, потому что в одном случае эти случайные итоги дадут равное распределение, а в другом не дадут. Но это распределение всегда именно равное, и это уже есть закон, и, следовательно, уже никакого случайного набора итогов не может быть. Что мешает «орлу» выпасть в три раза чаще, чем «решке»? Закон больших чисел может это описать по конечному итогу, но он не может объяснить этого по физическим причинам нарастания подобной закономерности от броска к броску (весом монетки, материалом стола, амплитудой подбрасывающего движения и т.д.). Отсюда вывод – проявляющаяся закономерность не имеет объяснений на уровне физического состояния, физических обстоятельств и вообще на уровне физических причин. *Существуют какие-то нефизические способности случайного переходить в закономерное.*

Сам по себе пример с монеткой кажется не очень веским основанием столь опасного для некоторых мировоззрений вывода, но, во-первых, тайны не могут присутствовать повсеместно и валяться под ногами. Их не может быть много. Достаточно и *этой одной, но действительно имеющей место и воспроизводимой по желанию любого.* А поскольку тайн не может быть много, то мы не обязаны искать достаточную статистику случаев, подобных подбрасыванию монетки. Достаточной статистикой, то есть количеством, здесь ничего не решается. Хотя, можно вспомнить все тот же пример с рождением девочек и мальчиков, где также абсолютно случайное переходит в абсолютно закономерное *не по физическим обстоятельствам.* Это тоже тайна. Можно вспомнить и саморегуляцию некоторых популяций насекомых или грызунов, когда при достижении ими некоего предельного числа, у них резко падают темпы воспроизводства, или даже начинается физически ничем не объяснимый мор до тех пор, пока их численность не придет в положенную кем-то норму. Причем, и насекомым и грызунам хватило бы еды и всего остального при любом экспоненциальном росте, а когда перестало бы хватать, то тогда уже именно определенные физические причины начали бы ограничивать их численность. Но ограничение популяций наступает задолго до вообще возможного предела обеспеченности условиями окружающей среды. Здесь тоже все происходит не по физическим причинам. И благодаря этому, кстати, человечество не знает такого, скажем, смертоносного кошмара, как нашествие миллиардов крыс или бесчисленное размножение тараканов. Человечество проиграло бы крысам или тараканам. У слонов, скажем, или у тигров, выиграло бы – по пуле для каждого нашлось бы. Нашествие некоторых животных человечество вообще даже само организует огромными усилиями (коровы и свиньи). Но физические причины препятствуют. А грызунам и насекомым ничего физического не препятствует, кроме *чего-то нефизического.* Кто-то оберегает человечество. Но нам важна сейчас актуальная на данном этапе мысль – *нечто, не определяемое никак физически, очень твердо может управлять физическим.*

История с монеткой, да и вообще принципы статистического предсказания, говорят нам о том, что на физическую механику процессов каким-то регулирующим образом действует некий невидимый и неосязаемый нами калькулятор, регистрирующий состояние физического процесса и корректирующий нормальное распределение его случайных результатов. Это происходит там, где случай переходит в закон. Случай, таким образом, связан с чем-то таинственным, если не сказать – с потусторонним. Причем, это потустороннее случаем командует и распоряжается.

Что-то такое совсем не из наших знаний и понятий реально формирует закономерности из случайного. Само же это не может происходить, раз уж это происходит. Что-то или кто-то должен за этим стоять в качестве осмысленной причины. Вообще, даже сам закон *больших чисел* можно объяснить только тем, что на

количественно незначительном для какого-то эталона уровне какая-то случайность беснуется, как хочет, но как только результаты этой случайности достигают размеров, серьезно значимых для какого-то мерного стандарта, как тут же начинается обуздание случайности и приведение беспорядка в порядок. Ведь, именно таким образом закон больших чисел и фиксирует эти странности со случаем – сначала полный разброд и никакой закономерности, а чем дальше количественно продолжается процесс, тем четче ниоткуда начинает видеться какое-то корректирующее воздействие на его результаты. Зная об этом, закон больших чисел всегда очень смело предсказывает результат, потому что *дело не в числах*, а в том, что, когда их становится много, кто-то начинает на них обращать внимание и начинает ими командовать. Закон в данном случае отражает именно это. Никакой внутренней закономерности чисел или физических обстоятельств он не только не отражает, он об этом даже и не задается в своих задачах. Потому что, если бы такие закономерности были, то они проявлялись бы изнутри физического *немедленно*, не дожидаясь какого-то необходимого количественного порога. Тогда это был бы уже не закон больших чисел, а просто закон, который сразу на всех первых числах вступал бы в действие. Таким образом, какое-то время случайное остается случайным по физической природе процесса, но потом оно становится закономерным уже не по физической природе, в *вопреки физическому*. Если закономерность произрастает не из физических обстоятельств и даже вопреки им, то - откуда?

Пока трудно сказать, но понятно одно – в процессах случайного, если они нарастают количественно, возникает какой-то законодательный окрик чего-то потустороннего, распространяющийся на все поползновения случаев нарушать некую программу статистически необходимого (орлянка, распределение новорожденных по полу) или *физически допустимого* (популяции фауны и физические процессы микромира). И здесь мы касаемся одной очень интересной проблемы вероятностной статистики вообще и прогнозов на ее основе.

Дело в том, что статистика может описать вероятность того или иного события, но она никогда не будет настаивать, что данное событие осуществится именно с данной вероятностью. Никогда, ни один специалист по теории вероятности не станет, не только ручаться, что все произойдет в соответствии именно с его расчетами, но даже более того - он будет настойчиво предупреждать, что вероятность частоты события, которую он просчитал, не будет приниматься реальным миром во внимание, и все может произойти по-всякому, хотя и близко к его прогнозу. То есть, при прогнозе *вероятного* статистика дает *некую ориентировку*, но никак не твердый прогноз.

А что происходит при прогнозе *невероятного*? А при прогнозе невероятного происходит нечто обратное, и здесь вывод всегда безапелляционно однозначен. То есть, в данном случае статистики могут дать не ориентировку, а *точный прогноз*. Представим себе ситуацию, что мы пришли к специалисту по теории вероятности и за хорошие деньги попросили его рассчитать вероятность нашего успеха в некоем пари. А суть пари состоит в следующем – некто кладет на кон все свое имущество и утверждает, что при равной ответственности оппонента за результат, он из ящика с миллионом шариков белого цвета, среди которых только один красный, случайным образом, с закрытыми глазами, десять раз подряд вытащит именно этот один красный. Все десять раз подряд. Нам хочется принять вызов, но мы опасаемся за очень высокую ставку. Мы просим просчитать величину нашего риска. Статистик подсчитает и скажет – никогда этот человек не отберет у вас вашего имущества, он проиграет. Мы спросим – это точно? И статистик, пересчитывая гонорар, ответит – «даже и не сомневайтесь». Когда он спрячет гонорар в карман, он поинтересуется – а что, разве и без теории вероятности не понятно было? Было понятно. Просто дело в том, что даже на научной основе вероятность некоторых случайных событий статистически считается невозможной.

В XX веке расчеты теории вероятности получили бурное развитие не сами по себе. Это был хорошо оплачиваемый заказ... держателей казино и лотерей. Эти люди

вкладывали свои деньги и хотели знать, чему равен их риск. При этом они хотели бы, чтобы их риск вообще ничему равен не был. Это и было заданием для математиков. И они его решили. Все эти казино, игровые автоматы и лотереи работают по схемам, предписанным теорией вероятности, и банкротство бизнесменов от игорного бизнеса невозможно. Можно сорвать единичный куш, но если это начнет повторяться раз за разом, то вас возьмут под белые ручки и начнут проводить расследование. При этом статистическая вероятность того, что вы с кушем вовремя скроетесь, намного больше вероятности того, что вы докажете свою невиновность. Вероятность же того, что вам удастся убедить подозрительную администрацию в простом чередовании счастливых для вас совпадений - вообще равна нулю. Никто вам не поверит, что у вас сам шарик останавливается или сама карта выпадает практически всегда выигрышно для вас. Потому что *физически-то как раз это было бы вполне возможным, но нечто не физическое делает самостоятельно физическое невозможным*. И это отражается в схемах лотерей и системе распределений ставок. То есть, со статистикой, или совсем без нее, но все понимают, что есть вещи, которые не могут случайно повторяться подряд неким недопустимым образом, а статистика это может просто выразить в степенях математической вероятности.

Что нам из этого? А то, что такие статистически невероятные события, которые не могут происходить, происходят. Вокруг полно таких событий, но они не замечаются. По причинам отмеченным нами выше. Этим никто не занимается. А мы приведем примеры.

В XX столетии на земном шаре произошло около ста военных конфликтов, если отбросить междоусобицы и гражданские войны. Из них сорок имеют некую особенность, которая статистически не должна в них присутствовать. Кратко перечислим эти конфликты, не указывая пока на эту особенность. Читатель, не заглядывая вперед, пусть попытается определить, где таятся эти невероятные совпадения.

1900 год, Лорд Робертс официально объявляет об аннексии Трансвааля Великобританией и начинается восстание 20 тыс. буров. Вообще-то это война в составе одной большой войны, которую начали буры год назад. На этот момент они не то, чтобы проиграли, но наступило какое-то странное равновесие – весь ход войны шел в пользу буров, а закончилось все захватом столиц их двух республик. Наступил момент принятия решения – рискнет Англия на новую непредсказуемую войну, или перейдет к переговорам. Англия решила воевать, и в итоге этой войны бургские территории перешли в подчинение королевы. Это еще и особая война по той причине, что в ней впервые в мировой практике пехота стала ходить в атаку не плотными рядами, а цепью, потому что с появлением пулеметов возросла плотность огня.

1901 год, буры, потерявшие свои территории, вторгаются в многострадальную Капскую колонию, которую в свое время англичане отвоевали у голландцев. Буры бьются с местными кафрами насмерть и бесполезно для себя. Ничего не вышло. Сейчас это Капская область со столицей Кейптауном.

1901 год, Золотой Берег (ныне Гана) нападает на королевство Ашанти и захватывает его. Так создавалась империя, над которой никогда не заходило солнце, то есть, Великобритания. Англичане семь раз пытались завоевать Ашанти, семь раз неудачно и, в конце концов, вынуждены были заключить с племенами этой самостийной федерации всего лишь договоры о протекторате. Через пять лет в 1900 году новые договорные друзья (англичане) так надоели племенам, что они их видеть больше не могли и подняли восстание. Мудрая английская тайная политика включила королевство Ашанти в состав Золотого Берега сразу же после его, Золотой Берег захватил это королевство Ашанти. Потому что по договорам с Великобританией губернатор Золотого Берега полностью подчинялся английской королеве, но племена ашанти отношений губернатора с Англией не видели, а видели только то, что никакие англичане вокруг больше не ходят и не командуют.

1904 год, британский экспедиционный корпус входит в Лхасу, захватывает Тибет, и полковник Френсис Янгхасбенд навязывает далай-ламе «Договор о Тибете», по которому англичане торгуют здесь беспошлинно, а тибетским властям запрещается пропускать на свою территорию любых представителей любых других государств.

1908 год, Россия и Австро-Венгрия проводят размен. Первая получает право прохода через Дарданеллы, а вторая права на Герцеговину и Боснию. Австро-Венгрия вторгается в эти страны и захватывает их. Россия как бы не видит.

1911 год, Италия объявляет войну Турции, вслед за чем итальянский флот атакует Триполи, что, как мы понимаем, совсем не в Турции, и поэтому эта война так и называется – Ливийская, или Триполитанская. За шесть дней итальянцы захватили север Африки, турки отошли на юг, война затянулась. Через год турки, отягощенные новой балканской войной, сдали Ливию итальянцам по договору. В этой войне впервые авиация применялась для разведки и бомбометания.

1912 год, Болгария и Сербия, воспользовавшись трудным положением Турции на севере Африки, проводят мобилизацию и готовятся к освободительной войне. Готовятся тщательно, не торопясь и не скрываясь. Давно известен постулат, что мобилизация – есть война, и назад дороги нет. Через месяц у турков сдают нервы, и они начинают боевые действия первыми.

1923 год, греками убит некий итальянец, помогавший устанавливать границу между Грецией и Албанией. В ответ на это Муссолини атакует с воздуха греческий остров Корфу и оккупирует его. Таков был счет Италии, предъявленный грекам – один остров за одного человека. Интересно, как согласно этой логике могли бы аннексироваться полуострова? Впрочем, через 27 лет Италию из Корфу попросили. Случайная жертва ее гражданина оказалась напрасной и не отмщенной.

1925 год, теперь болгары убивают грека, и греки, имеющие собственный опыт возможной схемы ответа на подобные действия, вторгаются в Болгарию. Что там Италия! Страну за человека! Заканчивается все штрафом, наложенным на Грецию Лигой Наций.

1931 год, Япония нападает на Манчжурию.

1932 год, Перу захватывает у Боливии городок Летисия. Боливия как раз в это время ведет войну с Парагваем. Город давно уже был предметом спора между Боливией и Перу, и вот перуанцам надоело бесполезно спорить и доказывать очевидное.

1935 год, Италия захватывает Эфиопию, за что ее исключают из Лиги Наций, признав агрессором. Штраф не решились применить, очевидно...

1938 год, Германия оккупирует Судеты, это начало захвата Чехословакии, который произойдет через полгода. Гитлер пробует зубы. Что Лига Наций? Плевать ему уже на Лигу Наций. В принципе, гитлериада, как захват Европы, отсюда и началась.

1939 год, Германия нападает на Польшу и начинается Вторая Мировая война.

1939 год, через семнадцать дней после нападения немцев СССР вторгается в Восточную Польшу.

1940 год, Япония нападает на Вьетнам. До этого вьетнамцы десятилетия уже боролись с французскими колонизаторами, и когда Франция проиграла войну Германии, население Вьетнама оценило это по максимуму – теперь к ним пришли японцы, которые действовали через все ту же французскую администрацию. Через пять лет японцы якобы свергают французов с управленческих мест и страна становится просто японским военным лагерем. Просто автоматически. Если нет никакой администрации (бывшей французской), то естественно, что единственная оставшаяся администрация и является хозяином, то есть, японская военная администрация.

1940 год, Италия нападает на Египет, вторгаясь в его пределы с территории Ливии в направлении Сиди Баррани.

1940 год, Англия пытается захватить Дакар. Это репетиция. В 1942 году спектакль успешно состоится с участием американских частей.

1945 год, вьетнамцы объявляют всему миру, что у них теперь есть свое государство, а французы начинают с ними воевать в простом намерении объяснить вьетнамцам, что те насчет «своего государства» глубоко заблуждаются.

1950 год, США вмешивается в конфликт двух Корей и захватывает Сеул. По приказу Макартура американские войска продолжают наступление, переходя границу Северной Кореи.

1956 год, президент Египта Насер отказывается передать Суэцкий канал под международный контроль. В Сен-Жермене французы и премьер Израиля Голда Меир решают силой вернуть канал в собственность англо-французской фирмы «Суэцкий канал». Через месяц с небольшим Израиль вторгается на Синайский полуостров.

1960 год, сепаратист Чомбе, совершает переворот, лишает власти, увозит в свою провинцию Катанги и убивает там президента Заира Патриса Лумумбу (снимает с него скальп!). Польша гражданская война.

1961 год, войска ООН начинают войну против Катанги, где засел сепаратист Чомбе, с целью присоединения провинции назад к Заиру. Разразилась неожиданно кровопролитная война, которая закончилась только через три года согласием Чомбе войти в состав Заира (Республика Конго).

1962 год, Китай вторгается в Северо-Восточную Индию.

1962 год, СССР начинает поставки вооружений на Кубу, начинается Карибский кризис. Вроде не война, но то, что творилось на морских путях к Кубе, ничем от войны не отличалось.

1964 год, Индонезия нападает на Малайзию.

1965 год, Пакистан нападает на Кашмир (индийский штат).

1965 год, рокировка, Индия вторгается в Западный Пакистан.

1967 год, индо-китайская война.

1969 год, Лаос нападает на Вьетнам в Долине Кувшинок.

1969 год, Израиль атакует Египет у южного входа в Суэцкий канал.

1970 год, начало новой формы войны в истории – террора в отношении мирных граждан. Палестинцы в один день захватывают 4 пассажирских авиалайнера в Каире, два в аэропорту Доусонз Филд (Иордания) и один в Хитроу (Лондон). Через три дня они умудряются захватить в Иордании в том же аэропорту еще один английский авиалайнер, взрывают все эти три самолета, а оставшихся заложников меняют на своих бандитов в тюрьмах Великобритании, ФРГ и Швейцарии.

1970 год, Иордания в отместку начинает разрушать лагеря палестинцев, начинается война Иордании с ООП.

1970 год, Сирия танковым ударом вторгается в Иорданию. Это они за ООП решили заступиться. В итоге братья-мусульмане мирятся в Каире, и по каким-то неизвестным последствиям этого события буквально на следующий день в этом же Каире умирает президент Египта Насер.

1972 год, началась «тресковая война» между Исландией и Англией. Не поделили какую-то 50-мильную зону. Самая настоящая война за право ловить треску на какой-то территории: перестрелки между боевыми кораблями, разбрасывание мин, вооруженные захваты траулеров, а исландский катер береговой охраны протаранил британский военный корабль. Все это привело к разрыву дипломатических отношений и закончилось миром только через четыре года.

1973 год. С крупного воздушного сражения между Израилем и Сирией начинается новая арабо-израильская война. На стороне Сирии вскорости выступает Египет. Совместная сирийско-египетская атака на Израиль во время одного из еврейских праздников втягивает в войну весь Ближний Восток. Через месяц СССР начинает поставлять арабам по воздуху вооружение, а Ирак присоединяется к боевым действиям. Через три дня в войну вступает Саудовская Аравия и даже ненавидящая палестинцев Иордания. Все это, само собой разумеется, не на стороне Израиля и арабы воодушевлены.

Итог удивительный – Израиль не только остается там, где он и был, но еще и вторгается на территорию Сирии. Затем он форсирует Суэцкий канал и воюет уже на территории Египта. Воодушевление арабов гаснет, состояние их духа можно выразить одной фразой – надо же, а так все хорошо начиналось... Наступление Израиля приостановлено только угрозой советского вторжения на Ближний Восток. Своих дел было мало...

1980 год, атакой Ирака на реке Шатт-эль-Араб начинается затяжная ирако-иранская война, та самая война, в которой по еженедельным сообщениям иракских и иранских информационных агентств о потерях противника, (если их суммировать), погибло количество военнослужащих, в несколько раз превышающее численность обеих государств. Не жалели себя ради правого дела ни те, ни другие, однако...

1989 год, США разрывает дипломатические отношения с Панамой, готовит военную операцию и вводит в Панаму войска. Цель прогулки – свержение режима генерала Норьегги. В итоге генерал схвачен и отправлен во Флориду, где три года проходит судебное следствие о контрабанде наркотиков, по итогам которого он получил 40 лет тюрьмы.

1994 год, США не нравится военный режим в Гаити. Выход найден простой – американские войска доблестным штурмом захватывают эту твердыню (Гаити). Им навстречу не раздалось ни одного выстрела.

1994 год, в результате обострений американо-иракского конфликта США проводит бомбардировку Багдада.

Что же такого во всех этих конфликтах, что говорит о статистически невозможном? То, что все эти события начались или произошли в сентябре. Согласно расчетам, вероятность подобной ситуации, когда из ста войн за сто лет 40 пришлись бы на один месяц, составляет $\approx 7,67 \cdot 10^{-21}$. Для сомневающих в полученном итоге, вот формула -

$$\frac{C_M^m \cdot C_{N-M}^{n-m}}{C_N^n}, \text{ где } C_n^m = \frac{n!}{m!(n-m)!}, \text{ а } n! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot \dots \cdot n \text{ (значения пусть подставят сами). Что}$$

это за число - $\approx 7,67 \cdot 10^{-21}$? Это запредельное число. Это не то, чтобы ничтожно мало для вероятности, это вообще – ничего. Число с двадцать одним нулем невозможно вообще приложить ни к чему, существующему в пределах Земли. Сказать, что в этих сорока войнах нет ничего невероятного, это то же самое, что обзавестись с первого раза случайно показать фальшивый доллар, случайно открыв дипломат одного случайно выбранного триллиардера из семи миллиардов шестьсот семидесяти миллионов триллиардеров, у которых все триллиарды хранятся в однодолларовых купюрах. Вы можете это попробовать сделать, если у вас предварительно есть шанс на то, что бывает соответствующий по объему дипломат, куда влезет этот триллиард случайно выбранного триллиардера (по подсчетам автора высота этого дипломата будет всего лишь 3 000 км). Если этого не получится, и дипломатов будет много, то можете даже и не пытаться.

Если бы мы в девятнадцатом веке попросили дать нам вероятностную картину возникновения военных конфликтов на следующие сто лет по месяцам, то ни один теоретик не только не решился бы указать на сентябрь в подобном соотношении вероятности, но у него даже и не выплыло бы такого варианта. Скорее всего, у него был бы приоритет относительно начала лета, и это понятно, потому что для любой военной кампании необходим резерв хорошей погоды без дождей и морозов. Многие, наверное, еще помнят, как наши бабушки и дедушки говорили – «лето прошло, значит, в этом году войны уже не будет». И если бы мы спросили в девятнадцатом веке у специалиста по вероятностным теориям – «а, каковы шансы, что 40 из 100 войн произойдут в сентябре»? – то он дружески похлопал бы нас по плечу, чтобы сочувственно не погладить по голове.

Ошибки в вероятностных расчетах тоже возможны. Они происходят в тех случаях, когда учтены не все факторы. Потом, когда открывается расхождение реальности с теоретическим результатом, такой фактор отыскивается, вводится в исходные данные для

расчетов, и результаты вновь приближаются к реально происшедшему. Таким обратнo-логическим путем (зная реальный результат) производится корректировка расчетов. Если кто-нибудь считает, что в нашем расчете невероятность сентябрьской повторяемости в двадцатом веке - это просто результат того, что не учтены какие-то факторы, то пусть он эти факторы, которые способствуют сентябрю, отыщет, и скажет на их основе, что тут нет ничего таинственного, и так и должно было быть. Все читали этот краткий перечень – по всему миру, во всех климатических зонах, на суше, на море, в воздухе, при различных обстоятельствах, по разным предпосылкам и т.д.... Что тут на сентябрь может указывать, как на нечто избранное?

Однако ж – избран был, если вспомнить о статистической невозможности подобного случая. И если уж совсем жестко не упираться в рамки двадцатого века, то можно вспомнить, что у нас в России попытка арабизации всей страны с плацдарма в Чечне началась взрывами домов в Москве и Волгодонске именно в сентябре. И непрекращающаяся палестинская война перекинулась «в логово зверя» воздушными терактами в Нью-Йорке также 11 сентября. Упаси нас Бог сейчас попытаться объяснить, почему сентябрь, или зачем сентябрь, потому что, вероятно, здесь нет никакого «зачем», а «почему» подчиняется все тому же таинственно необходимому, которого мы не знаем напрямую. У нас остается только одно – спрашивать у теории вероятности: «как же такое могло произойти, и что ты нам об этом можешь сказать»? И теория вероятности на это нам находчиво ответит: см. выше.

Здесь важно другое – если всё-таки происходит нечто статистически невозможное, то этим преодолеваются пределы статистически необходимого и физически допустимого, определяемые той генеральной потусторонней программой, которая их охраняет, переводя случайное в закономерное. Здесь эта таинственная программа охраны статистической стабильности не работает. При этом она не просто пропускает нечто случайное, она пропускает *суперслучайное*, нарушающее даже то, что она сама же установила как не нарушаемое никогда и ни для кого. Единственное, чем можно это объяснить, так это только тем, что таким образом осуществляется не процесс какой-то регуляции результатов или состояний (он достаточно хорошо исполняется традиционными методами), а происходит некий процесс особого рода, имеющий особую роль вне задач поддержания общего порядка.

В принципе до этого мы разобрали роль случайного как фактора, который обеспечивает существование мира, и который кем-то или чем-то ограничивается в своих вариантах и переводится в закономерность. Это замечено и отражается в теории вероятности. Но статистически невероятные случаи подсказывают нам, что случайное не только обеспечивает само и регулируется чем-то, оно способно вносить изменения, которые находятся вне охранных запретов закона больших чисел, и, следовательно, действие подобных невероятных случайностей уже ничем далее не будет выравниваться по своему результату. А это говорит об одном - там, где происходят статистически невозможные события, происходят процессы, перенаправляющие развитие нашей действительности в ту или иную конкретную сторону, поскольку их результат не только будет выпадать из общего настроенного порядка, но он не будет нейтрализован соответствующим выравнивающим процессом противоположных результатов..

А это уже очень интересно, потому что то, что мир существует – это хорошо, но то, что он при этом развивается каким-то своим путем – это очень интересно. Ведь развитие мира должно иметь какие-то причины, и среди этих причин, как мы увидели, могут быть те, которые порождают случайности. Случайности с одной стороны исподволь и незаметно меняют мир в системе допустимых отношений мира (мягкий вариант), а с другой стороны могут придти в мир, переступив через возможности допустимого для этого мира, и вносить в него резкие одноразовые перемены (жесткий вариант). Таким образом, мир не только живет, благодаря случайностям внутри своих процессов, он развивается и меняется также благодаря случайностям. А это главный ответ на наш

вопрос «зачем нам это надо». Нам всё это надо, если мы хотим не просто жить в этом мире, а понимать, куда и почему он идет, и что во всём этом для нас, как для участников мировых процессов.

А теперь следующий вывод. Он будет выглядеть так – у нас впереди еще много выводов и не будем торопиться. Нетрудно заметить, что пока мы просто подняли рейтинг случайности в собственных глазах, и посмотрели на ее роль в мире несколько по-иному. На этом надо приостановиться, чтобы разобраться более тщательно – а как случайность может направлять или изменять развитие?

Как мучали Георга Гегеля

В заглавии данной главы автором в слове «мучили» произведена замена корневого гласного *-и* на *-а* лишь с тем намерением, чтобы именно в получаемой таким образом озвучке лучше всего выразить специфику того издевательства, которое совершается над великим Гегелем. По мнению автора, вот именно такая произвольная замена корневой гласной, когда слово остается тем же самым, но при этом становится совсем не тем, что оно есть, является прекрасной иллюстрацией того, что делают с Гегелем его «последователи».

Хотя, как читатель помнит, мы здесь должны остановиться на вопросах развития и участия в этом развитии случая. А здесь без Гегеля нам никак нельзя. Честное слово, даже неудобно напоминать, что в основе существующих теорий развития лежат системные диалектико-логицистские разработки Георга Гегеля. Категории качества, количества, меры, скачка, законы взаимного перехода количественных и качественных изменений, отрицание отрицания и т.п., все это пошло от Гегеля. Все это хорошо известно, тщательно изучается, любимо преподавателями и вообще всеми теми, кто имеет хоть какое-то отношение к философии. Даже студенты иногда говорят перед экзаменом – «хоть бы теория отрицания отрицания Гегеля попалась!». Здесь нет смысла ее даже кратко излагать, настолько она хорошо известна. Наоборот, здесь имел бы смысл изложить ее максимально развернуто, поскольку при всей своей известности она совершенно остается неизвестной, потому что извращена. Однако у нас не философские прения, и мы остановимся лишь на одном простом тезисе – Гегель не виноват.

В чем не виноват Гегель? Например, в марксизме он не виноват. Маркс и Энгельс были поклонниками и последователями Гегеля. Они даже в определенный момент своей жизни ничего так не желали более страстно, как называться «младогегельянами». Тут, правда, трудно сказать, что они подчеркивали приставкой «младо». Может быть и в самом деле свой тогдашний возраст... Хотя противостояли они неким «правым гегельянам». Ну, естественно, то, что располагается напротив правого, конечно же, ни что иное, как «молодое»... Кто ж тут будет спорить? Вот с этой отточенной логикой сопоставления диспозиций различных мировоззрений, они взяли Гегеля, освежали его, и создали из его диалектики «диалектический материализм». Используя положения Гегеля о том, что количественные изменения в течение развития чего-либо постепенно накапливаются и затем переходят в качественные, они создали теорию смены общественно-экономических формаций. Используя тезис Гегеля о том, что количественные изменения накапливаются медленно, а качественные происходят быстро, скачком, они обозвали скачок «революцией», и выдвинули лозунг - «революции – это локомотивы истории». Якобы по Гегелю. Используя доказательство Гегеля о необходимости, как основном стимуле развития, они объявили необходимыми этапами истории и саму смену этих своих формаций, и сопутствующую им социалистическую революцию, а также предрекли человечеству новую необходимую жизнь – коммунизм (первую фазу которой в форме социализма мы уже, слава Богу, пережили). И т.д.

Затем, параллельно с марксизмом, в какой-то момент, все эти гегелевские разработки вообще легли в основу некоего общего понятия о развитии, как о безостановочном видоизменении процессов самих из себя, происходящих за счет тех изменений, которые в них же и происходят и выводят их же на новое качество, создавая из старого новое, а затем уже и «новое новое», которое сохраняет в себе всё лучшее из старого. Развитие, как движение от простого к сложному, к более организованному, стало выводиться «по Гегелю» через внутренние и закономерные отношения борьбы противоположностей внутри какой-то системы.

В конце концов, диалектические коллизии внутренних самопреобразований объектов и явлений «по Гегелю» настолько увлекли философов, что они пришли к созданию картины некоей внутренне закономерной процедуры любого процесса, когда в нем изменение того или иного объекта или явления происходит по причинам, создаваемым непосредственно самим этим процессом внутри себя самого же (противоречия). Гегеля поняли так, что любой процесс сам из себя создает для себя же внутренние предпосылки и причины своего развития. Даже признанный диалектик, наш Алексей Федорович Лосев, борясь «за диалектику», провозглашает тезис – убил один человек другого, растерзал его, изуродовал, разорвал на части, значит так и должно быть, согласно законам диалектики, и никакие другие внешние этому причины для диалектики не нужны, потому что есть внутреннее закономерное развитие событий, и вот что такое диалектика! Он так и пишет – *«диалектика ... есть логическая конструкция ... бытия, основанного на самом себе и от самого себя зависящего»* (именно вот таким образом курсивом выделяет в тексте важное, а жирным подчеркивает основной принцип). Почти сто лет страшной по лишениям и страданиям жизни Алексей Федорович боролся за эту диалектику. Причем даже не стеснялся ругаться плохими словами на оппонентов, несмотря на всю присущую ему интеллигентность. Наделял он своих противников страшными кличками: «интеллигенты-позитивисты», «злостные метафизики», и «притом метафизики рационалистически-субъективистского толка», «не вам, абстрактным метафизикам и рационалистам учить меня», «умы, проникнутые формалистической и нигилистической метафизикой» и т.д. В общем, не жалел сильных выражений, агностицизм их мать... И не он один за это боролся. Итог всему этому – развитие стало пониматься как процесс самоорганизации. Но Гегель в этом не виноват.

И вот теперь, нынешняя синергетика, объявляя себя родственницей диалектике (то есть Гегелю), предполагает в будущем для себя некое свое объединение с этим методом анализа действительности, и берет в качестве основного объяснения развития все ту же самоорганизацию.

И никто не задается одним простым вопросом, который вытекает из всей теории развития, как процесса самоорганизации. А вопрос может звучать приблизительно так – откуда берутся новые качества в старом? По принципу самоорганизации эти качества берутся из старого же. Вроде просто, но - почему же тогда это старое сразу не было новым, если эти качества в нем уже были? Почему оно (это старое) уже сейчас не то новое, которым оно только станет в процессе самоорганизации, если качества, присущие ее будущему состоянию, уже присутствуют в нем? Если качества есть, то они есть. Тогда они должны проявиться разом и никакого развития уже не будет. Качество тем и определяется, что оно всегда выпирает наружу. А если ничего соответствующего наружу не выпирает, то никто не имеет право говорить, что данное качество вообще есть. Если оно не замечено через свое внешнее оформление, следовательно, его вообще нет, иначе к какому факту, доказывающему его, можно хоть как-то привязать хоть какие-то свойства этого качества? Качество – это вообще то, что делает данную вещь именно данной вещью, а не любой другой. Значит, в составе участников процесса развития их нет, этих качеств нового, иначе они были бы уже не тем, что они есть. То, что они есть сейчас – определяется их нынешним старым качеством. То, чем они станут потом – определяется тем новым качеством, которое *они приобретут лишь со временем*. А раз новые качества

только появляются с течением времени, то они появляются откуда-то *со стороны*, а не изнутри процесса. Откуда именно? Как система может переходить в иное себе, если внутри нее нет ничего, что было бы не ею?

Из ниоткуда, само по себе, ничего качественно нового не берется даже в пародии на гегелевскую диалектику. Оно (новое качество) должно где-то наличествовать. Оно и наличествует, но именно «где-то», а не здесь, где его только ожидают, потому что если оно уже здесь, то оно сразу же делает всё новым, не дожидаясь никаких странных процессов своего выявления. Оно, ведь, действительно *по Гегелю* приходит скачком, но не из внутренних просторов процесса. Поэтому у Гегеля и «скачок», что момент появления нового качества есть уже момент уничтожения (отрицания) старого. Ни в одной детали старых отношений новое не присутствует, поскольку старое – это старое. Новое качество приходит сразу и мгновенно, скачком, и как только пришло – никакого старого уже нет. Как же оно могло быть старым, если в нем были уже некие качества нового? А если это новое отсутствует в деталях, то все что далее будет создаваться этими деталями, будет тоже не новым, а вариантом старого, или мишурой, количественным обманом зрения. Из овощей и фруктов можно создать изображение человека – но здесь не будет ничего качественно нового, кроме иллюзии, потому что всё это останется овощами по качеству, несмотря на количественную похожесть. Также и в теории самоорганизации. Что-либо может из самого себя произойти только один раз, и далее без нового себе не может быть никакого нового развития, кроме циклического возвращения к прежнему состоянию. То есть, движение по спирали (по Гегелю) невозможно, возможна лишь количественная болтанка «туда-сюда» в пределах одного и того же качества.

Банально диалектический процесс объясняется на примере воды, которая превращается в лед. Количественные характеристики молекул воды под действием холода изменяются, и в точки замерзания (мера) появляется новое качество (было жидким, стало твердым). И, мол, что тут непонятного? Тут многое непонятно. Например, - где здесь самоорганизация системы? Разве холод создали сами молекулы воды? Нет, холод пришел *извне воды и принес в ее систему новое качество*. Холод, как «иное новое», приходит в старую систему и делает её иной себе прежней. Без холода была бы она вода водой на вечные времена со всеми своими количественными выкрутасами в пределах старого качества. Здесь нет никакой самоорганизации, если рассматривать это *с точки зрения источника нового качества*. Если это не так, то плавление стали тоже, давайте, трактовать как процесс самоорганизации. Схема перехода в другое состояние, ведь, та же самая, только не охлаждение, а нагревание происходит. У холода же, вот это его важное для воды качество, также появилось не самоорганизационно. Холод – это минусовая температура воздуха. Так разве воздух сам, независимо ни от чего, становится холоднее, «самоорганизуясь»? Также извне нечто к этому толкает. Причем сразу столько, что сразу и не перечислишь. Продолжайте включать сюда все внешние природные воздействия по очереди, и вы вынуждены будете признать, что всегда *извне, а не изнутри* что-то создает в любой системе новое качество. Новое качество не рождается в процессе внутренних движений системы, оно приходит к ним со стороны и насыщает собой старое.

Как ни прослеживай цепочку причинных взаимодействий для какой-либо системы, а всегда на каждое звено этой цепи отношений в качестве побудительной причины к изменению будет воздействовать соседнее звено. Причем в каждом случае это происходит веерным образом, по всем направлениям сразу. В итоге все обусловится друг другом, потому что, сколько веревочке физического мира не виться, а конец варианту возможных внешних причин наступит, и система закольцуется, *станет замкнутой*. Обязательно закольцуется и замкнется, и таков есть весь наш мир, замкнутый сам на себя в сплошном круге своих взаимодействий. Если это отрицать, то следует отрицать и единство физического мира, предполагая на этом отрицании, что есть различные части природы, которые могут существовать, обособленно замыкаясь в своих внутренних обстоятельствах. Таким образом, мир замкнут в своих взаимодействиях сам на себя. А мы

уже хорошо знаем – замкнутая система должна умереть по законам физики, и не может развиваться без нового себе извне себя *по законам гегелевской диалектики*. Но мы знаем и то, что мир жив и в нем происходят процессы развития. Следовательно, только что-то внешнее всему миру должно сообщать ему жизнь, и только что-то внешнее миру должно быть источником нового в его развитии. Нам уже понятно – и то и другое делает Случай (вносит новизну в пределах стабилизирующихся стандартов мира, а также может внести нечто совершенно новое, преодолевающие данные стандарты). Но понятно окончательно только сейчас, что Случай у нас теперь плотно связан с чем-то *внешним миру*. И понятно то, что в данном контексте никакой самоорганизации изнутри мира быть не может.

Почему об этом забывают (про невозможность появления нового изнутри старого)? Потому что у Гегеля все красиво и абсолютно логично. Вернее, не потому, что у Гегеля логично и правильно, а потому что до уровня Гегеля дойти трудно, поверить ему не хочется, но применять его достижения всегда так удобно по *логицистской строгости гегелевской схемы*. Вот эта сердцевина гегелевского метода, его системный логицизм, настолько сильно скрепляет даже недопонятые или поверхностно понятые положения его диалектики, что даже на отщипнутых от Гегеля отдельных местах, без их сущностного смысла, всегда можно создать теорию, которая будет выглядеть логичной и непротиворечивой. Как теория самоорганизации, в существовании которой Гегель не виноват.

А, все-таки, как там у Гегеля? Что ж там такого пропускается, или недопонимается? А у Гегеля там простая схема: все развитие мира, и в целом, и в каждой своей части - есть развитие Абсолютной Идеи, которая существовала вечно и содержала в себе все возможные определения природных, общественных и духовных явлений. Затем эта Абсолютная Идея решила превратиться в Дух. Что это значит, и как она это стала делать? Сначала она создала некое сознание, то есть набор категорий и понятий, в соответствии с которыми она собралась создавать природу. Затем на основе этой схемы понятий она создала природу, то есть мир конечных вещей. Зачем? Для появления человека. А человек зачем? Человек, по ее замыслу, станет осуществлять духовную деятельность, через которую эта идея сможет познать самую себя, и когда она познает самую себя, она превратится в Абсолютный Дух. Зачем? На это Гегель не отвечает. Это надо у Идеи спросить. Да, и не в этом дело, а в том, что все три гегелевские закона развития, которые втискиваются сейчас во все теории самоорганизации, если и могут работать без того абсурда, который мы видели выше, то только в гегелевской схеме, где все новые качества *инспирируются извне Абсолютной Идеей*. У Гегеля есть источник насыщения развития новым качеством. *Потусторонний*. Если убрать этот источник, то это равносильно тому, что взять двигатель внутреннего сгорания и утверждать, что он может работать без бензобака и бензопровода. При этом всю работу двигателя, естественно, очень легко объяснить процессами самоорганизации за счет противоречия между расширяющимся давлением газа в цилиндрах и стремлением поршней это давление игнорировать.

Вот так Гегеля и мучают. Наши северные народы удивительно порядочны, доверчивы и открыты, как дети. Сами совестливые каким-то естественным, чуть ли не физиологическим образом, они никогда не подозревают и не ждут обмана. Рассказывают о различных розыгрышах над ними геологов и нефтяников с «большой земли» в 60-е годы XX века. Один из розыгрышей состоял в том, что оленевода заводили в отапливаемое помещение, подводили к батарее, давали рукой почувствовать тепло, а затем вели на склад, где из штабеля дарили ему не присоединенную никуда такую же батарею и говорили – «в чуме поставишь, Ташкент будет». И счастливчик вез батарею в чум... Северян тоже «мучали», по иному опять не скажешь, потому что не от большого ума или культуры такие шутки шутили, но ведь и Гегеля точно также мучают – берут кусок его работающей схемы, выдергивают с мясом и везут в свой чум... От большого ума опять.

Повторим свой тезис еще раз – Гегель во всем этом не виноват. У него был единый универсальный метод познания мира, как в познаваемой его части (природа и человек), так и в не познаваемой (Абсолютная Идея, потусторонний разум). Смысл диалектики (по Гегелю) состоит в том, что в истоках происходящего с миром находится Непознаваемое, но если собрать по кусочкам все происходящее с миром, и увязать эти кусочки в одну логическую картину, то вытасченное из каждого маленького кусочка маленькое знание о Непознаваемом, может сложиться в одно большое знание о Нем же. Для этого надо только создать в уме логически оправданную картину всеобщей взаимосвязи всего творящегося в мире, и понять – что же при этом каждый раз хочет это Непознаваемое? А если без Гегеля (без Непознаваемого), то такая диалектика – диалектика только по названию.

И главное отсюда – диалектика без Гегеля теперь должна судить только о познаваемом, и больше ни о чем другом, ибо у подобной диалектики уже нет ни инструментов, ни приемов распознавания Непознаваемого. Она даже заикаться не имеет права о реальности или нереальности Непознаваемого, потому что ее сектор обзора его не охватывает. Но даже и то, что ею теперь познаваемо, она уже не может познавать, поскольку, лишившись Целей Непознаваемого в каждом отдельном событии и во всем мировом процесса вообще, она не имеет никакой другой *процессорегулирующей* цели в исследуемых ею явлениях. Она заменяет строгую высшую цель развития мира некоей постоянной и бесцельной борьбой на местах, которая просто должна вечно и бесконечно происходить в столкновениях противоположностей по их непримиримой природе. Дело ведь не просто в том, что у Гегеля в системе диалектики присутствует некая цель, а дело в том, что *эта цель у Гегеля является управляющим параметром развития мира*. А то, что не имеет управляющего параметра относительно себя, бессмысленно, поскольку никуда не идет. А то, что никуда не идет и не имеет цели – бессмысленно по определению. А то, что бессмысленно по определению, то не познаваемо в принципе, хоть и различимо в своей явной понятности и бессмысленности. И зачем же тогда вообще весь этот метод познания, если он видит только бессмысленное и непознаваемое даже там, где может познавать?

Для особо непонятливых Гегель эту свою «Идею» уподоблял буквально кроту, который неустанно и безостановочно роет осмысленные ходы истории согласно своему предначертанию. А без этого крота данные ходы роются сами по себе, в никуда и ни зачем. Ведь Гегель именно это имел в виду, когда шел дальше Канта, который назвал бытие мира в том виде, в котором оно доступно познанию – «целесообразностью без цели». Гегель показал эту цель, которая сама из себя является одновременно источником всего нового. Тут Гегелю можно верить, можно не верить (в его рассказ про Абсолютную Идею), но с верой, или без веры, а надо понимать – не может внешняя схема его логической работы браться к применению без ее внутреннего смысла. А если это делается, то делается неправомочно. Ну, а если, все-таки, все равно делается, то надо понимать и всю неправомочность философско-логических заключений, сверстанных на этом. А если этого не понимается – то Гегель в этом не виноват.

И вот, мир, как целое, в безгегелевской диалектике, не умеющей поднять голову от земли, ничего нового, кроме миражей, не предоставляет и не может предоставить познающему уму, в котором постоянно подобными миражами возникают то производственные отношения, то аттракторы с бифуркациями, то коллективное бессознательное, то движущие силы противоречий, то еще какие-то поводыри по пустыням и каньонам территорий, лишенных духовного внеприродного начала бытия.

Нам-то что со всего этого? А нам пора вернуться к той мысли, что Случай создает и вносит в мир новые качества, будучи при этом инструментом «в руках» некоего внеприродного фактора. Вот у Гегеля такой внеприродный фактор – Абсолютная Идея. А у нас кто? Кто или что у нас делает случайное закономерным, пробивает статистические запреты физически допустимого, вносит незаметную или явную новизну в мир? Пока не знаем. На данном этапе нам еще ничего не понятно. И дело здесь не в том, что кто-то

хочет темнить или создавать пустую интригу. Просто надо придерживаться объективных обстоятельств. Решительное применение слова «Бог» везде и всюду еще не означает того, что это везде и всюду оправдано. Само применение этого слова не отменяет абсурдности какой-либо теоретической конструкции и не укрепляет ее шаткости своим присутствием.

Например, кто упрекнет в безбожии тех, кто утверждает, что бог есть, и этот бог не что иное, как некий эгрегор? А что такое эгрегор? А это люди тысячами думали, *что бог есть*, а эманации серого вещества этих людей создавали субстанции соответствующих мыслей, которые по принципу притягивания подобного к подобному собрались в одну большую разумную свалку тонкой материи с приблизительно одним содержанием о том, что бог, якобы, есть. Эта свалка и называется эгрегором. Он (эгрегор) мыслит и хочет жить, а для того, чтобы расти и питаться подобными мыслями, он проводит различные рекламные акции на земле (чудеса, явления, исцеления, исполнение молитв и т.д.), чтобы иногда подтверждать, что бог (то есть он, этот эгрегор) есть. Есть эгрегоры христианства, мусульманства, буддизма и т.д. Такой бог нам совсем не Бог, как мы это понимаем, и поэтому огульно называть нашего внеприродного командира случайности Богом, еще рано. Надо разобраться.

Может быть, эгрегоры и в самом деле есть, и они нами управляют. Кто знает? Здесь просто трезвый и неспешный подход, причем даже не во вред материалистам, которые сейчас раздражаются только от одного упоминания возможности каких-то сущностей вне природы. Они зря возмущаются. Автор в допущении этих сущностей исходит именно из глубинных принципов материализма. Ведь, если по материализму сознание (абсолютно нематериальное явление мира) является всего лишь свойством высокоорганизованной материи, то почему эта высокоорганизованная материя не может создавать эгрегоров, чертей, ангелов, призраков и всего прочего, которое, все-таки, намного более материально по предполагаемому составу, чем сознание, и гораздо ближе по возможностям к высокоорганизованной материи? Если материя может одно, то должна легко справиться и с другим. Приятно осознавать, что хоть здесь мы с материалистами так едины...

Итак, что-то есть, но мы знаем о нем очень мало. Тем более, из-за того, что мы о нем еще ничего не знаем, нам бы хотелось убедиться, что мы ничего не придумали, и для этого случая мы и помянули выше синергетику, которая утверждает, что материя сама из хаоса и бессмысленности порождает свой порядок и смысл. Потому что единственным вариантом нашему предположению была бы именно самоорганизация. Нам теперь, хоть уже и должно быть ясно, что никакой самоорганизации не может быть, но придется приостановиться и разобраться с этим еще раз, поскольку и без синергетики сейчас уже тоже никак нельзя. Нас просто не поймут. Скажут – они отстали, ничего не знают про синергетику, а то бы... И так далее. Нет, без синергетики никак нельзя. Ведь не на пустом же месте синергетика возникла, она возникла на научно осознанном факте того, что в составе материи нет физических свойств, обеспечивающих организацию материи в упорядоченные и стабильные формы. Если бы такие свойства у материи были на физическом плане, то никакая синергетика не нужна была бы, и физика давно бы обо всем поведала. От отчаяния, от мрачного понимания того, что достигнут предел возможностей объяснить организацию материи внутренними свойствами ее составных частей, синергетика выскакивает из этих внутренних свойств и распространяет над всей материей некую самоорганизацию, которая не в составе самой материи, но при ней (только при ней!) как некое ее внешнее свойство. Здесь виден благородный и бойцовский порыв остаться именно без некоего нематериального наличия Творца, хотя бы даже в форме слепой самоорганизации.

«Синергетика» – это слово сейчас настолько же модное, насколько звучно само название этой... чего? Куда ни глянь, везде и всюду синергетику называют наукой. Или чуть скромнее – «новой наукой». Иногда ее просто и обыденно даже называют – «наукой будущего», очевидно предполагая, что в будущем, как и у любой научной дисциплины, у нее, все же, появится предмет исследования, что и характеризует, прежде всего, любую

науку, как науку. Пока же сама синергетика с предметом своего исследования не определилась. Как дисциплина она изучает неизвестно что и всё подряд, и поэтому лучше всего себя чувствует в качестве некоего внештатного и междисциплинарного консультанта других наук. Как дисциплина синергетика не имеет никаких понятно очерченных внешних признаков или внутренних иерархий, она есть не более чем способ интуитивно-математического «понимания», не имеющий моделей конкретного приложения к конкретным системам. Она - некий вид трактовки причин вероятных движений. То есть, по своей сути, она, как дисциплина, даже не междисциплинарное, а *внедисциплинарное явление*. Появилась она из химии, кинулась в физику, но, почувствовав себя там неуютно, тут же перешла к мозгу и к общественным исследованиям. Но и здесь мы до сих пор не имеем ни методов синергетического моделирования, ни путей синергетического предсказания, потому что наличие человека, как участника процессов, всегда делает любую систему достаточно непредсказуемой для любого сценария. Синергетика ведет себя настолько эластично, (перемещаясь между дисциплинами), только благодаря использованию традиционной математики, потому что она – это всё тот же самый матанализ и математическое конструирование в самой традиционной форме нелинейных математических моделей. Сила синергетики кроется в том, что она может теоретически коснуться всего, не коснувшись ничего практическим или конкретным образом. И любимое слово синергетики – «самоорганизация».

При этом видится непосредственно сам главный порок синергетики, который состоит в том, что источник самоорганизации ею опускается в зону элементарных частиц, полей и квантовых взаимодействий микромира. Синергетика не есть нечто новое в человеческой мысли. Синергетиками были еще античные Гесиод, орфики и пифагорейцы. Правда, они в ту пору еще не знали такого термина и не могли его к себе применить. В те времена основным вопросом поиска мудрецов было некое «первоначало всех вещей», ибо понятие Хаоса не было новым для древних греков, и они прекрасно понимали, что для существования упорядоченного мира требуется некое организационное усилие над хаосом. Основным вопросом того времени был очень четко обозначен Аристотелем, который попытался увенчать своими трудами историю эллинской мысли, и сформулировал его так – «почему существуют вещи?». Древние греки ответили очень правильно – вещи существуют через некий разум, ум, Нус, Логос, Идею. Потом Аристотель их неудачно попытался поправить, создав учение о формах и вернувшись к анимизму (наделению вещей душами). Но были и такие разработчики данного вопроса, которых Аристотель даже и не поправлял, а просто скептически упоминал. Это как раз наши Гесиод, орфики и пифагорейцы.

У Гесиода сначала был хаос в виде тучеобразной материи, а затем из этого хаоса возникли Земля и Эрос, который как раз и стал заниматься тем, что организовывать мир. Что сделало Эроса таким разумным менеджером? Да, ничего! По Гесиоду Эрос - это просто не отдающая себе никакого отчета некая мудрость. Это не разум и не демиург (личностное главенствующее божество). Можете это даже кармой назвать, по смыслу ничего не поменяется. Хотя такой Эрос даже мощнее кармы, потому что он даже неживой природой рулит, а не только живым разделом мира. Основным смыслом здесь все тот же – организация мира без разумного начала. Это и есть синергетика, то есть самоорганизация. Что такое самоорганизация, как не именно то, в самом-то деле, что сказал Гесиод, – некая обезличенная мудрость? Гесиод был первым.

У орфиков родословная Эроса другая. У них из мировой тьмы появилось яйцо, которое раскололось и породило Эроса. Из Эроса уже, в свою очередь, произошли люди и свет. Причем Эрос слыл большим оригиналом, потому что имел голову быка и сияющие крылья, был двуполым и носился по эфиру. Это тоже чистая синергетика – потому что само собой всё вот так и сорганизовалось. Яйцо само появилось, само же оно раскололось и все остальное само собой происходило, самоорганизуясь. Если говорить о самоорганизации, то возможны, как видим, любые варианты. Кто может указать на какие-

то обязательные вероятные или невероятные обстоятельства тому, что самоорганизуется? У него свой путь и свое внутреннее законодательство.

Пифагорейцы еще более напутали в этом вопросе, выдвигая в качестве изначальной стихии мира некое «беспредельное», которое почему-то находится у них сразу и за небесным сводом, и в чувственном мире. Это беспредельное у них - некая самостоятельная субстанция, из которой само собой все произошло, и через дыхание которой существа разделяются друг от друга. Впрочем, пифагорейцы любили тайны и посвящали в свои знания даже далеко не всех участников собственного ордена. Тут тоже большая тайна, но идея та же самая – самоорганизация.

И если уж упоминать всех, то куда по большому счету от синергетики деть и Гераклита, у которого все произошло из огня? Заметив (диалектически!), что окружающий мир все время изменяется и при этом остается тем же самым, он указал на еще одно явление, которое, по его мнению, абсолютно схоже с этими характеристиками. Это огонь, который всегда один и тот же, но который при этом одновременно все время движется, меняясь. Из сгущения и разрежения огня все и происходит. Самоорганизуется. Варианты, действительно, возможны любые.

Современная синергетика, конечно же, про всяких быков, небесный свод, Эросов и про подобное не говорит. Она говорит об аттракторах, бифуркациях, флуктуациях, диссипативных структурах и других очень важных вещах. Времена другие. Но по своему главному принципу она от античности ничем не отличается и является просто новым витком все тех же идей на новом уровне знаний. И упомянутые теории древних греков, и современная синергетика, базируются только на креативности хаоса, то есть на его способности к творческой созидательной работе. Помимо главного вопроса – откуда в хаосе такие способности и почему он тогда, все-таки, хаос, хочется напомнить еще одно: никакого хаоса в физическом мире никогда не может быть, потому что тогда не будет самого физического мира. Даже если себе представить то, что существует только одна элементарная частица, то ей уже необходимо иметь для своего движения некое пространство, большее её объема, ибо недвижимой материи не бывает. Чтобы она могла двигаться, и чтобы существовало подобное пространство, должны уже существовать и работать все физические константы, определяющие физические условия и возможности движения. Потому что практически все эти константы относятся именно к микромиру. Из пяти констант, относящихся к вакууму, путем различного их взаимодействия образуются все остальные (всего около 25). Если существуют все физические константы, то это уже никак не хаос. Даже если не все константы существуют, даже если только одна имеется в наличии, то это тоже уже не хаос, это уже строгий порядок. Если мы говорим, (синергетика говорит), что хаос может порождать порядок, то, как же хаос может его порождать, если в состоянии хаоса не может быть никакой материи, то есть, не может быть ничего вообще - ни того, из чего можно порождать порядок, ни того, в чем непосредственно хоть что-то можно порождать? А если материя появляется, то она уже существует по всем своим строгим физическим обстоятельствам и хаосу уже здесь делать нечего в смысле какой-то организации. Здесь последовательность очевидна – материя не может появиться до тех пор, *пока не будут существовать внешние ей условия порядка*. Порядок существует, таким образом, до материи, и его источник не в материи. Этот порядок организует не столько материю, сколько обстоятельства ее появления, и затем именно в этих обстоятельствах физический мир существует и дальше. Если искать источник этой организации в хаосе, то есть в его способности к самоорганизации, то тогда вообще не в чем искать – хаос и нечто существующее реально несовместимы.

Таким образом, синергетика не решает вопроса возникновения мира (что ее не особенно-то и волнует), но тем самым она не решает и логической необходимости самоорганизации, как *всеобщего* принципа развития. Ведь если хаоса быть не может, то мир был организован всегда, и с самого начала имел в себе развитие, *родословная которого не из хаоса*. А всё, что остается синергетике – это некая локальная

самоорганизация некоторых состояний, что вторично основной организации мира, и не может объяснять ничего, кроме того, что не относилось бы к отдельным процессам, отдаленно похожим на самоорганизацию. Сама синергетика возникла как раз из таких вот локальных процессов. Она возникла из того «Ах!», которое произнесли наблюдатели некоторых нелинейных процессов, происходящих в некоторых пробирках некоторых смесей некоторых лабораторий. Вот теперь мы наблюдаем, как это «ах!» от пробирки стало переноситься на весь мир в целом, как на такую же пробирку, в которой когда-то произошли беспричинные изменения, то ли окраса вещества, то ли его сотрясения неким нелинейным эффектом по принципу «всё вдруг». И в самом деле, если такое бывает в пробирке, то, как не расценить это, как присущее всему миру? (Сравним логические предпосылки античности, которые вышли из понятия хаоса как «ничто», и логические предпосылки синергетиков, которые вышли из химической пробирки!!!) Впрочем, про пробирки давно уже все забыли, и теперь без синергетики и шагу нельзя делать не только в объяснении материи, но даже в трактовке социальных изменений или в описании работы мозга. Но для начала надо бы объяснить хотя бы материю. Говорят, что подобное объяснение у синергетики уже практически в кармане, и надо только подождать.

Часто приходится слышать, что материя еще не до конца изучена, и, возможно, ниже того микроуровня, который мы сейчас знаем, находится еще что-то более мелкое по размерам или энергетическим составляющим, еще нечто такое субэлементарное, и кто может утверждать, что когда мы его найдем, то нам не откроются, наконец-то, внутренние свойства материи к организации? Но, во-первых, материя практически изучена, и это очень интересный и значимый момент нашего времени. Ничего серьезного мы в материи больше не найдем, это раз. А два – это то обстоятельство, что мы даже того уровня, что достигли (элементарного), не только не можем объяснить в привычных понятиях, но даже и увидеть никогда воочию не сможем. Этому есть определенные неустранимые причины, но об этом потом. Сейчас о другом. В этой спасительной надежде на субэлементарный уровень видна очень слабая логика, которую можно даже назвать «антилогикой», потому что, если уж вы на сложно организованных участках материи не нашли ничего другого, кроме разложения этих сложных организаций на простые составляющие, в которых уже ничего не понятно, то чего же вы ждете от каких-то совершенно простейших и субэлементарных ее частей? Как вы собираетесь в предельно простом обнаружить невероятно сложные источники организации?

Разговоры о том, что вопрос проникновения в тайны существования субэлементарных частиц держит в руках все будущее естествознание, не только антилогичны, но и напрямую странны, ибо *уже ниже атома существуют только разрозненные элементы, не образующие никакого взаимодействия*. Они даже не могут образовать из себя каких-либо взаимно устойчивых комбинаций, а не то, чтобы выступать посредниками сложной организации. Чем ниже и глубже вы будете проникать в мир элементарных частиц, тем *элементарнее* будут их свойства, и тем элементарнее, соответственно, будут возможности наблюдаемых объектов к созидательному взаимодействию. Давайте именно здесь искать истоки самоорганизации! Давайте искать истоки самоорганизации здесь, где все элементы материи вообще никогда не были бы замечены именно *по результатам взаимодействия*, поскольку здесь никакого взаимодействия уже не происходит! Из отсутствия взаимодействий так перспективно выводить закономерности взаимодействий!

Антилогика - это новый и остроумный прием, однако его перспективность, очевидно, может быть доказана, все-таки, не в системе приемов синергетики. Потому что синергетикой занимаются люди искренние, талантливые и широко образованные. У них свой путь. Они хотят, чтобы мир стал до конца понятным. Тем более что пример самоорганизации нам известен. Это, правда, единственный самоорганизационный процесс в мире. Но он есть и он существует. Это - процесс затухания всех процессов, и причина этому самая физическая – разность потенциалов (давления, температуры, энергетических

уровней, зарядов, химических потенциалов). То есть, это самоорганизация в направлении противоположном любому развитию. К остановке развития. Такая самоорганизация в мире действительно существует. Ее описала термодинамика. Синергетики мечтают о другой.

Эти мечты продиктованы бунтом мощного интеллекта против непознаваемого рядом. Видя, что мир непонятен в самих своих основах, такой интеллект ощущает себя в клетке ограничений своих возможностей и стремится расширить границы прутьев все дальше и дальше. Если этот интеллект найдет в материи то, что он ищет, то это будет для него самым печальным – клетка превратится в склеп, за которым уже нет ничего, кроме окончательно понятной материи и случайного человека в ней, без смысла и без будущего...

Но, прежде всего, даже при подобных трагических в своей перспективе целей, синергетики, по мнению автора, должны разобраться с одним из основных вопросов своей теории, который они, или не видят, или им просто некогда. Хотя вероятно и то, что автор просто недостаточно логичен, чтобы осознать этот парадокс синергетики правильно. А парадокс состоит в следующем – синергетика рассматривает мир как суперсложный ансамбль различных процессов, выступающий как целое, которое самоорганизует варианты своих собственных событий. Синергетикой представляется, что множество событий имеет *равную* реальность осуществиться. Вероятность прихода к жизни каждого из бесконечных событий в этом ансамбле возможностей бесконечна, и какой-либо вариант продолжения избирается стихийно самой этой системой в момент некоего фазового перехода (точка бифуркации). Так вот, здесь совсем ничего не понятно – когда из бесконечного множества вариантов развития самовыбирается только вот эта единственно реализующаяся подвижка событий в абсолютно единичном и *единовариантном* направлении, то разве это не *момент резкого упрощения системы, где всех этих бесконечных вариантов уже нет, а система в момент своего главного рабочего процесса не синергетическая?* Более того – по смыслу это процесс вполне термодинамический, а не синергетический. То есть, в момент «самовыбора» система *ведет себя совершенно как термодинамически затухающая и упрощающаяся, а не как синергетически усложняющаяся и насыщающаяся бесконечными возможностями.* Получается, что сам смысл, сам корень синергетических новшеств основан на обычном классическом термодинамическом процессе перехода из состояния в состояние по принципу понижения всех сопутствующих параметров! Это и есть сама синергетика? В ней все ноги растут из термодинамики, а все остальное – наносное и придуманное. Не надо рассказывать, как вы это понимаете – покажите, как это работает, и мы скажем, что это такое. А работает это в точности так, как работает все вокруг – *от высшего потенциала к низшему*, когда всё бесконечно вариантное (максимум) переходит в единственно реализующееся (минимум). Обычная термодинамика. Мы об этом и без синергетики знали.

Причем (самое смешное!!!) это всегда происходит по принципу наименьшего действия (потому что по другому принципу вообще ничего в физике не происходит, если вообще что-то происходит), когда избирается наиболее экономичный по энергетическим затратам процесс! Зачем вообще в синергетике рассказывается о каких-то вариантах организации, если есть всегда только один возможный вариант – по самой низкой энергии исполняющегося процесса? Весь сценарный потенциал синергетики состоит именно в этом – в одном термодинамическом переходе. Забавно.

Можно, конечно, строить какую-то теорию только на противоречиях, но на противоречиях самой себе – в этом синергетика уникальна, как научная теория. Но она верит и надеется. Во что верит – понятно. А на что надеется? Она надеется на новые достижения физики элементарных частиц. А мы уже ни на что такое не надеемся относительно возможностей синергетики, потому что у нас есть свой вариант этим надеждам, и мы к нему непосредственно и возвращаемся.

Итак – никакой самоорганизации мы даже в шутку не признаем, потому что это Случай видоизменяет развитие мира под руководством неких потусторонних сил. Давайте уже приведем какой-нибудь этому пример. Аристотелевская работа «чистой мыслью» очень увлекательна, но утомляет и притупляет интерес. К тому же вспомним, что Аристотель был всегда прав в мелочах, но всегда умудрялся из этих правильных мелочей складывать совершенно неправильные выводы. Потому что исповедовал именно «чистую мысль». Например, этот невероятно умный (может быть – самый умный за всю человеческую историю) человек, доказал метафизическим анализом с помощью чистой логики, что тела с разным весом в вакууме будут падать с одинаковой скоростью. Каково!!! И каков был его вывод? А вывод, к сожалению, был таким же строго логическим – поскольку падение с одинаковой скоростью разных по весу тел есть очевиднейшая глупость, то никакого вакуума в природе быть не может. Во всем был изумительно гениален! А Галилей и Ньютон пошли в природу за примерами, и полторы тысячи лет аристотелевского владычества в науке как ветром сдуло. Пойдем и мы за примерами.

Археология. Это будет самым корректным примером, Потому что здесь нет никаких абстрактных моделей, которыми могут грешить другие науки. Здесь нет никаких допущений, как в других науках – или откопали, или не откопали, какие тут могут быть допущения? Нет здесь также и различных только предполагаемых для природы объектов (типа кварков, гравитонов и пр.), а есть только те объекты, которые есть перед глазами и которые можно потрогать руками. Удивительная наука! Результаты археологической науки, пожалуй, самые бесспорные по очевидности. Давайте же, перечислим некоторые из этих бесспорных результатов.

Впервые слово «археология», как обобщающий термин некоего процесса поиска в земле различных древностей, ввел Платон. То есть, уже тогда, в пятом веке до нашей эры, было представление о том, что позади у человека – древность, и в земле от нее осталось много интересного и забытого. С тех пор артефакты раскопок из личных коллекций попадали снова в землю, и снова извлекались новыми археологами вместе с уже другими артефактами позднего времени. Коллекции предметов из раскопок росли и ширились, чему способствовало еще и то, что рынок антиквариата всегда был одним из самых живых и прибыльных. Начиная приблизительно с XVI века, археология систематизировалась, превратилась в науку, и древние времена стали изучаться по ее экспонатам из научных хранилищ и музеев. С этого момента появился и еще один дополнительный стимул к раскопкам – возникли меценаты от науки. И уже не в целях просто антиквариата по всей земле начали расходиться археологические экспедиции, которые по особой системе классифицировали, изучали и оценивали то, что удавалось извлечь из мест бывших поселений.

Короче говоря – рыли, начиная с пятого века до нашей эры, как минимум. Теперь перенесемся в XIX век, и увидим, как, начиная с 1822 года по 1837 год, то есть в течение 15 лет, десять раз (в среднем один раз за 1,5 года) отрыли то, чего до этого ни разу не находили за прошедшие 2300 лет. За 2300 лет ни разу, а за 15 лет десять раз. Вдумаемся... Статистически это абсолютно невероятное событие. Причем в трех случаях из десяти – никто ничего не рыл вообще, всё оказалось прямо перед глазами. В двух случаях из десяти никто вообще ничего не искал и наткнулся случайно. В остальных случаях искали одно, а нашли совсем другое. 2300 лет копали, что-то разыскивая, а в течение 15 лет были *случайно* найдены уникальные артефакты, подобных которым никто никогда до этого не видел и даже не предполагал, что они могут быть. Дадим хронологию этих событий

1822 год, грот Пэйвилэнд в Англии, преподобный Баклэнд (просим особо отметить это обстоятельство!) находит здесь захоронение женщины вместе с бивнями слона.

1825 год, та же самая Англия, где в пещере Кенте Холл находят кости человека вместе с костями пещерного медведя и пещерной гиены.

1825 год, Франция, Лангедок, основной винодельческий район страны (40% розлива всех французских вин), во время раскопок обнаруживаются кости человека вместе с костями вымерших животных.

1828 год, опять Франция, Бизский грот, опять кости человека лежат вместе с костями доисторических животных.

1829 год, в Пондре находят лежащие вместе останки человека, носорога и гиены.

1930 год, местечко Аббевиль близ Парижа. Некий Казимир Перье открывает здесь врачебную практику. От скуки молодой человек гуляет по окрестностям с намерением заняться любительской археологией. Неожиданно он находит для этого очень дешевый способ – в окрестностях Аббевилля роют канал, и он просто рассматривает срезы стен. Ему начинают попадаться каменные орудия вместе с костями бегемотов и носорогов.

1833 год, в Бельгии крестьянин побежал за зайцем, заяц юркнул в нору, крестьянин в азарте следом за ним (!), а за норой оказалась пещера, в которой кости мамонта лежали вместе с останками человека.

1833 год. Сиврэ (Франция), местный нотариус Андре Бруйе, слывающий в округе за большого чудака, каждый вечер совершает двухчасовой (!) поход в Шаффо, где есть пещера. В этой пещере он отбирает камни и носит их домой (еще два часа, да еще с камнями, надо полагать!). Он отбирает обработанные человеческой рукой камни и костяные орудия, а на обломке одной из костей обнаруживает невероятно изящное изображение двух ланей в прыжке. Рисунок настолько профессионален, что ланей идентифицируют с теми, которые водились в этих местах в ископаемый период.

1833 год, городок Верье (Швейцария), рабочие ведут дорогу в горах и находят дыру в скале. В этой дыре кто-то из любопытных увидел вход в пещеру, и он ли, или кто другой, но в пещере нашли гравюры на кости, где изображены ископаемые животные.

1837 под воздействием этих находок начинаются первые в истории вскрытия слоев древнекаменного века. Буше де Перт находит следы человека «допотопного» периода истории Земли. Он же позже находит здесь и первую известную в археологии скульптуру, сделанную человеком каменного века.

Вот такая история. Что здесь произошло особенного? О так называемых «доисторических» животных к тому времени уже знали, и называли их именно так, потому что само понятие истории ассоциировалось в этом аспекте с существованием на земле человека. Твердо зналось, что был некий период, когда жили вот такие животные, которые затем вымерли, а значительно позже появился сам человек, и началась «история». А когда появился человек? Это также твердо знали – около 6000 лет назад, *как следует из Библии!* Ведь Библия – «слово Божье», а как не верить Самому Богу? И вот – на, тебе... Доисторические животные жили бок о бок с человеком! Возраст человека далеко старше шести тысяч лет! Или Бог ошибся, а тогда он не Бог, или Библия имеет других авторов... Вот так точка бифуркации и возникла через статистически невероятные события, которые дали доказательство возраста человека, далеко превышающего библейские каноны. Человек получил возможность новых путей...

В отличие от сентября, случай с которым в XX веке мы заметили, но не смогли объяснить, здесь объяснение довольно прозрачное. Человек созрел до способности искать Бога и находить Его, не тыча пальчиком в «священную» книжку, а исходя из других обстоятельств. Из чего-то более основательного и насущного. В соответствии с этим человеку Случаем (!) были даны археологические артефакты, раскрывающие истинный характер книги, которая до этого считалась продиктованной Вседержителем. Причем, обратите внимание, как планомерно это произошло – первым нашел священник (кто после этого скажет, что у Бога нет юмора?), затем находили просто рядом расположившиеся артефакты, что могло еще говорить о случайности (например, хоронили первые люди женщину, рыли могилу, наткнулись на бивни, и использовали их в качестве обрядового орнамента; или понатаסקали люди в пещеру откопанные в древних слоях останки доисторических животных, да так и ходили через них, спотыкаясь, пока сами там не

померли, и т.д.). Сразу нельзя было – слишком ново. Ну, а когда всем уже стало ясно, что тут все возражения против прямого значения этих фактов работают слабо, появились два последних прямых доказательства: гравюры на костях. Если человек изображал в своем искусстве этих животных, значит, он их видел, а если видел, значит... Понятно. Помимо статистической невероятности этих пятнадцати лет за более чем двухтысячелетний период, сюда можно добавить абсолютную невероятность и этого совпадения – постепенного увеличения аргументированности доказательной базы.

А если присовокупить сюда еще и невероятный уровень случайного в большинстве этих находок, то намеренное создание этой ситуации каким-то сценаристом становится еще более ясным. И, конечно, не стоит забывать, что всё это началось буквально *в тот же самый год*, когда Шампольон расшифровал египетские иероглифы и началась египтология, в процессе которой вообще вся истории Палестины с ее достижениями и событиями стала видеться только в отсвете сияния Египта. Здесь тоже акценты оценки цивилизаций сместились коренным образом, причем *пренебрежительное отношение к более древним, чем палестинские события, временам, где все народы, кроме божьего, были дикими и звероподобными, сменилось глубоким почитанием и восторгом к допалестинскому этапу истории*, и чего уж тут удивляться, когда на этой волне переоценки древних цивилизаций, через тридцать пять лет после Верье и Сиврэ был найден «Эпос о Гильгамеше», и стало ясно, что Библия не самая древняя книга, а многое в ней просто списано у шумеров. Как видим, акция была проведена очень жестко, продуманно и необратимо. И, просим отметить - через цепь случайных событий невероятной статистической реализуемости.

Особо хочется выделить, что предусмотрен был даже примерно тридцатилетний период, необходимый для того, чтобы различными научно-чиновничьими мероприятиями зафиксировать, принять к обсуждению, опубликовать, провести экспертизы на фальсификацию, поспорить, утвердить, рекомендовать к принятию и официально признать на высших научных советах государств. Когда относительно вывода о новом возрасте человека бои закончились (а, еще какие бои!!!) и это стало признанным научным фактом, была открыта цивилизация Шумеров. Чтобы одно другому не мешало и увенчалось главным нюансом в спокойной и трезвой обстановке. Как необходимое следствие.

Причем сдались и признали окончательно то очевидное, чего нельзя было не признать, только опять же после *случая* в пещере Альтамира. До этого всё готово было, чтобы объявить о величайшем научном открытии без всяких обиняков, но как-то даже язык не поворачивался – несколько рисунков на костях и вековые церковные традиции.... Трудно было. И вот пещера Альтамира. Что там произошло? Некий археолог-любитель (!) периодически проводит там раскопки. Ищет, сам не знает что. Да еще и зачем-то таскает туда свою дочь девяти лет. Девочке скучно. Она скучает в темных сводах *целых три года*, и, наконец, делает то, чего никогда не сделал бы ее отец, увлеченный рытьем грунта и обшариванием закоулков. Она поднимает голову вверх, и говорит: «Папа, смотри – быки бегут!» Девочка Мария нашла наскальные картины! Она нашла их в таком количестве, что про церковные традиции забыли. На этих картинах были изображены во всех подробностях те животные, которых человек, будь он возрастом 6000 тысяч лет, никогда не смог бы увидеть своими глазами. Это произошло в 1866 году. Вот так происходят творческие включения случайных обстоятельств! Все было предусмотрено, и даже голову девочка подняла тогда, когда это следовало из расписания назначенных событий.

Или вот еще пример. Он тем более интересен, что связан с предсказанием. Инки, обиженные испанскими завоевателями, на пророчествовали, что это конкистадорам даром не пройдет, и наступит время гнева Солнца, когда вскроется Храм Золота. Поразительно уже то, что речь шла о каком-то золоте, которое хранится в каком-то храме, потому что бывший свинопас Писарро, победивший с сотней солдат восемьдесят тысяч инкской армии, был оснащен и снабжен полномочиями испанской короны именно для поиска

золота, и от него ожидали именно этих результатов, а не просто воинских побед. Завоевав Куско, столицу империи инков, конкистадоры ограбили и вынесли оттуда все, что можно было. Плюс в качестве выкупа за свою жизнь, вождь инков Атауальпа предложил еще золота из известных только ему источников. Он обязался полностью на высоту своей вытянутой руки наполнить все те помещения, в которых он по-царски содержался в качестве пленника со всеми своими женами. Ему не поверили, но он знал, что говорил, и верные соратники золото доставили. Шесть тонн! Триста килограммов из них досталось Писарро. После этого и самого вождя, и его дилеров допросили с пристрастием, и выгребли все остальное, что уже не укладывалось в рамки предварительного соглашения. Атауальпу убили. Обшарили еще раз все вокруг, и начали колонизационные мероприятия.

В XX веке считалось, что золота инков в Перу больше нет. И вот в 1949 году в том же Куско землетрясение раскалывает землю *на локальном участке* и в этом разломе глазам человечества предстает тот самый Храм Золота, по которому оно пятьсот лет топталось и не могло найти! Уже только это - интересный момент. Кроме того, интересно, что землетрясения в Куско не редкость. Они здесь происходят с определенной и утомительной регулярностью, потому что город находится в зоне так называемого сейсмоактивного Тихоокеанского Огненного Кольца (цепи молодых вулканов, опоясывающей всю Землю), а в 1650 году произошло небывало сильное землетрясение, которое просто стерло город с лица земли. Остались только основания древних инкских храмов, которые испанцы использовали в качестве цоколей новых зданий, возводимых по программе восстановления. Много странных обстоятельств. Случайная вероятность их сомнительна – глобальные землетрясения ни разу даже не намекнули на хранилище золота, а какое-то точечное движение пластов открывает именно ту зону, где хранятся депозиты, и ничего вокруг!

Дальше идут другие совпадения. Естественно, что невольная археологическая находка возбуждает новый интерес к истории инков, и это стимулирует различные командировки в Перу этнографов и антропологов. Время послевоенное, средств мало, эти командировки захлебнулись бы ограниченностью финансирования, но начинается программа поиска скрывшихся в Южной Америке нацистских преступников, и специалисты по этим местам наделяются достаточными ресурсами, чтобы без помех исполнять тайные аспекты своей миссии. Поиск нацистов часто идет именно под прикрытием археологических экспедиций. Группы исследователей, чаще всего, так и формируются – детективы по розыску плюс этнографы, знающие местные обычаи, географию, и главное – язык. Еще одно совпадение, которое насытило денежными вливаниями археологические мероприятия, на которые всегда тратится меньше, чем на любое другое в практике научных исследований.

А вот следующее совпадение – не проходит и года после вскрытия храма, как на фестивале в Пуакартамбо антрополог Оскар Нуньес дель Прадо в многотысячной толпе гуляющих *случайно* натывается на двух индейцев, которые свободно разговаривают между собой на языке инков! Он не верит своим ушам, потому что к этому времени считается, что инков уже пять веков, как нет на земле. После завоевания империи они смешались с народом кечуа, ассимилировали и исчезли. Дель Прадо мертвой хваткой вцепляется в них, и в результате его работы мир узнает, что на высоте 4000 метров над уровнем моря, в горах, живет около 600 инков, потомков жреческой касты, сохранивших верования, обряды, религию и ожидающих исполнения пророчества о гневе Солнца, когда Храм откроется и *на земле начнутся новые времена*. Они ушли туда от конкистадоров, спрятались, самоизолировались от мира, и держат место своего пребывания в глубокой тайне.

А к Перу уже совсем другое отношение! Про эту окраину земли уже знают все, потому что за два года до этого Мария Райх в одиночку, выщегавив у правительства Перу вертолет, начинает составлять карту рисунков знаменитого плато Наска, *случайно* замеченных ранее исследователем Полем Каско с самолета, на котором он пытался

обнаружить источники воды. В череде загадок древних цивилизаций появилась, пожалуй, самая таинственная – невероятно точные направлений линий каменных рисунков, которые уходят за горизонт и заметны только с полетной высоты. Они объединяют в себе сложный и неразгаданный до сих пор симбиоз обсерваторных и календарных схем, указывающих, к тому же, на точное расположение таинственных по происхождению подземных каналов чистой воды. В итоге и к пророчеству «темных шаманов», и ко всему, что связано с инками, возникает невероятный интерес, и уже через четыре года этих инков посещает научная экспедиция. Еще через четыре года жрецы сами приходят к людям и, проанализировав все данные, объявляют – пророчество исполнилось, приближается его время, и момент исполнения они отметят необходимым для этого ритуалом, который держат в запасе уже шестую сотню лет в полной готовности.

Нетрудно заметить, что в этой истории столько случаев нанизалось друг на друга, что приписать все случайности очень сложно даже при самом большом желании. Достаточно просчитать одну лишь статистическую вероятность того, что на одном из праздников среди семидесятитысячной толпы, человек, приехавший сюда издалека, сталкивается с двумя разведчиками жрецов, ожидающими пятьсот лет факта открытия храма, и изо всех семидесяти тысяч, окружающих этих людей, только эти трое знают язык, на котором они могли бы объясниться, и нам станет ясно – это статистически невероятное совпадение. А ведь при этом дель Прадо – вообще один из немногих на Земле, кто этот язык знает! Кроме того, он же единственный, кто может сообщить им достоверно и в подробностях ту новость, которую они осторожно хотят выведать. Добавим, что на сотни километров вокруг – этот антрополог единственный, который вообще способен понять и поверить тому, кто эти индейцы есть такие и о чем они рассказывают. Невероятных совпадений слишком много даже для одной только этой сцены, без учета всех тех сопутствующих случайных обстоятельств, которые мы изложили выше.

Жрецы не торопятся с оглашением подробностей пророчества, и делают это только в 1996 году, исполняя тот самый долгожданный ритуал в нью-йоркском соборе Иоанна-Богослова. По их мнению, вот именно теперь пришло время исполнения древнего предсказания.

В чем смысл этого пророчества? Содержание его не назовешь базирующимся на принципах лаконизма. Как и любое пророчество, это всегда больше разговор о наболевшем. Но зерно их сообщения ясно – наступают совершенно новые времена для человека, это будут времена нового духовного прозрения и магистрального движения к гармонии и Золотому Веку. Это основной смысл. Хотя, смысл любого пророчества скрыт часто даже от самих пророков. Про Золотой Век – слишком затертая идея, чтобы считать именно это целью событий. Всем остальным, включая и приветам от жрецов Иисусу Христу с Буддой, также можно пренебречь. Это уже наносное. Отсесть можно и различные духовные наставления быть собой и смотреть на мир глазами своей души. Этого добра и без них (без инков) полно вокруг. Что же остается важного? Только одно, непосредственно связанное с необходимостью не когда-либо, а именно сейчас провести ритуал. А именно – наступило время получения человеком какого-то нового знания.

Вот так это древнее пророчество оценивает главное, что сейчас происходит на земле. Как не поверить в это пророчество, если его предыстория столь изобилует такими невероятными для «просто случайного» обстоятельствами?

Примеры можно добавить. Возможно, при более насущной необходимости они появятся позже, а пока надо работать дальше. А что у нас может быть дальше? А дальше у нас следующая глава. Нам надо найти путь к тому, чтобы понять, как всё это происходит, как работает случайность и в чем ее мудрый источник. Потому что если мы будем только приводить примеры, то мы ничего не поймем.

Митгард и Утгард

У древних германцев весь окружающий мир делился на две зоны – Митгард и Утгард. Митгардом назывались известные территории, а Утгардом неизведанные. При этом известными считались не те земли, которые обозримы взглядом при свете дня, а только те, где ступала нога соплеменника. Там, где охотились, или просто побывали, уже был Митгард – свой, родной и понятный. Там же, где никто еще не был, там был Утгард – не просто таинственный, но враждебный и совершенно иной по форме своего бытия. В этом Утгарде все происходило страшным, непривычным и не принятым в традициях Митгарда образом. Оттуда не было возврата, там жили таинственные и опасные существа, там не было место живому человеку. Умершего относили в Утгард (буквально туда, где считалось, пролегает граница Митгарда) и оставляли. Отныне он становился врагом и пребывал в Утгарде.

Помимо всех опасностей, которые сопровождали племя, существовала постоянно еще вот эта опасность некоего соседства с инобытийной человеку системой жизни, от которой ничего хорошего ждать нельзя. И даже хуже того – с наступлением темноты Утгард активизировался и подступал прямо к порогам жилища людей. Во тьме раздавались звуки присутствия его существ, они окружали и подстерегали человека в напряженной ожидающей тишине. Митгард же ютился только в зоне стен спящего дома под мерцающие огоньки притушенного на ночь костра.

Так работает человеческое сознание в оценке того, что оно знает, и того, чего оно не знает. С развитием цивилизаций аналогом подобного Утгарда было незнание тех или иных природных явлений. Не зря за всеми дождями, ветрами, молниями, засухами, морозами, землетрясением, морскими бурями и всем остальным предполагались некие живые сущности, редко когда проникающиеся кардинально интересами человека при осуществлении своих мероприятий. Таинственное страшит.

Шли века, росло знание о природе. Таинственного не осталось. Исчезли мифы. Позабылись мифологические существа. Наука раскрыла мир и превратила его в сплошной Митгард. Более того, никакого Утгарда вообще уже не стало. Все, что следовало еще узнать, находилось теперь только в самом Митгарде.

Вдохновленная успехом, наука, устами Огюста Конта впервые заявила – «долгой философию!» Философия – это всего лишь игра отвлеченными понятиями, не имеющими объектной базы в реальном мире. Философия – это всего лишь остроумное перетолковывание пустых парадоксов, не существующих в природе и не имеющих никакого смысла для практических нужд человека. Философия – это муляж знания, это негативное знание, это обман, потому что философия не научна. А вот наука – это положительное знание, позитивное. Наука не обманывает, потому что всё может доказать экспериментально, и все, что есть в науке – есть в реальном мире. Истинность научного знания можно проверить на практике, а философское знание вообще бессмысленно, потому что оно абстрактно и не привязано ни к чему, кроме как к своей же внутренней логике. Наука ничего не должна объяснять, наука должна лишь бесстрастно и обобщенно описать свое знание. Каждая наука в отдельности – должна описать свое собственное позитивное знание. Объединить и объяснить эти знания должна новая философия, «синтетическая», задача которой - свести воедино достижения отдельных частных наук.

Так наука объявила себя вершиной знания и вообще единственным путем познания как такового. Кроме того парадокса, (который почему-то редко замечается) что при этом она, начав с «долгой философию», закончила «да здравствует философия», всему остальному трудно было что-то возразить. И возражать было некому. Кант до этого тихонько прикрыл дверь философии, доказав, что базовые понятия человека существуют до его опыта, то есть являются врожденными, и познает человек через них, (как через единственную доступную ему схему познания), только то, как вещи ему являются через

этот врожденный преобразователь видимого в знакомое. А сущность вещей остается для человека скрытой вот этими навязанными его сознанию понятиями, которые переделывают для него эти вещи лишь в удобоваримые его сознанию явления. По сути, это Кант сказал «долой философию», вернее, долой «традиционную философию». И предложил другую философию, вне опыта, вершина которой – прямая и непосредственная вера.

Все, что было далее профессионального или значимого в философии, произошло в короткое время на немецкой земле в лице Фихте, Шеллинга, Гегеля, и называется это «немецкой классической философией». Называется это всё так не потому, что это была немецкая философия, а потому, что это была последняя классическая философия, то есть чистая работа с понятиями. При этом, что самое главное, все это было – «антикант». В попытке выйти за границы познания, которые отчетливо провел человеку Кант, Фихте пытается доказать, что эти врожденные понятия не вырастают перед человеком непреодолимой для познающего разума стеной, а создаются неким вторым подсознательным «Я» человека. Фихте совершенно блестящим образом запутывается во всех этих «Я» и «не-я», утверждая, что одно из этих «я» непосредственно и создает природу, к головной боли всех тех, кто до сих пор пытается разобраться в его «наукоучении». Шеллинг, ужаснувшись от Фихте, борется с Кантом по-другому, он говорит – нет никакой разницы между вещами и сознанием, всё абсолютно тождественно, сознание и материя это одно и то же, так как, и то и другое происходит из одного Абсолюта и дифференцируется из него же, отличаясь друг от друга только степенями разумности. И поэтому, что бы человек ни познавал, это на самом деле Абсолют познает сам себя, и все познается правильно. Смело завернул. А закончил все это Гегель, и его «антикант» выглядел так: все у Канта правильно, вещи существуют в себе, а даются нам в явлениях, только в этих явлениях сущность вещей хоть каким-то краешком, но все-таки отражается, и, применив диалектику (всеобщий анализ всеобщей взаимосвязи), можно эту сущность из явлений выщарапать.

Всё. На этом философия закончилась. Далее пошло ее не злонамеренное, но систематическое убийство.

Завершилось это убийство актом экзистенциализма, когда некая группа людей, увидев во времена мировых войн, революционных потрясений и фашистских репрессий, что человеческая жизнь ничего не стоит и может уничтожаться целыми городами, очень испугалась, и объявила основной ценностью, а также единственным реально существующим явлением мира ощущение собственного существования (экзистенцию). Затем эта группа людей упала на колени перед неизбежностью смерти, объявила мир абсурдом (конечно же – абсурд, если я, такой хороший, должен буду умереть!) и предположила, что в самый момент смерти ощущение жизни (экзистенция) предельно обострится, раскроется во всей своей подлинности и явится истина. А дальше – музыка играй, и плачьте вдовы. И по философии тоже.

Всё остальное многочисленное и своевольное времяпрепровождение с применением сложных философских терминов, существующее сейчас в мире, трудно назвать философией. Вся нынешняя философия - это постоянная попытка нагнать жути этими сложными терминами, через которые не продирается никакая завершенная мысль. В какой-то мере, если физика заменилась математическими значениями, то философия ныне также заменилась только значениями различных терминов, и всё распускание философской мысли определяется только отношениями между этими терминами без конкретной привязки к действительности.

Кроме того, появился еще и какой-то современный философский позор, когда философия кидается на какие-то отдельные отрасли деятельности людей и начинает обслуживать результаты этой деятельности. Средневековую философию презрительно называют «служанкой богословия», поскольку она должна была не просто развиваться в пределах церковных догматов, но и непосредственно эти догматы обосновывать. При этом

забывают, что средневековая схоластика создала нынешнюю систему логики, и вообще это было время господства невероятно строгой интеллектуальной дисциплины доказательств – пытались не что-нибудь, а Бога обосновать, и тут не могли себе позволить безосновательной болтовни. И это все равно была философия – наука о мире как таковом и о человеке в этом мире.

Вообще европейская мысль должна средневековой схоластике в ножки поклониться – схоластика спасла философию от вырождения. Время было предельно губительное для развития мысли – в науке царствовал Аристотель, а в философии владычествовали христианские догматы. Думаящему человеку просто некуда было податься! Хоть Аристотель, хоть Священное Писание – и то и другое было эталоном истинности, формой завершенности и верховным судом, который через свой собственный свод положений и правил проводил и опознание, и дознание, и обвинение, и который выносил вердикты по очень простому принципу соответствия или несоответствия самому себе. Переписчик ошибся, переводя Аристотеля, и у мухи по воле этой ошибки стало четыре лапки. И эти «аристотелевские» четыре лапки стали даже более реальными, чем шесть лапок на живых мухах, которые веками роились вокруг задумчивых голов научно-философской элиты Европы. И только в XVII веке Британская Академия Наук специальным решением покончила с этим несоответствием – уже было можно, потому что Галилей и Ньютон пошатнули авторитет Аристотеля.

Вот на примере этой мухи видно наиболее отчетливо – никакого люфта для свободного мыслетворчества не было, ни в науке, ни в философии, ибо Аристотель объял собой и науку и философию. Тем более такого зазора нельзя было отыскать в вопросах, хоть как-то относящихся к изложенному в Священном Писании. Даже атаки на материализм были опасны! Ибо одна из ипостасей Бога, Иисус Христос, был воплощен материально, и превращая материю в ничто, в «низкое», опровергатель материализма тем самым превращал в ничто и в «низкое» физическую плоть Спасителя! Во, как было! И что в этом случае оставалось? Оставалась пустошная болтовня с рассуждениями вообще обо всем, но ни о чем вообще. Но при этом каждый все равно остерегался и хотел быть правее самого Папы Римского, буквально к месту и не к месту выкрикивая догматические лозунги (на всякий случай, ибо времена были суровые, а расправа короткая). Вот для примера обстановки того времени еще одна «показательная муха», а именно сетования Григория Нисского: «Всё полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах; спросишь, сколько нужно заплатить оболон – философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба, отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, - говорят: Сын произошел из ничего...»

И вот здесь европейская мысль, войдя в эру схоластики, могла просто выродиться, скатившись до какого-либо европейского аналога даосизма, где мода отвечать на вопросы не в тему, а как попало, привела бы к жреческому по форме и шулерскому по сути образу духовной практики, когда от учителей ничего умного не добьешься до тех пор, пока не «просветлишься», и не поймешь, что стать учителем легко и самому – достаточно так же таинственно произносить неосязаемые умом глупости. На этот путь попадала схоластика, но с этого пути ее увели сами же схоласты, потому что мужественно взяли на себя, казалось бы, непосильное – даже досужее и абсурдное формировать в законах логики. Из этих схоластических школ («схоластика» от латинского «скола», школа) возникли университеты, где крепла и наливалась силой великая и пронзительная европейская логическая мысль, которая, подхваченная Возрождением (возвратом к античным достижениям) вывела на Новое Время (внецерковное осмысление действительности), и далее задала инерцию философскому здравомыслию, которое не гаснет и по сию пору, несмотря на то, что вне этой логицистской дисциплины, начиная с XIX века, философия стала выдыхаться и хиреть.

И зачахла она сейчас до такой степени, что появились уже какие-то отраслевые философии – религии, искусства, права, экономики, управления и т.д. *Философия по*

определению не может быть отраслевой! Она должна не только охватывать весь мир, она должна охватывать его именно *не в системе частной точки зрения* какой-то отрасли, она должна попытаться понять мир вообще, вне любых систем познавательной организации. И, тем более, «отраслевая философия», это ни в коем случае не философия, поскольку она не только разрывает мир на разные «отрасли», но и теряет свой высокий дух, отказываясь от прорыва за пределы бытия и все больше и больше погружаясь только в это бытие отдельных «отраслей». И уж если называть какую-то философию «служанкой», то, несомненно, нынешнюю, которая берется доказывать, например, что все те безумства с извращениями, которые возобладали в современном искусстве, имеют под собой не просто хоть какой-то смысл, но даже являются неким новым эстетическим прорывом. В итоге с попустительства подобных, взволнованных увиденным философам, мы имеем поп-арт, лэнд-арт, хепенинг, боди-арт, инсталляцию, перформанс, абстрактное искусство и прочее и прочее из всего того, что мы не можем теперь назвать просто симптомами душевной болезни, а должны расценивать как новые культурные концепции. Несмотря на то, например, что боди-арт не вызвал бы у автора возражения, если стереть с женского тела всю эту краску, но, все-таки, сама основополагающая концепция всех этих направлений – так называемая «сниженная эстетика» – удивляет более всего. Зачем это в искусство протаскивать? Этого и без искусства хватает. Искусство – это как раз и есть высокая эстетика, оно этим и отличается от не искусства, то есть от явлений сниженной эстетики. Но философы протаскивают. При этом подобное положение вещей просто очень напоминает ситуацию вынужденного разрыва с основной задачей философии, когда доступна только форма деятельности, а смысл этой деятельности уже не под силу.

Во всем это нет никакой философии – есть лишь околофилософское оправдание того или иного душевного выверта того или иного деятеля, под которого сразу же создается новая «школа». И главное, в этом нет никакого движения вперед – отходит мода на ту или иную личность, и уходит навсегда соответствующая ей «философская школа».

Все развитие философии, которое хоть как-то существует после Канта-Гегеля – это философия науки. Эти ведут себя активно. Но это – тоже не философия. Философия (еще раз повторим) – это наука о всеобщем и о мире, как целом. А философия науки – это лихорадочный и безуспешный поиск обоснования правильности и достоверности научного познания. За пределы специфики науки и научной деятельности эта философия не выходит. Это даже и не отраслевая философия, потому что у науки не может быть никакой своей философии, как и у любой другой отдельной деятельности. Подобная «философия» лишь посреднически разбирается с тем, что происходит в науке с точки зрения процессов познания. При этом джастификационисты борются с внелогистами, их перебивают и орут благим матом о своем о кровном пробабилисты, отдирая от своих уст стесняющие речь руки фальсификационистов, которые тоже что-то сказали бы, но шум, поднятый пассивистами и активистами, заглушает все, потому что этим рвут волосы на голове симплицисты, которым крутят руки методологические фальсификационисты, а конвенционалисты пытаются со всеми договориться, но им не дают вставить слово эмпирицисты, которые вскарабкались на их спины, спасаясь здесь от нагрянувших из засады фаллибилистов.

Все они хотят положительно решить один единственный вопрос – почему научное знание не имеет в себе исторической логики и достаточных внутренних или внешних критериев, чтобы считаться правильным? Однако самое потешное в философии науки – это то, что все ее специалисты по научному открытию не имеют за собой ни одного собственного научного открытия и никакой повседневной научной практики. При этом они строго судят и дают глубокие рекомендации, как следует делать научные открытия. Как всегда подобные шоу в философии и в ее околофилософских сферах весьма популярны, но философии от этого не легче. Она или в коме, или затаилась.

Зачем мы все это вспомнили? Затем, что именно философия науки как нельзя лучше своим содержанием отразила то, что произошло с человечеством за последние сто с

лишним лет. А произошло очень важное – научное знание перестало быть понятным. На каком-то этапе, поднимаясь вместе с наукой в самооценке своих возможностей, философия науки вообще объявила, что истинным может быть только то знание, которое в итоге можно выразить в предложениях науки физики. И как всегда, щелчок по носу последовал практически вслед за самоощущением себя на пьедестал. Выяснилось, что теперь именно физика, а не философия, – это перетолковывание пустых парадоксов, а также игра отвлеченными понятиями. Выяснилось, что физика больше не может показать пальцем на то, о чем она говорит, и что знаменитый физический эксперимент теперь возможен только *мысленно*; что физика, определяя что-то, определяет тем самым не это, а то, чем оно и может быть, и чем никак не может быть; выяснилось, что все утверждения физики находятся в зоне *необходимой ошибки*, которая обязательно есть в этих утверждениях. Выяснилось, что в философии худо-бедно, но тысячи лет никто никого не переспрашивает, что имеется в виду под понятиями время, пространство, движение, взаимодействие, причина, одновременность, траектория и т.п.. Спорят потихонечку о нюансах этих понятий, но, в общем и целом, – знают, о чем говорят. А физикам приходится теперь выяснять друг у друга, что именно они имеют в виду, когда употребляют эти простые слова. Физика стала создавать мифические сущности – логически-абстрактные конструкции, математические модели, виртуальные частицы и, буквально, демонов, перебирающих молекулы газа, черные ящики, котов в этих ящиках, одновременно живых и неживых по принципу суперпозиции; братьев-близнецов, летающих на фотонных ракетах, лифты, падающие в бездне безвоздушного пространства, какие-то диковинные и только предполагаемые силы и свойства природы; волны-пилоты, сказочные зеркала, в которых человек может увидеть самого себя молодого на глазах, и дедушек, которых, вернувшись в прошлое, можно, зачем-то, именно убить.

В человеческом племени снова появилась некая мифология в научных терминах.

Физики стали говорить – как страшно жить, почему я не умер двадцать лет раньше, когда еще не знал ничего такого! Какой кошмар - каждое новое открытие ввергает в ужас, лучше бы я этого никогда не открывал, и как хорошо было бы, если бы хоть одна из этих двух теорий была бы неправильной, иначе смысл жизни теряет любой смысл и т.д.

Что произошло? Утгард накатило...

Как инки говорили.

Посмотрим, как это было.

Как это было

Само собой разумеется, что всю историю этого процесса во всех подробностях мы рассмотреть не сможем. Этого и не нужно. Кроме всего прочего – это невозможно. В настоящее время не найдется ни одного специалиста, досконально знающего все направления современных научных исследований в их достаточно квалифицированной глубине. Более того, даже в своей ограниченной профильной сфере любой специалист постоянно сталкивается с неизмеримой глубиной сопутствующих или вспомогательных дисциплин, которые он призывает даже только для узкого вспомогательного назначения. Мы выберем для себя лишь то, что нам непосредственно пригодится в дальнейшем для исследования Случая. Потому что произошло слишком многое из того, что очень важно для человечества, но не сейчас для нас и не для нас сейчас.

В общих чертах произошло примерно следующее – представим себе человека, у которого есть музыкальный центр. Он им прекрасно умеет пользоваться, знает, как работает какая кнопка или сенсор, и что они производят своим действием. Табло, дископриемники, настройки, штекера, эквалайзеры, регистры - все исследовано, изучено и понятно. Это можно сравнить с процессом создания классической физики. Затем человек

вскрывает панель и к своему ужасу видит, что за простой и понятной функциональностью панели управления скрываются «миллион» разноцветных проводов, схемы с серебристыми полосками, контакты тоньше волоса, уходящие куда-то в мистику плат с детальками непонятного назначения и всем остальным прочим. У него рябит в глазах, и он в легком шоке начинает от уже знакомых кнопок и других инструментов управления проследить, куда и как идут провода, где они замыкаются или выходят на другие элементы схемы, что с чем соединено, и что через что с чем связано. Постепенно и смутно, частями он начинает отдаленно понимать, как идут внутренние взаимодействия и осуществляются взаимосвязи деталей цельного организма. Это - доатомный и доквантовый период физики после ее классического этапа.

Затем человек начинает расковыривать сами платы и корпуса микроскопических электронных деталей, и ничего не понимает – внутри уже нет знакомых проводков, контактов, соединений, выключателей и включателей. Как все это работает? Разглядеть ничего совершенно невозможно, можно только *осуществлять логические догадки и проверять их математическими аналогами предполагаемых процессов*. Но этому человеку легче, потому что какой-то другой человек некогда спроектировал этот его музыкальный центр, и уж сам-то конструктор, точно знает, как все это работает и почему. На крайний случай - даже у него можно спросить. Но с появлением атомной и квантовой физики больше нет никого, кто знал бы, как это собрано, и как оно работает. Произошло страшное для испытанных методов физического исследования – образовался разрыв между теорией и экспериментом. Исследуемый мир теперь недоступен ни рассмотрению, ни измерению, ни физическому моделированию, ни вообще даже самому простому эксперименту. Остается только *осуществлять логические догадки и ... см. выше*. Спросить не у кого. Достоверных знаний об этом ни у кого нигде нет. Вот для нашей будущей работы со Случайным мы и выберем из этой последовательности вскрытия зафасадных систем мира только одну нужную нам линию.

Выберем, и посмотрим историю этих открытий и свершений. Сразу оговоримся, что нас будет меньше всего интересовать каждая подробность научной составляющей всех элементов или подлинная объемность выведенных законов и формул. Нам важен только основной смысл каждого шага пути науки к последним известным ей тайнам материи. И нам важны даже не столько сами эти шаги, сколько логика этих открытий и достижений. На определенном этапе физика стала постигать свой предмет не наблюдением и экспериментом, а именно логикой. А это - логика отдельных людей и выдающихся личностей. Кроме того, (и это очень отрадный факт), само то, что мир стал постигаться логикой, говорит о том, что в структуре феноменов и взаимодействий материи присутствует какая-то логика. Потому что подобное познается подобным, и если это познается логикой, то человек тем самым находит логику в материи, то есть своим разумом находит в материи присутствие иного себе разума. Итак, как это было.

Все началось с Ньютона, который сказал: «Уважаемое научное сообщество, леди, джентльмены и люди земли! Свет – это поток частиц, которые я называю корпускулами».

Научное сообщество, леди, джентльмены и люди земли сказали: «А чем докажешь»? Ньютон ответил – пока ничем, но это так.

1675 год, Ремер сказал – скорость света конечна.

Ученые сказали – «Будем знать».

1690 год. Гюйгенс сказал – свет не частица-корпускула, как говорит Ньютон, а волна.

Ученые сказали – «дорогие Гюйгенс и Ньютон, проверить кто из вас прав, можно только каким-либо достоверным опытом. Например, сведениями о прохождении света через тела с различной плотностью, где волна и частица ведут себя противоположным образом. Дерзайте».

1740 год, Пьер Луи Моро де Мопертюи сказал – если в природе происходит само по себе какое-нибудь действие, то необходимое для этого количество действия есть

наименьшее возможное. Природа всегда совершает минимально необходимое усилие! Такое природой не объяснить, и на основании этого я утверждаю, как ученый, что есть Бог.

Ученые сказали – «Фу! У нас здесь серьезный разговор. Может, сан еще примешь? Между прочим – век Просвещения на дворе!».

1850 год, Фуко сказал – свет это, конечно же, волна, потому что его скорость в воде меньше, чем в воздухе. Так только волна себя ведет.

Ученые сказали – «молодец, Фуко! Объяснил про свет, а то Ньютон нам тут голову морочил»... Но при этом они сказали еще кое что – «если свет, как выясняется, волна, то, извините, любая волна может распространяться только в какой-либо конкретной физической среде! Это частицы-корпускулы могут лететь в пустоте, а для волны нужна среда, волнуемая волнообразно! В какой среде, например, идут к нам волны света от Солнца? Какая-то среда обязательно должна быть! Давайте эту среду введем в систему физических объектов и назовем эфиром!»! И назвали. Это они «пятый элемент» Аристотеля вспомнили.

1859 год, Максвелл сказал – я тут исследую электромагнитное поле, так вот - оно распространяется в пространстве точно со скоростью света! Поэтому я утверждаю, что у света – электромагнитная природа! Потому что, хоть режьте меня, хоть ешьте, но скорость какого-либо физического явления – это результат взаимодействия внутренних свойств данного явления со всеми внешними факторами окружающего мира. Внешние факторы – одни и те же и для света и для электромагнитного поля, следовательно, при одной скорости у них должны быть одинаковы внутренние свойства. То есть, они – одно и то же. Таким образом - свет это волна, потому что он не что иное, как колебание электромагнитного поля.

Ученые сказали – «Дорогой, ты наш! То, что свет волна, мы уже знаем. Но, смотри, как бы не доиграться, потому что электромагнитное колебание может и без эфира обойтись»!

Максвелл ответил – и то... Чтобы не доиграться, давайте считать световую волну особой формой эфира.

Ученые сказали – «А, давайте». И так и считали.

1877 год, Герц сказал – ультрафиолет, когда попадает на металл, вызывает появление в металле электрического тока. Давайте назовем это «фотоэлектрическим эффектом» (фотоэффектом). И назвал.

Ученые сказали: «Смотри, ты...» Но смотреть не стали.

1881 год, Томсон сказал – я отказываюсь даже понимать, как это происходит, но энергия и масса связаны между собой, так как у наэлектризованного тела масса увеличивается!

Ученые сказали – «Тоже отказываемся понимать».

1881 год, Майкельсон сказал – господин Максвелл великолепно решил задачу с определением природы света через его скорость! Давайте и мы, наконец-то, решим проблему природы эфира через его скорость! Надо найти скорость эфира и тогда она нам про него многое чего может рассказать! Я провел опыты, и пока могу сказать только одно – (караул!!!!) скорость света не зависит от скорости источника, который его испускает!

Ученые сказали – «тихо, тихо, успокойся, перепроверь свои опыты, и мы их перепроверим, обсудим, разберемся, может, что-то сообразим, и вообще нам голову с этим не путай, ты опыты, зачем проводил? Чтобы выяснить подвижный эфир или неподвижный? Вот на это нам и ответь, в конце концов»!

1888 год. Александр Столетов сказал – тут давеча Герц про фотоэлектрический ток говорил, а никто слушать не захотел, так я покумекал и провел эксперименты. Чудеса! Вот три закона фотоэффекта, я их экспериментально все вывел, кому интересно, можете ознакомиться.

Ученые сказали – «Столетов, только тебя еще не хватало! Тут Майкельсон чуть всех в шок не отправил, а теперь еще и ты со своими законами! Мы их посмотрели, и получается, что свет - это не волна, а частица?! Волна никак и никогда не может производить таких количественных закономерностей. Частицы могли бы, это - пожалуйста, а волна не может. Но ведь все же знают, что свет не частица, а волна! Добавил ты нам головной боли!»!

1889 год, Фицджеральд сказал – я поработал над результатами Майкельсона, у меня получается, что время при околосветовой скорости для наблюдателя замедляется, а длина предмета сокращается!

Ученые сказали – «С ума сошел»?

1891 год. Стоней сказал – тут мистер Максвелл не так давно про электрические заряды нам рассказал, я тут кое-что посчитал, получается, что эти заряды должны состоять из единичных минимальных зарядов. Давайте назовем их «электроны». И назвал.

Ученые сказали – «Ты эти свои электроны видел? Ты их слышал? Не спится тебе там, что ли? Ты еще скажи, что электричество тоже из атомов состоит»!

1892 год, Хендрик Лоренц сказал – Фицджеральд не сошел с ума, все правильно – время замедляется, а тело сокращается.

Ученые сказали – «ты-то человек у нас серьезный! Дай формулу, и дело с концом»!

1895 год, Хендрик Лоренц сказал – вы сейчас сами с ума сойдете, но длина тела при его движении с большой скоростью действительно сокращается, а время замедляется! Вот по этой формуле, смотрите! Я называю ее «множитель Лоренца». И вы называйте.

Ученые сказали – «ты, хочешь, называй, хочешь, не называй, а не работает твой множитель».

1895 год, Анри Пуанкаре (математик) сказал физикам – абсолютного движения нет, его невозможно обнаружить.

Ученые сказали – «Спасибо, мсье Пуанкаре, когда нужны будут подробности от математиков, мы Вас позовем»...

1897 год, Томсон сказал – тут мистер Стоней не так давно про «электроны» говорил, так я их открыл и экспериментально доказал. Кстати это самая маленькая и самая легкая частица, известная в природе. Чудеса!

Ученые сказали – «Так и запишем: «Электричество имеет атомистическую природу». Мы это, кстати, так всегда и предполагали».

1898 год, Пуанкаре сказал – нет абсолютного времени и нет однозначной одновременности событий.

Ученые ответили: «Ну, ну...»

1899 год, Лоренц сказал – напомним: мой множитель для выражения замедления времени и сокращения масштабов тел при околосветовой скорости вам не понравился! А господин Пуанкаре мне помог, и я даю новый. Он работает.

Ученые сказали (Лармор) – «я проверил в расчетах, и правда работает»!! А еще ученые сказали (Пуанкаре) - «давайте назовем его «преобразованием Лоренца»! И назвали.

1900 год, Анри Пуанкаре на празднованиях юбилея Лоренца, сказал физикам – «как хотите, но время замедляется при околосветовых скоростях, а энергия должна быть равна массе».

Ученые сказали – «Ох, уж эти счетоводы»...

1900 год, Анри Пуанкаре сказал физикам – «вот вы тут собрались в Париже на конгресс, а сидите и не знаете, что эфира, может быть, и нет в природе»!

Ученые сказали – «математик, что возьмешь»?..

1900 год, Макс Планк сказал – я и сам в это еще не совсем верю, но упорные расчеты показывают, что энергия излучается и поглощается *только* отдельными мельчайшими порциями, которые пропорциональны частоте света. Я называю их «квантами». Я бы назвал их энергетическими атомами, но они даже более атомы, чем

сами атомы – в отличие от физических, они уже не дробятся. Кстати, фамилия Мопертюи никому ничего не говорит?

Ученые сказали – «погоди, погоди, уж не хочешь ли ты сказать, что не только материя состоит из атомов, но и энергия? Это что же такое получается – энергия зерниста как материя? Ты вообще понимаешь, что ты сказал? Мы тоже... Но на всякий случай, давайте, назовем теперь всю последующую физику «эрой квантов»! И назвали.

1904 год, Анри Пуанкаре приехал в Сент-Луис и собравшимся там со всего мира физикам сказал – вам всем придется считаться с тем, что ничто не может иметь скорость, превышающую скорость света.

Ученые сказали – «Ладно. Время покажет, мсье Пуанкаре».

1905 год, Эйнштейн сказал - я могу объяснить законы фотоэффекта Столетова. Дело в том, что волна не может нигде и никогда производить таких количественных закономерностей. Частицы могли бы, это - пожалуйста, а волна не может. Упорные расчеты показывают, что энергия излучается и поглощается *только* отдельными мельчайше возможными порциями, которые пропорциональны частоте света, так что, уважаемое научное сообщество, леди, джентльмены и люди земли! Свет – это поток частиц-корпускул! И вот эти частицы света выбивают электроны в металле со своих мест, и таким образом этот фототок и происходит.

Ученые сказали – «Молодец, Ньют..., то есть Пла., тьфу! Эйнштейн! Дайте ему Нобелевскую премию»! И дали.

1905 год, Эйнштейн сказал - скорость света (караул!!!) не зависит от скорости источника, который его испускает!!! Вы сейчас с ума сойдете, но длина тела при его движении с околосветовой скоростью сокращается, а время замедляется!!! Абсолютного движения нет, его невозможно обнаружить!!! Скорость света должна рассматриваться как постоянная!!! Эфира, может быть, и нет в природе!!! Ничто не может иметь скорость, превышающую скорость света!!! Нет абсолютного времени и нет однозначной одновременности событий!!! Я называю это «Специальной Теорией Относительности»!!! И вы называйте.

Ученые сказали – «а мы про все, про это, уже знаем. Ты лучше скажи, почему ссылок на предшествующих авторов не даешь? Мы первый раз в истории видим научную статью, где нет ни одной литературной ссылки. Такого еще не было. Это же элементарные правила! Или хочешь сказать, что сам все придумал»?

Эйнштейн сказал – сам, все сам. Не ведаю, про кого говорите. Про Лоренца что-то такое отдаленное слышал, про всех остальных же вообще ничего не знаю. Просто сел и на школьной тетрадке все вывел.

Ученые сказали – ...ничего они не успели сказать, потому что такой шум в прессе и в обществе поднялся вокруг Эйнштейна, что их уже никто не слушал.

1911 год, Эрнест Резерфорд сказал – сам не видел, врать не буду, но из картины опытов получается, что атом состоит из ядра, вокруг которого по орбитам вращаются электроны.

Ученые сказали – «ты что-то такое нам рассказываешь, аж даже не верится. Это ж как электроны вращаются, если атом не излучает? Если электрон вращается, то он тратит энергию, и она должна излучаться. А у нас атом не излучает. Он только тогда излучает, когда меняет свое состояние, короткое время, а потом опять не излучает. Ничего не понятно».

1913 год, Нильс Бор сказал – а знаете, как электрон перемещается по атомным орбитам? Он сейчас здесь, а в следующий момент совсем в другом месте! Скачком! Просто – раз! и уже на новой позиции! Не преодолевает атомное пространство в сплошную, а просто оказывается в следующее мгновение совсем в другом месте! Я бы даже сказал, что это происходит вот так: просто – раз! и уже на новой позиции! Скачком!

Ученые сказали – «Еще одно-два таких сообщения, и мы все действительно сойдем с ума. Давайте просто запишем: «В атомном пространстве электрон совершает квантовые

скачки» и не будем об этом сильно думать, потому что такого физика никогда не сможет объяснить».

1923 год. Его высочество принц Луи де Бройль сказал – я могу объяснить квантовые скачки. Это происходит потому, что электрон это не частица, а волна, вернее он частица, но он волна, то есть, он волна, но частица, то есть... в общем он имеет волновую природу, кто бы он ни был, и ему просто деваться некуда, как только ступенчато менять радиус орбиты, а не в сплошную изменять его. Потому что если он волна, то круг из волны бывает только с целым числом колебаний этой волны. Такой круг не может, как обычный, растягиваться или сжиматься как резиновый сплошным образом, он может быть только тех радиусов, при которых образуется целое число колебаний его волны, а между этими значениями круга не может быть. Вот и всё! Вы то все думали, что электрон это частичка, которая вращается по орбите и скачет как блоха (хихик!), а электрон это сплошная волна, которая меняет сразу целыми значениями свой радиус в зависимости от своей энергии!

Ученые сказали – «Все сказал? Закончил? А ты подумал, что если электрон у тебя волна, то материя – это что же, тоже волна»?

Де Бройль сказал – ну так, да... Если электрон волна, то да... Если вы так хотите... Лично я ничего такого... просто сказал, если что... Нет, я не подумал! В общем – беру свои слова обратно!

Ученые сказали – «а - всё!!! Уже сказано! Теперь посторонись, потому что мы уже записываем – «материя имеет волновую природу».

Шредингер сказал – я докажу, что де Бройль прав и никаких этих безобразных квантовых скачков в природе быть не может, а механика квантового мира – волновая и никаких частиц там нет.

Гейзенберг сказал – я докажу, что де Бройль не прав, что скачки существуют, и что механика квантового мира корпускулярная и там нет никаких волн, а есть только частицы.

Ученые спросили – «А как это сделаете?»

Шредингер сказал – я создам математическую модель волнового квантового мира, где всё будет правильно описываться и достаточно успешно предсказываться, и этим самым станет ясно, что противоположный вариант Гейзенберга (корпускулярный) абсолютно абсурден, как невозможный.

Гейзенберг сказал – я создам математическую модель корпускулярного мира, где все будет правильно описываться и достаточно успешно предсказываться, и этим самым станет ясно, что противоположный вариант Шредингера (волновой) абсолютно абсурден, как невозможный.

1926 год, Шредингер создал математическую модель волнового мира, где все правильно описывается и достаточно успешно предсказывается, и этим самым стало ясно, что противоположный вариант (корпускулярный) абсолютно абсурден.

1926 год, Гейзенберг создал математическую модель корпускулярного мира, где все правильно описывается и достаточно успешно предсказывается, и этим самым стало ясно, что противоположный вариант (волновой) абсолютно абсурден.

И как раз вот здесь ученые начали говорить – как страшно жить, лучше бы этого не было, пять минут торжества после открытия сменяются десятилетиями горя: все, чего достигли... всё, во что верили... чем гордились... а Эйнштейн сказал – « это конец физики».

А Шредингер сказал – да, не волнуйтесь, это просто запись одних и тех же закономерностей разными математическими аппаратами, а что там на самом деле в природе делается – разве ж кто-нибудь знает? Ой, что я сказал!

Ученые сказали – «Вот именно. Ты бы уже помолчал лучше, чем нам такое говорить».

Гейзенберг сказал – это все получается потому, что создание математических моделей квантового мира у нас всегда предшествовало непосредственному пониманию этого мира. Вместо реального мира мы изучали всего лишь какую-то математическую абстракцию. Увлечлись. Создали математическую ширму, подменив ею реальный физический мир.

Ученые сказали – «Ты плохой! Ты плохой! Мы тебя не любим»!

Так наступил конец физике.

Поймем эту ситуацию правильно – если одна и та же наука, всеми своими самыми передовыми расчетами, в одном варианте говорит, что камень – это огонь, а в другом варианте, что камень – это жидкость, то эта наука исчерпала свои возможности рассказывать нам о камнях, потому что про сам камень она при этом ничего не сказала – этот объект не может быть и тем и другим одновременно. Он что-то третье. Если подобное сказано в отношении самих оснований материи, то нам рассказывают не об этих основаниях. Эта наука в данных вопросах несостоятельна. Эти основания – что-то третье.

И как забавно, что всё произошло в одном и том же 1926 году! Вот и еще одно, можно сказать, статистически невероятное совпадение! Шредингер и Гейзенберг работали в совершенно разных условиях (Шредингер в несравненно более оптимальных). Они шли совершенно противоположными путями и при совершенно разных возможностях (у Шредингера они были исходно более широкими). Они занимали совершенно разные позиции в научной иерархии (Шредингер – маститый физик, Гейзенберг – никому не известный лаборант), а закончили свои работы – одновременно! Представим себе, что было бы, если бы все произошло так, как бывает в жизни, когда в жизни ничто никуда не вмешивается своим тайным Промыслом. Кто-то из них, Шредингер или Гейзенберг, дал бы картину квантового мира (кто-то первый из них), раздались бы фанфары, и началось бы чествование. А в этих условиях другому, тому, кто не успел, просто закрыли бы тему – зачем тратить средства и время на поиск того, что уже найдено и великолепно всё объясняет? Ведь ясно же, если что-то уже объясняет, то противоположное ему и отрицающее его ничего объяснить уже не сможет! Например, если бы Шредингер успел первым, то Гейзенбергу на отчетной конференции его кафедры большинством голосов было бы рекомендовано изменить направление исследования на другое. И он бы никуда не делся, да и не возражал бы. Точно также произошло бы и со Шредингером, опереди его Гейзенберг. Какая-то из этих двух картин квантового мира стала бы доминирующей, а любая другая теперь рассматривалась бы, как альтернативный бред! Но вмешалось Провидение, и теперь мы имеем две равноценные и достойные научные концепции, каждая из которых по отношению к другой является альтернативным бредом! Так работают совпадения и случайности! Они в нужный момент приходят и поправляют непоправимое. И, похоже, у их Хозяина действительно есть чувство юмора...

Официально считается, что ничего страшного не произошло, потому что целый год печали сменился эпохой надежд, когда в 1927 году Гейзенберг всех спас и вывел принцип неопределенности. Этот принцип только потом стали так называть. Сам Гейзенберг назвал его по-другому, он назвал его как-то что-то вроде «принципа неточности». Смысл этого прометеевского шага Вернера Гейзенберга был простым – поскольку знание о природе теперь всегда следует считать ошибочным, то неплохо было бы вывести такой диапазон ошибки, который хоть приблизительно давал бы нам представление хотя бы об отдаленных чертах исследуемого микромира. Сам по себе этот принцип был не концептуальным (какая разница, каков диапазон ошибки в пределах изначально ошибочной картины?), он давал возможность ученым производить расчеты корректным образом именно относительно расчетов. Это был метод, который просто не оставил их без работы. Но любить Гейзенберга от этого больше не стали, потому что герр Вернер никогда не стеснялся сказать, что все это означает не столько конец физики, сколько конец материализму, потому что теперь всем должно быть ясно – с той стороны материи что-то есть.

Гейзенберг вообще – эпохальная фигура в современной науке. Его руководитель Макс Борн сказал, про этого мальчишку – мало образован, но как умен!!! Когда Гейзенберг взялся доказать корпускулярную теорию квантового мира, Борн не отнесся к этому серьезно, потому что дебройлевские волны давали *привычную веками* непрерывную картину материи без ее исчезновения в одном месте и появления в другом месте во время скачков, и Борн ей симпатизировал. Но он предоставил Гейзенбергу возможность поработать. Когда, через несколько недель, Гейзенберг принес руководителю свои расчеты, Борну плохо стало – он увидел, как его слабо образованный сотрудник... открыл и создал заново матричное исчисление! Борн тут же дал ему в помощь четырех математиков – ты не считай больше, за тебя другие посчитают, зачем велосипеды изобретать? Раз уж ты такой умный, то веди тему, а эти пусть на тебя работают. В наши бы времена такой либерализм научных руководителей!

Но мы о конце физики. За 22 года до этих событий, в 1904 году, Пуанкаре на международном конгрессе физиков в Сент-Луисе сделал пророческий доклад, который назвал «Настоящее и будущее математической физики». Он оценил состояние этой самой «математической физики» как фазу глубокого кризиса. Пуанкаре был математиком, но его всегда приглашали туда, где собирались разные важные физики. Потому что физики уже не могли без математики не только в расчетах, они вообще ничего не могли уже без математики. Более того, физика стала плестись в хвосте у математики, потому что если раньше всё проверялось экспериментом, то теперь все проверялось расчетами в пределах математической модели *мысленного эксперимента*, который в реальности был неосуществим. Пуанкаре всё прощали, потому что без него и без других математиков тогда уже прожить не смогли бы. Поэтому никто с ним не стал спорить по поводу оценки своей науки, но название «математическая физика», все же, заменили в дальнейшем на «теоретическая физика». Так приятнее звучит. Но смысл один и тот же, потому что – какая ж это физика, если в ней вместо наблюдения и эксперимента за основу берется математическое моделирование ненаблюдаемого? Но звучит-то приятнее, в самом-то деле. Итог через двадцать два года мы увидели.

Но этот итог говорит не только о беспомощности физики. То же самое можно сказать и о беспомощности математики *для физики*. «Чудо» 1926 года - это одинаковый позор и для физики и для «математики для физики». И это не удивительно, давайте вообще попытаемся понять, как можно выразить в формулах высшей математики реально движущийся электрон? Хотя бы даже простую идею движения частицы, давайте, выразим в формулах. При самых успешных результатах такой модели – *это никогда не будет то же самое*, что реальность. Кроме того, все эти математические модели, не могут самого главного – они не могут порождать из себя движения. Ни одна математическая модель не обнаружит в самой себе, что вот тут-то и вот тут-то было инспирировано обстоятельствами такое-то движение с такими-то характеристиками. Модель мертва. Природа – жива. Эту пропасть не перешагнуть.

Поэтому вот так напрямую смотреть в созданный наукой квантовый мир, и пытаться понять, как в нем живет и работает Случай, переходящий в Закон, совершенно бесперспективно. Потому что этот мир ужат до сухой схемы возможностей математического моделирования с одной стороны, и выплескивается в неограниченные ничем математические конструкции с другой стороны. Невероятные успехи квантовой механики должны расцениваться именно как невероятные успехи теории квантовой механики только для теории квантовой механики. Отношение к реально происходящему в природе Случая эти успехи имеют самое отдаленное. Какие бы споры вокруг квантовой физики не возникали, объективно следует признать, что это один из самых удивительных отделов физического знания, потому что в нем до сих пор не создано ни одного физического закона. И ничего бы страшного, но с квантовой физики стали брать пример все другие физики. И в этой науке воцарилось просто математическое фантазирование. И в этих фантазиях стало появляться черт-те что. Математическая переработка физических

величин в математические знаки приводит к тому, например, что для плодотворного ведения заумных расчетов вдруг требуется четырехмерная формулировка. И вот *математическая необходимость* системы расчетов требует введения четвертого измерения, которое физически этому миру не то, чтобы не нужно с той же очевидностью, но которого вообще нет в физическом мире. У мира вообще всего лишь одно измерение – форма своего собственного единого существования, явленного нам в ширине, высоте и длине (вспомним Канта – мир является нам в явлениях, созданных нашими врожденными стандартами сознания). На самом же деле в мире нет ничего ни одномерного, ни двухмерного, потому что все в нем имеет объем, то есть трехмерно. Но это не вмещается в нашу голову *единым феноменом* и заставляет выдумывать для этого мира различные степени мерности ниже третьей. И это при чисто физическом описании. Чего же удивляться, когда в математике еще и четвертое появляется? Удивляться приходится другому – авторитет современной математико-физики настолько высок, что в мире начинает кое-где признаваться реально существующим и четвертое измерение. Чтобы убедиться в реальности четвертого измерения, достаточно, очевидно, просто выглянуть в окно и повнимательнее посмотреть. Так надо полагать?

Причем для названия этого нелепого четвертого измерения используется несчастное и безответное «Время», которое не может за себя постоять или подать против этого голос. Вообще сейчас укрепилась странная привычка хватать «Время» за лацканы и требовать от него исполнения той или иной функции в качестве некоей материальной субстанции, которая еще не найдена ни в одном шкафу физически, но везде подозревается математически. И вот все эти псевдокоординаты с мнимыми значениями в расчетах вешают себе на грудь табличку с надписью «Время», и никакой суд не поможет Времени подать на возмещение морального ущерба. Причем, в самом Времени совсем нет ничего такого, провоцирующего на подобное грубое с ним обращение. Но ищут-то, ведь, не свойства Времени. Ищут название системам различных математических операторов, ведущих расчеты в нужную (задуманную) сторону. И находят. И называют.

В этом методе очень много удобного – как только в модели появляется что-то реально физически неопределимое, но хорошо математически спасающее какую-то идею, так сразу же приказ дежурному по части – а подать-ка, мне, Время, есть работа для него... И логика прозрачная – ведь, что, если не Время? Оно, ведь, где-то тут, всегда рядом валандается, пусть хоть что-то для науки сделает. И логика - удивительная! Например, теория торсионных полей появилась из факта различных математических фокусов с еще одним математическим фокусом – с уравнением теории гравитации Гильберта-Эйнштейна. В результате этих фокусов итоговые формулы говорят, что массивный материальный объект при вращении должен искривлять вокруг себя пространство, да не просто так, а еще и таким безумным образом, чтобы, отразившись в зеркале, показать совершенно обратное тому, что происходит на самом деле. Ну, как не спасти такую красивую теорию? И для таких чрезвычайных ситуаций сразу же привлекается Время, и вот оно уже летит к месту происшествия на самолете, «и одно лишь слово твердит: «Лимпопо, Лимпомо, Лимпопо...». И вот оно прилетело и сразу же уже становится материальным, а затем оно уже переходит в иное состояние и становится информацией и т.д. И при этом, ни в Сахаре, ни в Калахаре, никого уже не волнует, что, если сделать Время материальным, то в этом случае, ведь, *материальное время* переходит в информацию, и тогда информация тоже – материальна! А на простой вопрос – а разве бывает информация без сознания? – никто не отвечает, потому что если ответить утвердительно, то это признать, что при фразе жены, например, «у нас кофе закончился», от нее к мужу некоторым интересным для физики образом переносится некое количество материи. А также из всех телевизоров по всему миру ежесекундно... Или с каждой страницы каждой книги.

Если же ответить отрицательно, то есть, что информация не может быть материальной, то материальное время, не нарушив таким же интересным для физики

образом закона сохранения вещества, не может перейти из своего материального состояния в нечто нематериальное. Куда же тогда исчезла бы эта материя в составе материального Времени? Куда б осыпалась? А ведь весь абсурд начался с простого и такого любимого в среде теоретиков действия – Время сделать материальной субстанцией.

И что же получается? Если мы хотим понять Случай, то мы понимаем, что нам надо идти именно сюда, в кванты и микромир, поскольку здесь его Царство и его Владения. Но, учитывая всё вышесказанное, мы должны понять и то, что при таком подходе к этому Царству (в стиле свободных фантазий, где даже Время мнится материальной субстанцией), мы попадаем туда слепыми и вообще безо всяких органов чувств.

Но надо понять и физиков. Сложнее тех проблем, которые перед ними сейчас стоят, наука еще не знала. Они – умнейшие люди. Но у них нет иного пути. Потому что объект познания стал ненаблюдаем. Микромир не видим человеком. А если видим... то не видим. Для того чтобы увидеть то, что происходит в микромире, создание оптики нужной степени увеличения и разрешения со временем не составило бы особого труда. Беда в том, что за этими степенями увеличения никогда не будут увеличиваться сами микрочастицы. Что в этом страшного? Страшное заложено в самой технологии наблюдения микромира, которая проста – чтобы увидеть, надо осветить. То есть, пустить на наблюдаемый объект поток света, то есть - поток фотонов. Масса же фотонов достаточна для того, чтобы превратить процесс освещения микромира просто в фугасную бомбардировку. Один из физиков сравнил это с тем, как если бы в толпу прогуливающихся в парке людей на полном ходу врезался мотоциклист. Поэтично, конечно, и даже изысканно, но происходит еще хуже – говоря о толпе, мы знаем, хотя бы, исходную расстановку положения людей на дорожках парка. Говоря о микромире – мы не можем определить даже исходного состояния и начальных характеристик частиц, потому что сам момент начала наблюдения уже является моментом разрушения всякого порядка. Представим себе абсолютно темную комнату, свет в которой специальной автоматикой включается на звук удара бильярдного шара о другой шар. Мы видим только бьющий шар и кий в собственных руках, остальное в полной темноте, но мы знаем, что на каком-то направлении нашего будущего удара расположены в каком-то порядке другие бильярдные шары. Мы бьем по нашему видимому шару и он, столкнувшись в темноте с одним из невидимых нам шаров, включает звуком удара свет, и мы сразу же наблюдаем, как по столу мечутся в разные стороны бильярдные шары. Так мы наблюдаем микромир, пытаюсь определить – что же в нем было до нашего шара, который навел этот самый кавардак?

Вторая проблема этой беды состоит в том, что данное разрушение характеристик «наблюдаемого» происходит абсолютно случайным, непредсказуемым образом и не имеет обратимости для восстановления исходной картины. Главный принцип физического эксперимента – независимость характеристик объекта наблюдения от процедуры измерения - здесь не просто навсегда нарушается, он здесь издевательски превращается в полное искажение картины наблюдения. Наблюдать элементарный мир в его собственном, не нарушенном наблюдением состоянии, человек никогда не сможет.

Но наблюдать приходится. И хотя бы то, что остается от расколошмаченной картины мира микрочастиц, приходится фиксировать и анализировать. Здесь, помимо полностью искаженной исходной картины, есть еще и другая заноза – наблюдает по большому счету не человек, а прибор. У этого прибора также всегда простая технология наблюдения – послать сигнал и получить ответ на этот сигнал. Здесь опять получается только дополнительное искажение действительного положения дел, так как частица наблюдается всегда только *во взаимодействии с прибором, а не в чистом взаимодействии с другими частицами* и силами. Если это сложить с предыдущим, то совершенно очевидно, что без математики тут ничего не сделать. Причем без математики именно *статистической*. То есть все, что эта математика будет выводить – будет иметь

вероятностный и гадательный характер. При этом мы механически переносим характер этой случайностно-вероятностной методики исследования на характер самого микромира, и заявляем, что его природа случайна и статистична всего лишь потому, что наши знания о ней опираются на статистические методы.

Говоря ближе к некоей сути этого процесса, можно сказать, что здесь **объект** исследования (микромир) и **субъект** исследования (прибор) *становятся неотделимы друг от друга*. Все это приводит к тому, что исследуемый мир становится полностью неотделимым от самого исследователя, который создал этот прибор, и теперь исследователь *довольствуется тем набором сведений, весь возможный пакет которых он сам же и заложил в известную ему измерительную технологию*. Дикость такого исследовательского метода совершенно очевидна: *что может прибор, то исследователь и увидит, а прибор может то, что в него заложил исследователь*. А что же заложил в прибор исследователь? *Исследователь заложил в прибор то, что он хочет увидеть, то есть то, о чем он и так уже знает*. То, чего он не знает, и о чем даже не подозревает, он искать не может, так как не может создавать приборы, просто наблюдающие независимую и объективную картину, как она есть. В итоге исследователь никогда не увидит и не узнает о том, что же там есть на самом деле. В этом случае ему действительно остаются лишь игры в дифференциальные уравнения второго порядка, лишенные всякого физического смысла.

Теперь посмотрим, что будет, когда исследователь наконец-то узнает от прибора то, что он и предполагал узнать. Прибор – объект макромира, который исследует микромир. Параметры прибора из этого мира, из нашего, из макроскопического, как и *получаемые данные*. Эти макроскопические данные будут только теми, которые могут распознаваться в макромире. В итоге прибор даст информацию лишь о тех частях микромира, которые могут отзываться на зов прибора *в тех сигналах, которые могут существовать в макромире*. Прибор как в зеркале увидит самого себя, то есть работу своих сигналов, и не больше. Все зоны микромира, не воспринимающие данных сигналов, будут для прибора просто прозрачными и пустыми. Для исследователя тоже. Остается и дальше проводить только мысленное экспериментирование, абстрактно-логическое конструирование и математическое моделирование. И всё это на базе уровня собственных знаний, собственных ожиданий и на основании только того, что сигналы прибора каким-то безобразным образом могут сопрягаться с реальным миром *разбитых вдребезги микрочастиц в характеристиках абсолютно иного им мира макроскопических явлений*. Сильный метод.

Ну, и, наконец, все данные собраны, систематизированы, подвержены расчетам и подлежат обобщению и анализу. Чем и как это будет делать исследователь? Он это будет делать шаблонными классическими понятиями *макромира*, потому что других понятий у человека просто нет. У него нет мыслительных категорий и логических элементов даже для *элементарного* представления процессов, реально происходящих в квантовом мире. Все наши научные образы являются макроскопическими, и выход за них опять же возможен только через математическую абстракцию, в пределах которой нет уже ни исходного макромира (он пропадает в пучине мертвых формул), ни искомого микромира (он остался еще ранее вне нашего наблюдения). *Совершив блистательный виток по математической абстракции микромира, сверстанной в характеристиках макромира, исследователь вновь обрабатывает полученные данные микромира в шаблонах классической физики макромира*. Такая череда предельно логических соответствий здравому смыслу в современных методах исследований, конечно же, не может не внушать к полученным результатам самого благоговейного уважения. Со стороны тех, кто эти исследования проводит, естественно.

Но и это еще не все беды, которые сомкнулись над «теоретической физикой». Завершает эту беду тот самый принцип неопределенности. Напомним – этот принцип просто делает все эти вероятностные расчеты хоть как-то корректными заботами

упоминаемого нами Вернера Гейзенберга. В математическую основу этого метода мы вдаваться не будем. Пусть математика остается математикой. Мы посмотрим, что означает этот принцип в своей методологической основе, («принцип неточности», если мы еще не забыли), как *способ познания*. Уже само по себе интересно, когда *в точной науке неточность возводится в принцип*. Так посмотрим, на каких хотя бы теоретических основаниях.

А основания эти следующие. Для определения какого-либо будущего положения частицы в пространстве нам необходимо знать ее нынешнее положение, ее скорость и направление движения. Чем точнее мы определим при этом *положение частицы в пространстве*, тем более мы должны пренебречь ее скоростью. Наиболее точно положение в пространстве определяется, если тело находится в состоянии покоя. Вот оно именно здесь, никуда не уходит, и мы очень точно можем определить его координаты. Если тело начинает двигаться, то нам с координатами уже труднее – местоположение не бывает уже никогда точным, поскольку какое бы местоположение мы для тела не определили, оно все время его покидает. Поэтому, чем лучше мы хотим знать, где именно находится частица, тем меньше мы должны интересоваться, какова у нее скорость, и тем решительнее мы должны отказываться от того факта, что частица вообще передвигается. Для этого нам приходится искусственно, математически «умертвить» частицу, допустив, что она никуда не сходит с того места, где мы хотим ее видеть. И наоборот – если мы хотим с предельной ясностью знать, с какой скоростью движется частица, то мы с той же предельной ясностью должны понимать, что частица не должна иметь никакого точного пространственного расположения. Если мы ее начнем где-то жестко располагать в своем описании, то у нас моментально исчезнет ее истинная скорость. Чем точнее мы хотим знать ее скорость, тем неопределеннее у нас должны быть данные о ее пространственном положении. В итоге, при тех сумасшедших скоростях, которые существуют в субатомном мире, нам приходится смириться с простой мыслью – мы не можем знать объективной картины, поскольку любой из параметров своей точностью превращает второй параметр в издевательскую фикцию.

Отсюда получается, что мы не можем никогда точно описать ни одно состояние, ни одной частицы микромира. Точность всех ее характеристик (положение в пространстве, скорость и направление) не может приниматься для практических нужд по отдельности, поскольку частица всегда движется и никогда невозможно представить себе ее без одной из этих характеристик, которые всегда только вместе присущи движущемуся телу. Принять более близкими к сердцу для расчетов можно, например, точные пространственные данные. Можно, наоборот, склониться к скоростным, но это всегда будет в непоправимый ущерб другому. Чем более определенным будет у нас одно, тем более неопределенным будет у нас другое. Вот Гейзенберг и создал некий способ минимально возможного выбора этих неопределенностей, что подразумевает в итоге получение наименьшего зла из того обязательного зла, которое мы непременно будем иметь, погнавшись за хорошим. Вся смелость Гейзенберга состояла в том, что он решил отказаться вообще от понятия «траектория», выводя его полностью из принципиальных основ своего метода. Как видим, дело не столько в математических нюансах, сколько в *пределе познания*, который наступил для физики. Когда уже невозможно понять «почему и как», остается лишь математически в пределах определенной ошибочности определить «что и сколько».

Нам здесь важно понять другое – этот принцип берется и применяется для моделирования, то есть для *прогнозирования* положения частицы, для выяснения ее будущего. Понятно, что если никогда нельзя описать точного исходного состояния, то нельзя описать точно и будущее состояние. Ведь если не определимо в принципе ни направление движения, ни местоположение, ни скорость в начальный момент наблюдения, то не определимо так же в принципе и ничто другое относительно путешествия этой частицы. Понятно, что это можно сделать только с помощью теории

вероятности. Понятно, что, попав в теорию вероятности, будущее частицы для исследователя становится непредсказуемыми. Понятно, что непредсказуемое будущее частицы и ее поведение становится для исследователя, таким образом, всегда *случайным*. Непонятно одно – почему сам квантовый мир считается случайным, если случайны *только наши прогнозы его поведения?* Если мы не умеем даже исходного положения одной лишь частицы зафиксировать просто *по характеру мыслительного процесса, присущего человеку*, то не поторопились ли мы, назвав случайными все взаимодействия мира микрочастиц? Тем более что на выходе из этого из этой случайной мешанины взаимодействий квантов и элементарных частиц, почему-то всегда возникает поразительно стабильная и полностью прогнозируемая картина физического мира.

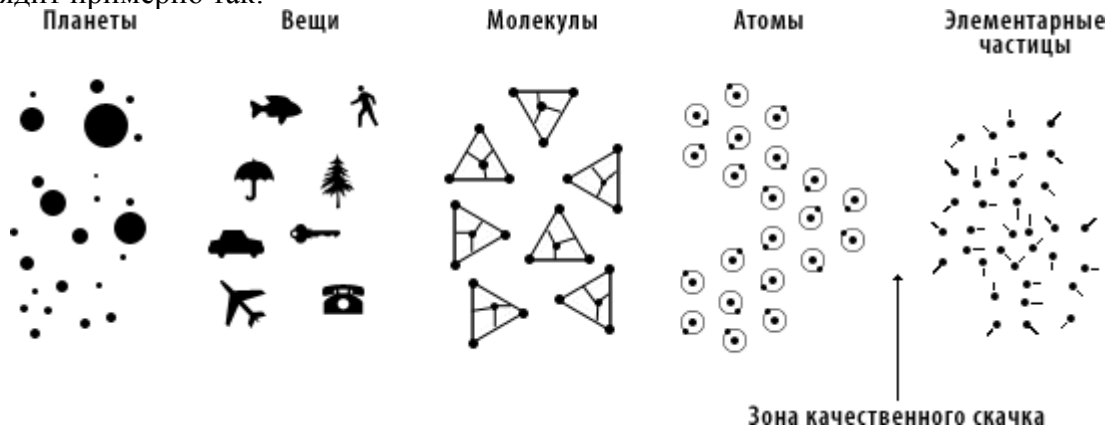
Вот здесь и приходит синергетика со своим обещанием отыскать истоки поразительной стабильности и прогнозируемости в хаосе элементарных частиц. Почему именно в хаосе микромира? Мы отвечали на этот вопрос – потому что на других уровнях материи источник порядка не обнаружен. Следовательно - надо искать в микромире, или ниже него.

А надо ли? Причем не только синергетически вот таким мечтательно-интуитивным путем, но и термодинамически, где хаос это отсутствие энергии, а порядок – много энергии? Да, так уж заведено в физическом мире, и с этим пока никто не спорит, что если в одной части какой-либо системы хаос повышается, то порядок в другой ее части соответственно понижается. При этом по-разному понимаются и порядок, и хаос, и физические основы переходов одного в другое, но в принципе мир миролюбиво признается и теми и этими некоей системой, в которой есть и хаос и порядок. При любых обстоятельствах для любой научной доктрины в любой действующей системе всегда существуют две эти зоны - порядка и хаоса. Это тоже достижение термодинамики, которая понимает состояние мира как переход от порядка (высокие энергии) к хаосу (безэнергетическое состояние) Синергетика же зоной хаоса определяет мир элементарных частиц, а зоной порядка – атомно-молекулярный и выше. Отсюда и вот это главное *революционное* синергетическое понятие – если существует такой порядок выше элементарного мира, то он может переходить в себя только из хаоса, а хаос у нас – микромир. Здесь надо только слегка оговориться, что «хаос» здесь понимается не как полная беспорядочность вообще с отсутствием взаимодействия, а как некая недостаточно организованная фаза процесса. Это не хаос вообще, а хаос, связанный со сравнительными эталонами, с состоянием порядка.

Сейчас просвещенный читатель уже приподнялся на стуле в нетерпеливом ожидании, когда же автор начнет рассказывать «о стреле времени», переходить к понятию необратимости и т.д. Можно присесть и расслабиться. Ни о чем таком дальше речи не пойдет. Потому что, по невежественному мнению автора, всё это лишь терминологическая трескотня, вводящая в заблуждение и тех, кто ею пользуется, и тех, кто пытается увидеть эти необратимости в переходах из хаоса в порядок, или из порядка в хаос. Хроники перетягивания на себя этой «стрелы времени» группами различных физических школ мало увлекают автора, потому что ему никак не удастся понять одну простую вещь – где эти люди ухитряются увидеть уменьшение хаоса и повышение порядка в мировом процессе, или, наоборот, увеличение хаоса и уменьшение порядка в нем же? Автору наивно кажется, что данный процесс людьми обнаружен не в самом мире, а в научном видении этого мира.

Мы как-то давно говорили, что научное видение мира – это постоянное замещение самого мира какой-либо его частью, рассматриваемой в данный момент. Если говорить о мире как о физической картине, то его материя четко структурируется на различные свои уровни, участки, о каждом из которых есть свое отдельное знание. При данной структуризации мир не только заслоняется поочередно каким-либо участком знания о себе, он при этом еще и собирается в научном видении вот этими отдельными частями

механистически из них же. Когда рисуют схемы существующих уровней материи, то это выглядит примерно так:

Про «Зону качественного скачка» на рисунке пока ничего говорить не будем. О ней пойдет разговор дальше. А что сказать про остальное? Если смотреть слева направо, то, как открывали мир, так его здесь и нарисовали - от планет и до элементарных частиц. Если же теперь посмотреть наоборот, справа налево, то здесь, в этой схеме, наглядно представлено постепенное структурное усложнение материи от простых элементарных частиц к большим и сложным макрообъектам. На каждом новом уровне материи появляются новые типы связей, новые виды взаимодействий, новые явления и свойства. Когда мы научным оком видим только микромир, то не видим остальных уровней материи. И вот, если перед нами сейчас этот самый микромир, то он должен на наших глазах, одетых в синергетические очки, начать понижать свою хаотичность и передавать какой-то свой порядок высшим, организационно более сложным ступеням материи (атомам, молекулам и т.д.). Мы в нетерпении хотим увидеть, как это будет происходить. Но пока мы видим лишь обратное - на этом этапе мы из свойств элементарных частиц вообще не можем вывести никаких свойств более сложных и системных образований материи. И даже форм движения этой более сложной материи в свойствах элементарных частиц микромира нет! Следовательно, усложнение материи происходит *не за счет самоповторения качеств элементарного мира*, а за счет появления *новых* свойств, никак не выводимых из характеристик микромира. Причем, более сложные формы материи не только сразу же содержат в себе характеристики, неведомые микромиру, но в них не проникают даже основные характеристики этого микромира. Наоборот! При переходе на более высшие ступени организации вещества, мы сталкиваемся вообще с прямой потерей микрочастицами всех основных характеристик, присущих их элементарному миру (волновые свойства, спин, четность и т.д.). Откуда же берутся новые свойства организованной материи, собранной из элементарных частиц? Явно не из этих частиц, в которых этих свойств *физически нет*. Они там только математически разыскиваются.

Пусть разыскиваются. Мы же можем определить для себя, что здесь (в «Зоне качественного скачка») совершается очень странный и нигде более в материи не повторяющийся *качественный скачок* к совершенно другому и высокоорганизованному своему состоянию через какую-то физическую пустоту физически не вмещенного в себе нового качества. Причем это новое качество приходит физически буквально ниоткуда и, начинаясь именно здесь, не заканчивается уже далее нигде. Везде далее при повышении уровня сложности своей организации, все свойства структурных единиц материи не только сохраняются, но еще и возрастают с увеличением того количества материи, которое они из себя собирают. И это вполне понятно – что есть в единичном, должно тем более проявляться, если этого единичного становится всё больше и больше. Например, чем больше массы, тем больше на ней реализуется сила притяжения. И везде дальше всё так и происходит. И так и должно быть. Но этого нет именно при переходе от квантового мира к следующей по сложности ступени организации. *Если, когда-то выше, мы*

определили мир как систему со скрытым параметром, в котором происходят Случайности, которые мы называем случайностями только потому, что не видим их источников или причин, то мир элементарных частиц как раз и выглядит тем самым местом, где этот скрытый параметр себя проявляет. Он полностью случаен в нашем понимании (микромир), но из него тут же складывается абсолютно неслучайная организация закономерных взаимодействий физического мира. Микромир ничего не может из себя привнести в эту организацию, потому что в нем ничего подобного нет, следовательно, здесь есть какой-то «незнакомец», который делает мир единым, то есть через себя самого переводит квантовое поведение элементарных частиц в упорядоченное. Этот «незнакомец» и является владельцем этих новых свойств более сложной материи. И он же является владельцем Случая.

Это будет пока нашим актуальным выводом, и с ним мы от микромира пойдем дальше.

Далее мы видим атомный мир и наблюдаем здесь возросший порядок с новыми строгими взаимодействиями и потрясающей стабильностью состояния вещества. Для того чтобы идти еще дальше в эту тему, надо бы вспомнить Демокрита, который сказал – «все состоит из атомов и пуст...». Сейчас каждый готов продолжить далее. Изречение известное. Но никогда не договариваемое в том смысле, в каком оно понималось Демокритом. Мы же мысль Демокрита приведем полностью – «все состоит из атомов и пустоты, а все остальное лишь мнение». Вот в данном случае - наличие ступенчато усложняющейся материи – это лишь мнение специфики научного видения мира, которое придает миру характеристики своей собственной классификации своих собственных знаний о мире. Как в научной классификации материя предстает каскадно, так весь этот мир наукой в этой сути и видится. А мир не каскаден. Мир, *если отвлечься от научной его картины*, вложен весь сам в себя. Мир элементарных частиц не находится отдельно от атомов и молекул, а последние не возвышаются над ним. Они вложены в мир элементарных частиц, образуясь физически непосредственно этими частицами. Вещи не существуют отдельно от... нет, мы здесь не скажем – «от молекул и атомов», как требовали бы стереотипы научной ступенчатой картины, мы скажем – вещи не существуют отдельно от элементарных частиц и вложены прямо в них. Планеты и Галактики также вложены в эти самые элементарные частицы, потому что также состоят из них. Если это нами теперь обнаружено, то мы пойдем дальше.

Другой великий грек, Протагор сказал – «человек есть мера всех вещей». Тоже известная всем фраза. Но и с Протагором во времени люди обошлись так же, как и с Демокритом, обрезав его мысль до ничего не значащего афоризма. Протагор не хотел войти в сборники афоризмов, он был скромнее этих задач, и пытался сказать лишь следующее – «человек мера всех вещей в том смысле, существуют эти вещи, или не существуют». Демокрит и Парменид не знали высшей математики и поэтому сказали все очень правильно. На самом деле существует только вот этот хаотический и беспорядочный мир элементарных частиц, а все остальное – мнение и мера существования порядка через наши способности в этом мире видеть не сам этот мир, а некие отдельные его объекты и явления. Человек устроен так, что видит и ощущает мир объектно, в конденсированном и сгущенном виде, то есть в вещах и явлениях макроскопических, являющихся лишь фасадом истинного мира, потому что живая суть этого мира находится внутри этого же мира, в сфере микроскопического.

В одном кубическом сантиметре воздуха находится *биллион хаотически движущихся молекул*. Внутри этих молекул находятся атомы с непредсказуемым квантовым поведением. Перемножим молекулы на атомы в этом кубическом сантиметре воздуха. Теперь помножим всё это на количество элементарных частиц в составе атома, затем это количество хаоса для одного только кубического сантиметра воздуха помножим на всю атмосферу Земли, а затем прибавим к этому количеству хаоса молекулы и атомы в более конденсированных участках материи (океаны, моря, жидкие тела, твердые тела,

леса и горы, камни и скалы, космические объекты и т.д.), каждые со своей долей хаоса. О каком порядке идет речь? С количественной стороны, ни о каком. Количественно хаоса столько же, сколько всегда, потому что все это вышеперечисленное содержит в себе *даже не выразимое количественно* присутствие хаотически живущих элементарных частиц, чья энергия также даже не выразима количественно. Мир просто заслоняется молекулярно-вещественной картиной научного видения, в котором этого хаоса действительно уже нет, поскольку данная картина его уже не видит, выделяя для себя уже нечто другое. Так штукатуркой заслоняется кирпич. В общей же вложенности всех элементов материи в элементарные частицы, хаоса, сколько было, столько и осталось, и если какой-то порядок и есть, то этот порядок только в нашем мнении.

Однако и этому мнению не следует отказываться. Мир и материя не иллюзия. То, что видит в нем наше мнение и меряет наша мера в качестве реально существующего – реально существует. Но это мнение и эта мера принадлежат к такой ничтожно малой части действительного мира (человеку), которую, даже относительно только планеты Земля, не назовешь песчинкой, чтобы не совершить акта невероятного преувеличения. Нашему мнению и нашей мере этот порядок кажется значительным до такой степени, что мы готовы уже говорить об отсутствии хаоса там, где его столько же, сколько всего остального. Но, напомним, это – количественный хаос. *Качественно он является порядком, количественно оставаясь хаосом.* Существует ли качественный порядок Млечного Пути, планеты Марс, литосферы Земли, дерева, камня, планктона, вируса? Несомненно. Но разве все это происходит за счет какой-то количественной утери хаоса? Сколько было во всем этом хаоса элементарных частиц, столько и осталось. Хаоса никогда не становится меньше, даже если порядка становится больше. Хаос и порядок вообще не связаны между собой никакими переходами. *Потому что хаос, как организованный беспорядок, это категория количественная, а порядок – полностью качественная.*

В мировой доле общий хаос не уменьшается, поскольку не уменьшается субатомная среда его подкожной жизни. Однако – порядок, напомним, есть. Откуда же этот порядок? Этот вопрос мы попытаемся решить чуть позже. А пока не надо забывать, что у нас очень узкая проблема, которую мы хотим раскрыть – роль случайности и совпадений. Для избранной нами темы достаточно пока и того, что мы поняли.

А поняли мы следующее – есть некий посредник между хаосом элементарных частиц и порядком всей организованной материи. При этом мы поняли, что мир количественно хаотичен, а качественно упорядочен. Все физические характеристики мира – это характеристики хаоса. А характеристики порядка – они откуда? Как определить эту зону, где находится источник порядка? *Ее следует определить как динамическое вмешательство извне мира некоего Посредника, который на участке мира элементарных частиц создает неведомое для физическое материи качественное упорядочивание.*

Почему (еще раз, в качестве вывода) мы выносим этого Посредника из пределов физического мира? Потому что, по нашей мысли, он создает осмысленность физическому миру, но работает в зоне бессмысленных элементарных частиц. Так почему бы его не оставить в составе материи? Потому что в сложной материи его производящих усилий мы уже не наблюдаем (здесь все уже организовано), а в элементарной материи мы этих усилий еще не наблюдаем (здесь еще ничего не организовано). Мы видим или итог данной работы, или момент, предшествующий данной работе. Физических процессов и физических носителей данной работы мы не видим. Следовательно, все это не физическое. *Но обязательно физическое!* Потому что на материю можно воздействовать только физически, даже если это делать извне самой материи. И как же все это может быть?

Здесь всего легче было бы вообще уйти от этих тяжелых вопросов, и с благоговением в очах просто заявить, например, что на атомном уровне от Бога напрямую начинается формирование закономерностей физического мира, и дальше все

пошло бы у нас гладко. Но это было бы слишком неправильно и слишком гладко. Богом, действительно, можно все объяснить, но, не отменяя при этом очевидных свойств природы и ее физики. Создавать картину постоянно присутствующего тайного чуда, конечно, легче, чем искать какой-то *соответствующий физическому миру механизм* перехода от бессмысленности к осмысленности. Но надо понимать, что, переступая через физические обоснования материи, снимая их важность, и отдавая всё просто чудодейственным манипуляциям Бога, уходя от признания необходимости материи для реализации Его замысла, объявляя материю иллюзией и миражом, мы, тем самым, ставим косвенно очень неприятный для самих себя вопрос – а не умнее ли мы Бога, если готовы вот так легко совсем обойтись без материи, без которой Он, все-таки, не обошелся?

Кроме того, надо всегда помнить Канта (еще раз и мы его вспомним), который посоветовал сомневающимся в существовании камня стукнуться об него головой. Материя существует, и существует она независимо от того, есть она у нас в голове, или ее там нет. И если мы говорим – «веруем», то следует верить и в то, что у материи есть свое назначение и свой смысл. Поэтому перескочить от достигнутого нами на этом этапе сразу в атомно-молекулярный уровень и предполагать там некое нематериальное истечение «духом божьим» правил ее поведения прямо из ниоткуда - будет неверным. Если иметь в виду именно этот вывод – то не стоило даже начинать нынешнего разговора. Этот вывод можно поставить впереди – и тогда зачем всё остальное? А все остальное нужно только для одного – если существует материя, то в ней должны быть материально-физические регуляторы ее строго обусловленного законами поведения. Эти физические регуляторы не найдены, мы о них знаем только то, что Регулировщик – вне материи. Нам хочется попробовать найти физические регуляторы, которыми оперирует невидимый Регулировщик. Потому что с помощью этих регуляторов этот Регулировщик делает Случайное строгим Законом. Это мы и попробуем выяснить дальше. Зачем? Затем, что физический мир распознаваем и логически рассматриваем. Если мы в нем распознаем и логически увидим реальную модель управляющего воздействия на него, то мы сможем попытаться перенести принципы работы этой модели на то, как управляется и наша личная, частная или общественная жизнь. Нам крайне интересно попытаться найти эту физическую модель. Но мы займемся этим не сразу, а только через одну главу. Потому что в следующей главе нам предварительно придется разобраться с еще одним достижением физики – с теорией относительности.

Дом, который построил Альберт

Дом, который построил Джек (Отрывок)

Вот дом,
который построил Джек,

А это пшеница, которая в темном чулане хранится
В доме,
который построил Джек.

А это веселая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
который построил Джек.

Вот кот, который пугает синицу,
Которая.....
.....
.....

Вот два петуха,

Которые будят того пастуха,
 Который бранится с коровницей строгою,
 Которая доит корову безрогую,
 Лягнувшую старого пса без хвоста,
 Который за шиворот треплет кота,
 Который пугает и ловит синицу,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.

(Самуил Яковлевич Маршак, любимый
 детский поэт автора. Из переводов народной
 английской поэзии.)

Как и полагается в подобных ситуациях, сейчас следовало бы дать краткое описание теории относительности, ее основных положений, значений главных терминов, а далее переходить к детализованному рассмотрению данной темы. Но всё это нам не понадобится. Нам это не нужно. Мы ограничимся лишь тем, что договоримся применять термин «теория относительности» (ТО) в отношении обеих ее частей, специальной (СТО) и общей (ОТО). Этого будет вполне достаточно для предварительного знакомства. Почему – в дальнейшем станет понятно. А пока можно пояснить, что ТО нас интересует очень специфически, просто как некая полезная тема в нашем разговоре.

А тему теории относительности, следует начать с необходимого вопроса – «как мы об этом будем говорить?». Этот вопрос не просто необходим, он насущно важен, если мы хотим успешно выпутаться из той ситуации, в которую сейчас попали по собственной же вине. А попали мы в очень нехорошую ситуацию, потому что споры вокруг истинности или ложности ТО давно уже перестали носить характер научных. Это - политические споры, в которых основным побуждением к отрицанию или обожествлению теории являются не ее научные достоинства, а симпатии или антипатии к ее создателю и ко всему тому, что окружало теорию, как в момент ее появления, так и после этого. Теория относительности волнует не умы, а души. И это следует со всей определенностью отметить, и помнить, что если *вот так* говорить о ТО, то можно проследить начало всех этих прений, но никогда нельзя предположить, что им наступит конец. Потому что теорию относительности нельзя ни доказать, ни опровергнуть вообще и в принципе, а не то, чтобы в подобных спорах.

Тем более что, например, автору этих строк пришлось многое повидать в своей жизни, но многое из того, что он видел, он бы променял на одну лишь возможность хоть раз посмотреть на то, как кто-то кого-то переспорил. Любой спор, по сути, это та же самая война. А любая война – это тот же самый спор, принявший крайние формы. Аргументы, применяемые в войне, экстремальны. Но и не экстремальные аргументы, применяемые в споре, преследуют ту же самую военную цель – победить безоговорочно. И это с обеих сторон. И как в войне не выбирают средств, чтобы выжить, так и в любых спорах не заботятся о чистоте аргументации, чтобы не проиграть. Больше в споре ничего конструктивного не происходит. Поэтому мы уклонимся от дискуссии.

Кроме того, уже само наличие спора говорит о неуверенности спорщиков и об их недостаточной убежденности в том, что они проталкивают. Когда вы для себя твердо убеждены в чем-то, то у вас пропадает внутреннее стремление доказывать это кому-то еще. Появляется удивительное желание оставить оппонента при своем мнении в обмен на то, чтобы он оставил в покое тебя. Именно поэтому единственный способ оставить за собой последнее слово в дискуссиях придуман Уинстоном Черчиллем, который как раз и отличался очень твердой убежденностью в своем мнении. Удивительный сэръ Уинстон вывел следующий рецепт оставлять последнее слово в споре за собой. Для этого надо всего лишь сказать следующее: «Пожалуй, Вы правы. Я подумаю над этим». И успех вам гарантирован. Далее противник, если и будет что-то говорить, то только в канве вашего последнего тезиса. Поэтому и мы не будем говорить о ТО в порядке дискуссии.

А если не пользоваться рецептом Уинстона Черчилля, то принципиальная основа любого спора делает любой же спор пустой затратой времени. Потому что принципиальная основа любого спора – это неочевидность тех истин, которые отстаиваются состязаемыми сторонами. Очевидная истина не требует спора. Поэтому первое, что можно уже сказать, даже не прикасаясь к самой теории относительности – она не очевидна, поскольку вокруг нее бурлят вот такие страсти.

Ну, а страсти больше бурлят всегда вокруг имени того человека, с которым связывается вс, что связывается с ТО. Это Альберт Эйнштейн. И разделить спорщиков между собой можно совершенно очевиднейшим способом – кому нравится Эйнштейн, тот за ТО, кому не нравится Эйнштейн, тот против ТО, а кто никак не относится к Эйнштейну, тот просто испытывает опасение за свою жизнь при виде сцепившихся друг с другом представителей первых двух категорий. Преодолеем эти опасения, наберемся храбрости, приблизимся и немного вникнем не в суть их споров, а в суть того, о чем эти добрые люди препираются.

Какое-то время назад, и сам Эйнштейн, и его теория, были канонизированы. Сейчас, на Западе, почему-то, за Эйнштейна основательно взялись, (особенно во Франции), и появляются одна за другой публикации о его разных грехах, где ему предъявляются обвинения в плагиате, приводятся факты интриг против оппонентов, данные о каких-то финансовых ненаучных кругах и прочие подробности, совершенно не нужные для оценки ТО. Они не нужны потому, что «тайны», которые сейчас вскрываются литературными расследованиями, достаточно очевидны и без тонкостей анализа переписки Эйнштейна, или перечисления исторических фактов различного давления на его противников. То, что там все было не чисто, видно и без услуг подобных изданий. Не нужно вообще никаких новых материалов, достаточно только вспомнить историю с той самой знаменитой школьной тетрадью, на которой великий физик, (здесь сразу хочется отметить, что «великий физик» произносится автором не иронично, а по факту этого факта), сел и написал СТО, ничего не зная о том, что вокруг него происходило в науке. Об этой тетради было столько разговоров, что она со временем стала вообще неким универсальным символом чистой гениальности и божественного прозрения. Без этой тетради уже совершенно невозможно было себе представить - как же вообще появлялись гениальные научные идеи в те времена, когда еще не было данной учебной принадлежности? Супруга Эйнштейна, уже в США, увидев в научном центре погрузку громоздкого исследовательского оборудования, с иронией выразилась в том смысле, что в отличие от всей этой дорогостоящей аппаратуры, ее мужу для познания тайн мира нужна всего лишь одна школьная тетрадь и ручка.

И вот, во время второй мировой войны, к Эйнштейну приходят какие-то политические активисты какого-то молодежного политического движения, мероприятиям которых он горячо сочувствует. Эти люди оказались в трудном финансовом положении и просят дать им знаменитую тетрадь. Они хотят продать ее на аукционе и пустить полученные средства на свои благородные цели. И что же Эйнштейн? Он готов отдать им эту тетрадь тут же. Он не против. Но – он ее потерял... Читая эту историю, невозможно удержаться от слез. Впрочем, тетрадь все же была продана с молотка. Эйнштейн на точно такой же тетрадке восстановил все свои записи по памяти (для этих молодых людей, только для них!). Благо ничего не забылось, ведь времени от той поры, когда он работал над ТО, прошло немного, просто совсем чуть-чуть – всего сорок лет..

Зная только об одном этом факте, уже достаточно не знать всего остального, чтобы знать всё остальное. Однако данное обстоятельство говорит только в пользу специальной теории относительности! Потому что сам факт заимствования Эйнштейном идей у других великих, только усиливает, а не ослабляет аргументации в пользу СТО. Если это не выдумка бернского служащего патентного бюро, а итог деятельности таких мамонтов науки, как Лоренц и Пуанкаре, то, относиться к поступку Эйнштейна можно по-разному, но к основам теории следует относиться очень уважительно.

Зная историю переписки Эйнштейна с Гильбертом, (открытую недавно), в процессе которой Эйнштейн получил от Гильберта основное уравнение общей теории относительности, а затем на Гильберта нигде даже не сослался, следует все так же признать потенциал серьезных достоинств и за ОТО, поскольку это был совместный труд Эйнштейна и Гильберта, двух совсем не глупых людей.

Научное сообщество, в обстановке шума, поднятого прессой вокруг «нового пророка», выразило свое отношение к Эйнштейну достаточно определенно в 1921 году. Когда уже нельзя было не дать всемирно знаменитому физикау Нобелевскую премию, ему ее дали, но... за рядовую работу шестнадцатилетней давности по объяснению фотоэффекта, законы которого вывел Столетов, а экспериментально подтвердил Комптон, чьи результаты, строго говоря, и стали неопровержимым доказательством фотонной природы света. Всё это известно и понятно. Однако это не значит, что Эйнштейн – дурак. И это не значит даже, что Эйнштейн – не великий физик. И совсем не значит это, что Эйнштейн сам по себе не просто уникален в науке, но и в определенных аспектах гениален.

А гениальность Эйнштейна проявилась в том, что он попросту превзошел ту схему научной работы, которая впоследствии возобладали и существует ныне в науке: сейчас без руководителя, анализирующего частные достижения трудового коллектива и объединяющего их в систему, уже никакая наука не возможна. Он первым нащупал этот метод, и на него работали, не подозревая того сами, и Фицджеральд, и Майкельсон, и Лоренц, и Лармор, и Пуанкаре, и Гильберт. Буквально следом в науку пришел «известный футболист Бор», (в Дании писали в газетах, что «известному датскому футболисту Нильсу Бору присуждена Нобелевская премия» - Бор был членом сборной Дании по футболу!), работать на которого был рад любой физик Европы. Все они мечтали попасть в Копенгаген «к Бору» и работать рядом с ним. В итоге Копенгаген стал мировым центром физики, где пришлые экспериментаторы работали иступленно и в запой, а Бор занимался диалектическим осмыслением итогов их труда. Сам Бор в одиночку не справился бы. Однако, как мы знаем, лавры доставались именно Бору. Эйнштейн в маленьком Берне просто негромко предварил то, что затем было громко осуществлено в Копенгагене.

При этом надо быть честными и сказать – для того, чтобы увидеть перспективы новой теории и завершить логически все существующие на тот момент разработки под эти перспективы, нужен совсем не чиновничий или плагиаторский талант. Конечно, закалка работы в патентном бюро дала себя знать, но, все-таки, проблемы ТО - это совсем не тот уровень, где можно механически объединять полученные результаты или просто использовать чужие плохо лежащие идеи. Потому что не было ничего готового, надо было все это понять, систематизировать, обобщить и сделать выводы, позволяющие оформить все это в некую выстроенную систему. И неважно, на сколько дней опередил Эйнштейн Пуанкаре с публикацией, важно, что присутствие в этой истории Эйнштейна говорит о присутствии великого ума не потому, что именно у Эйнштейна был великий, как ни у кого другого, ум, а потому, что с другим умом на этом месте просто нечего делать. Другой ум даже не понял бы, что здесь именно то самое «свято место», которое пока еще пусто. Нужно было очень нетривиально мыслить, чтобы слепить из разрозненных релятивистских разработок системную теорию.

50 лет после этого Эйнштейн занимался теорией единого поля, мечтой всех физиков, и нет никакого сомнения, что, будь параллельно с этим у кого-либо по данному вопросу что-либо интересное, то все бы повторилось. Как повторилось с индийцем Бозе, который прислал Эйнштейну свои расчеты по квантовой статистике, и появилась статистика Бозе-Эйнштейна. Но на стезе единого поля в то время в научном мире не было, (да и сейчас нет), ничего значительного, и за все пятьдесят лет Эйнштейн не создал ничего такого, о чем бы где-то стоило даже упоминать. Об этом и не упоминают. Если бы Эйнштейн не стал великим физиком, то он стал бы гениальным разведчиком, политиком, полководцем и т.д., поскольку у него был этот дар к анализу и сопоставлению собранных

материалов для перехода к законченным выводам. Это тоже гениальность – видеть в системе то, что остальными видится только набором самоочинных частей.

Поэтому совершенно необоснованно переносить этические претензии к личности Эйнштейна на возможные неувязки созданной им теории. Кроме того, история науки редко располагает данными, чтобы ученые вели себя по-другому. В основном, все именно так и происходит – вырывают буквально изо рта у другого кусок, а затем отказываются участвовать в спорах о приоритетах. Это повсеместно. Эйнштейн не сделал ничего такого, чего раньше не сделали бы другие. Таков научный мир, мир благородных и бескорыстных соискателей... чуть не сказал – «истины».

И, давайте, зададим самим себе вопрос – разве не поступил бы каждый из нас в подобной ситуации так же, как Эйнштейн, откройся перед ним подобные перспективы? И не поступил бы он точно также нечисто и во второй раз, чтобы новым успехом подтвердить сомнения в чистоте первого успеха? Коготок увяз – всей птичке пропасть. Давайте хотя бы в быту попробуем никогда подобного не делать, а у кого это получится, тот получит право на камень, которым он сможет кинуть в Эйнштейна, или в другого ученого с подобной историей. А пока не будем Эйнштейна упрекать. Тем более, что Эйнштейн – одна из самых симпатичных по человеческим меркам личность в истории науки.

Также совершенно не стоит упрекать Эйнштейна и в потакании разнузданному и неприличному возвеличению его личности в прессе и в общественном мнении. Потому что надо быть действительно великим, чтобы не поверить, что ты великий, когда тебе каждый день все вокруг говорят, что ты великий.

И главный вопрос итогом всего выше сказанного – какая нам разница вообще, каким был Эйнштейн? То, что он был *именно таким*, делает его ТО итогом творческих усилий целого коллектива исследователей, и мы, собираясь говорить именно о ТО, должны сделать совершенно определенный и простой вывод – в этой теории должно быть «все по-взрослому», если ее создавали такие люди.

Достаточно определившись с тем, как мы *не будем говорить* о теории относительности, нам теперь, все же, следует ответить вопрос – *как* мы будем об этом говорить? Здесь мы не можем сказать – какая разница, как мы будем говорить? Разница существенная – если мы будем говорить в стиле всех вот этих споров по положениям и выводам ТО, то лучше вообще ничего не говорить. Потому что это – игра на чужом поле и по чужим правилам. Это стандартный разговор «по понятиям», которые навязаны нам собеседниками. Традиционный пример подобных бесед – «разводки» криминальных групп, которые, исходя из своих понятий, говорят человеку – «теперь ты нам должен». В этом случае человек, вместо того, чтобы вообще прекратить подобные разговоры тем аргументом, что помимо ваших понятий есть законы государства, переводя, тем самым, споры в русло организаций, призванных «разводить» ситуацию по законам, пытается спорить и возражать в пределах предложенных ему понятий. И всегда проигрывает.

Мы не будем говорить по понятиям ТО, потому что это всё понятия математические и не имеющие отношения к действительно происходящему в реальном мире. Вся ТО в обеих своих составных частях построена на сложном математическом аппарате. Если мы будем говорить о сущности ТО без математики, то мы сразу же превратимся в слепоглухонемых и безруких людей, которые ни рассказать, ни увидеть, ни показать ничего не могут. А если мы будем говорить с математикой, то превратимся просто в слепоглухих безруких людей с математическим языком обсуждения того, чего мы в мире никогда не видели, не слышали и в руках не держали. И как же мы будем говорить об этом, если и так, и этак не имеет смысла? Мы будем говорить о логической основе ТО и о том, куда приводит эта логика при реализации своих выводов для процессов реального мира. Проще говоря, нам следует разобраться, зачем вообще СТО и ОТО нужны (по какой логической необходимости развития научных знаний), что они дают для человеческой практики и какие реальные процессы в реальном мире

предсказываются или объясняются с помощью ТО. С чего начнем? Естественно – с самого простого! С человеческой практики!

Тут вообще никаких споров не должно быть. Любая теория оценивается тем, как она вошла в практику. Иных критериев просто нет. Этот критерий – самый главный. Тем более для такой теории, которую называют «революцией в физике». Давайте же осмотримся вокруг, и посмотрим, как революционно изменила мир ТО Эйнштейна. Осмотрелись? Похоже, что, того, кто нашел хоть что-то, следует увенчать лаврами не меньшей значимости, чем те, которыми был увенчан сам Эйнштейн. Вот машины ездят, самолеты летают, ракеты уходят в космос. Эйнштейн? Нет – термодинамика. Кто-нибудь знает имена людей, совершивших данную революцию в физике? Свет горит, телевизор работает, радио играет, компьютер гудит, телефоны сотовые звонят. Ко всему этому ТО не имеет никакого отношения. Новые информационные технологии, перспективы квантовой передачи информации. Эйнштейн? Совсем наоборот – то, с чем Эйнштейн всю жизнь боролся, потому что кванты отменяют некоторые выводы ТО. Правда, основные надежды на прорыв в скорости передачи информации и объемов ее памяти связывают с эффектом Эйнштейна-Подольского-Розена. Так и говорят – на основе этого эффекта и т.д. Но здесь следует напомнить, что Эйнштейн, всю жизнь мечтавший отменить квантовую механику, вывел со своими друзьями, (Подольским и Розеном), данный эффект с единственной целью – доказать, что квантовая механика это глупость, потому что из нее следует вот такой эффект, а такого эффекта никогда не может быть, потому что не может быть никогда. Мол, думаете хоть головой, куда ведут ваши кванты? Оказалось – думали.

Где бы еще поискать? Ну, конечно же, единственно там, о чем во всех энциклопедиях говорится! Тем более, что даже в энциклопедиях больше ни о чем никогда не говорится! В ускорителях частиц! Там, оказывается, подтверждается вывод Эйнштейна о том, что масса и энергия – это одно и то же. Там, правда, не видно, как и через какие силы масса возрастает именно в этом опыте, но расчетные величины соответствуют! Разве не революция? Совсем не революция, потому что подтверждаются лишь численные значения полученных параметров, а сами ускорители работают совсем на другом разделе физики, ничего общего не имеющем с ТО. Эти значения просто сходятся в цифрах с теми, что предлагает ТО для объяснения подобных эффектов. Так ведь сходятся! А как им не сходиться, если эти ускорители частиц работают на преобразованиях Лоренца, которые взяты Эйнштейном в качестве математической основы в теорию относительности? Лоренц и там и тут заправляет своими группами и множителями. При одном и том же составе элементов и принципов, участвующих в расчете – как же могут получаться разные расчетные итоги? И вообще – если бы теории относительности совсем никогда не было в природе, ускорители все равно бы работали и делали свое дело, никак не почувствовав присутствия или отсутствия ТО.

Где еще у нас революция произошла? В ядерной физике? Так на то и наука есть – «ядерная физика», она про ТО ничего не знает и не обращается к ней за ненадобностью. В космосе? Там Ньютон, Кеплер и Доплер всем заправляют, ТО нигде не применяется. Все промышленное оборудование на статической электротехнике или на прикладной радиофизике работает, там ничего из ТО не используется. Волоконная оптика тоже вся сделана по классическим расчетам. И вообще все вышеперечисленные науки появились до рождения теории относительности. Допустимые орбиты электронов Бор исчислил соединением законов механики Ньютона и его собственного (боровского) правила квантования. Тоже обидел ТО, не обратившись к ней. Где же еще поискать? В военном деле! Тут, конечно, всё всегда впереди самого первого, и тут не могут не применять! Применяют? Один раз применили. Когда СОИ создавали (систему космических снайперов, расстреливающих вражеские ракеты далеко на подлете к защищаемым целям). Там от Ньютона отказались, и стали считать по ОТО. Промашка вышла – 17-20 метров отклонения от прицельной точки. Для лазера это как для нас 17-20 километров. Быстро опомнились и вернулись к Ньютону. Сразу стали попадать.

Корабли моря бороздят, навигационные системы работают, исследования новых видов энергии, электроника, нанотехнологии. Все без ТО обходятся. Куда ни глянь, куда ни загляни, в любом виде практической деятельности мы нигде никогда не увидим даже следов участия теории относительности.

В общем, хорошо, что нам сказали, что произошла революция. Иначе мы об этом никогда не узнали бы.

Революция, произведенная безвестным изобретателем унитаза, совершила несоизмеримо более существенные и положительные перемены в человеческой цивилизации, чем появление ТО. Интересно – унитаз кем-то запатентован? Под чьей фотографией следует писать «Отец современного быта»?

В чем причина? Может быть в том, что, как везде говорят, «создана новая физика»? Повсюду во всех научно-популярных энциклопедиях всегда есть фотография Эйнштейна и подпись под ней «Отец современной физики». Может быть, эта физика настолько новая, что просто практика до нее еще не доросла? Может быть, просто время еще не пришло? Ньютон, ведь, - он еще когда свои интегральные с дифференциальным исчисления создал! А постоянно применяться они - когда стали на практике? Далеко не сразу. Может быть, и здесь надо просто подождать? А пока, (до практики), у нас, зато есть уже новая физика! А новая физика - это новые законы, новый язык, новая терминология, и разве само по себе это не прекрасно? Ведь цель физики – это установление законов, сводящих отдельные природные явления к общим правилам. Когда эти общие правила обнаружены, то физика определяет причины, которые эти правила обеспечивают. В качестве таких причин чаще всего определяются различные силы. Итак – какие новые законы дала теория относительности? Какие новые явления природы объяснила эта физика? Какие новые силы она открыла и научила их применять? Какие перспективы ждут недоразвитую практику, когда она дорастет до этих новых законов и новых сил? Впрочем, мы пока еще так и не назвали этих революционных законов и сил. И не назовем. Их нет. Не будем называть того, чего нет. И не будем искать в теории относительности того, чего в ней нет. То есть, новой физики. Хотя, как говорят на форумах – кто отыщет, пришлите на имейл.

Ну, так и ладно, с этими законами! Может быть, эта теория просто предвестник знания каких-то будущих новых законов и будущих новых природных сил? Может быть, просто человек пока не дорос до того уровня, когда он сможет использовать новые понятия ТО в создании новых законов? Может быть, человек просто пока не может перейти от новых понятий, данных в ТО, к новым законам? Новые понятия должны выражаться новым языком. Посмотрим на эти новые понятия. Их много. Но они все математические! А, к сожалению, математика – не физика. Физика четко ограничивается в своих вариантах возможностями физического мира, когда природа говорит ей – «сюда нельзя, и сюда уже нельзя, и туда нельзя». Когда же появляется абстрактная, многовариантная и всемогущая математика, то своим собственным составом она себя уже ничем не ограничивает. Она – сама себе король, сама себе подданный и сама себе верховный жрец. У нее, поэтому, все понятия новые. Но они никогда не приведут к новым физическим законам. А из непосредственно физических понятий, которые мы видим в «новой физике» – всё тот же самый полный набор старых понятий и терминов классической физики! Как «новая физика» обошлась без новых физических понятий, сил и величин? Другие новые разделы знания этим никогда не грешили. Давая новое, они всегда давали и новые понятия, и новые величины. Как можно дать новое в старых терминах и в старых словах? Как это умудрилась сделать «новая физика» - теория относительности? Если у кого-либо есть этому объяснение, то даже на имейл не шлите. Такое объяснить нельзя даже математически. Если что-то и есть нового в ТО, так это идеи, выросшие на перипетиях взаимодействия элементов математической логики с ее же собственным математическим аппаратом.

И смысл этой логики состоит в том, что она полностью оторвана от опыта и *полностью привязана к мысленному моделированию*. В этой логике то, что появляется в

мыслях, почему-то считается достаточным для переключивания в природу. И вот, благодаря подобной логике, одно из первых заявлений подобной теории звучит так, что тела при околосветовой скорости должны сокращаться в своей длине. Может быть. Это никогда не может быть проверено по самим же основам ТО, поскольку согласно ей ничто не сможет лететь со скоростью света рядом с этими телами и видеть – сокращаются они или не сокращаются? И даже более того – не только нечто наблюдающее никогда не сможет лететь со скоростью близкой к световой, но и никакое другое тело, которое можно было бы наблюдать на предмет его сокращения, также согласно ТО никогда не сможет лететь с данной скоростью! Но будет сокращаться, если полетит (давайте, потихоньку привыкать к логике ТО)! Так откуда же это известно? Это все выводится математически, и под гипнозом математически обязательного вывода, никто ни разу не озаботился даже тем, чтобы хотя бы мысленно представить у себя в голове, как же это некоторое тело может не мысленно, а в реальном, опыте сократиться в длине, не увеличившись при этом в ширину? Даже и без околосветовой скорости можно сокращать по длине различные пластические тела. Они станут короче. Но объем их останется тем же самым. И этот объем должен распереть их в ширину. Что предлагает нам ТО, когда у нее тела только в продольном направлении сокращаются? Уменьшение объема тела? Тогда назовите это старым добрым *сжатием*, зачем же создавать репортаж о революционном взрыве там, где проходит всего лишь митинг в защиту бродячих котиков?

Или ТО предлагает нам сокращение длины тела без уменьшения его объема? Тогда давайте, все-таки, назовем это *деформацией*, во время которой тело будет просто пухнуть по бокам, сокращаясь в длине, что будет также совсем уже не революционно и также совсем не из «новой физики». Не решив вопроса с объемом, ТО здесь вообще ничего не только не решает, но даже и не предлагает, кроме околосветового цирка. Но, уж если это, цирковая, но, все же, физика, то надо объяснить, через какие силы, и через какие законы природы вообще предлагается говорить об этом предполагаемом сокращении тел по длине? Ответа нет. Это вообще очень в стиле ТО – природа такого не умеет, но она должна подчиниться математике. И нам здесь тоже сейчас быстренько ответили бы что-нибудь математическое, но мы в таком тоне разговаривать не будем. Физически это противоречит природе. Но причем здесь природа, если есть такой остроумный математический аппарат?! Конечно же – ни при чем.

Такой отрыв от физических законов навеивает на мысль о чисто математическом значении предлагаемого учения. С математической логикой все понятно. Здесь вообще чудес ожидать можно много, если ей доверчиво верить реалии мира. Но ведь должна же быть и вообще логика у этой теории? Какая-то логика должна, все же, приводить к необходимости математических расчетов и мысленных экспериментов подобного изощренного толка? Что это за логика? Какова логика ТО? Нет у нее никакой логики, кроме математической. То есть, своя какая-то логика есть, но к логике, как таковой, она не имеет никакого отношения. Это очень хорошо понимал Пуанкаре, называя принцип относительности «постулатом». Очевидно, и Эйнштейн это понимал. Просто невозможно представить себе, чтобы этот человек с его умом и глубоким знанием физики, этого не понимал. И, вероятнее всего, он был готов к дискуссиям. Но что-то такое злосчастное вокруг этой теории произошло, что-то такое совершенно безумное началось вокруг восторженного захлебывания в водовороте ее идей. И ведь сам Эйнштейн, хоть и оставался вне этого безумия, но он и не сделал того необходимого шага, который сделал Вильгельм Рентген, когда пресса попыталась объявить его богом (Рентген очень решительно и резко оборвал эти восхваления). Но вернемся к смыслу теории как постулата.

Что такое постулат? В постулате есть какое-то основное положение, которое порождает все остальные выводы, которые должны доказать... это основное положение. Это доказательство осуществляется вроде бы тоже логикой, но это *внутренняя* логика замкнутых самих на себя логических следствий, которые в круге взаимных переходов не

только сами себя доказывают, но и (главное) – проверяют. По внешнему виду этот логический порок не очень виден, если не понять основного ущерба любого постулата – он сам, как исходное положение, не имеет перед собой никакого строгого вывода. Он *не является* логическим итогом осмысления суммы физических обстоятельств. Он придуман и выдвинут насильно. Проще это понять на примере проповедей христианства с Библией в руках. Здесь истинность библейских текстов просто постулируется, а на вопрос – откуда вы знаете, что в Библии все написано правильно? – вам ответят: «Так в Библии написано». Это и называется кругом в доказательстве, аксиоматическим методом или постулированием теории.

Вот на таком порочном аксиоматическом круге и строится вся логика ТО. Давайте, в качестве примера, рассмотрим это на положении о том, что ни одно тело никогда не сможет достичь скорости света. Это положение основывается как раз на одном из постулатов теории, который гласит – скорость света постоянна. Посмотрим, как из этого оформляется логический круг. Итак: скорость у света постоянна (это постулат). Свет – это фотоны (это детализация понятий постулата, начинается зарождение круга). Следовательно, скорость частицы-фотона – постоянна, так как постоянна вся скорость света, состоящего непосредственно из фотонов. Если скорость фотона постоянна, то есть – всегда одна и та же и неизменная – то он не может разогнаться или замедляться. Фотон может всегда двигаться только с одной постоянной и неизменной скоростью. Следовательно, он или существует в состоянии вот этого движения вот с этой скоростью, когда свет есть, или вообще никак не существует, если света нет. Круг оформился, но не до конца. Дальше идет окончательное замыкание круга.

Тут вроде бы ничего особенного в этом выводе – раз нет света, то нет и фотонов. Это и без физики ясно. А с физикой здесь сразу же получается ерунда – если фотона нет в природе, когда нет света, то неужели он приходит в природу (когда свет появляется) *не из природы*? Где же он до этого был? Ведь он не может находиться, где-то затаившись, – для этого он должен принять какое-то другое состояние, которое характеризовалось бы другой скоростью (более низкой), а он этого не может, потому что скорость света постоянна (так начинают действовать ограничения этого круга). Получается, что его в природе нет, пока света нет, а как только свет появился, то тут же явился фотон со своей единственно возможной скоростью и в своей единственной форме возможного пребывания. То есть, свет приходит извне природы! Теория относительности понимает, что этого допущения ей никогда не простят, и предлагает весьма логический, и весьма остроумный ход – фотона нет в природе, когда нет света, но его нет *физически*. То есть, не в том смысле «нет физически», что он не существует, а в том смысле, что когда его нет, он где-то *не существует физически*. Но не в том смысле, что он физически не существует, а в том смысле, что он *физически как-то существует, когда его физически нет*. Лучше уж сказать вот эту муть, но не покуситься на материализм!

И как же это сказать физически? Не в том смысле, чтобы произнести языком физически, а в том смысле, чтобы сказать языком науки физики? Ну, это несложно. У физики для этого есть очень точные слова, а именно – масса покоя фотона равна нулю. Чувствуете все незаурядное остроумие хода? Если масса равна нулю, то массы нет, а раз нет массы, то ничего нет, потому что масса выражает собой количество вещества. Нет массы – нет вещества. Нет ничего. И фотона нет в состоянии покоя. Но он есть, потому что у него *ведь есть при этом масса, которой у него нет!* Вот она, эта блестящая логика ТО, которая сразу же вынуждена проявляться на первой же стадии существования круга, который теперь окончательно оформился этим физическим понятием – *фотона не бывает в состоянии покоя*, потому что скорость света (его собственная скорость) постоянна. Теперь посмотрим, как такими же логическими кругами в пределах этого же круга доказывается невозможность для любого другого тела двигаться со скоростью этого фотона (света).

Итак - ни одно тело не может достичь скорости света, потому что оно, достигнув скорости света, сможет лететь рядом с фотоном с одной скоростью. В этом случае фотон относительно данного тела окажется в состоянии покоя (по еще одному основному постулату самой теории относительности, по принципу инвариантности), в котором его просто не может быть. Получается, в таком случае, что по ТО фотон исчезнет из природы по необъяснимым обстоятельствам, оказавшись в состоянии покоя, но при этом он никуда не исчезнет, потому что объективно он в природе существует рядом с этим безумным телом, которое его догнало и летит рядом. Эта смешная ситуация, естественно, делает смешной и всю теорию относительности. Чтобы этого не происходило, предлагается очень простая гипотеза – ТО это совсем не должно быть смешно, и, следовательно, фотон никогда не сможет находиться *относительно чего бы то ни было* в состоянии покоя, чтобы ТО не была смешной. А если тело, все-таки, догонит его и полетит рядом? Фотону, ведь, не запретишь снова оказаться в состоянии покоя. Опять будет смешно? Значит – надо это запретить не фотону, а телу. То есть, никогда оно (это тело) не догонит фотон, потому что ТО не должна быть смешной!

Ну, и как же телу объяснить, что оно *не должно* догнать фотон, чтобы не нарушать теорию относительности? Это ему должна объяснить природа, которая должна встать на защиту ТО и сделать так, чтобы условие теперь звучало по-другому – вместо «не должно», следует говорить «не сможет». Не должно – потому что не сможет! Так ТО отпускает природе приказы. Чего не сможет другое тело? Лететь со скоростью света, потому что это скорость фотона. А почему оно не сможет лететь со скоростью света? Потому что в таком случае оно полетит рядом с фотоном, и фотон окажется относительно этого тела в состоянии покоя, то есть исчезнет по необъяснимым обстоятельствам из природы согласно теории относительности, но мы же знаем – что он из природы никуда не девается! Значит никто его и не догонит никогда, иначе пропадет такая красивая теория. Так завершается первый круг.

Начинается следующий. Почему физически тело не сможет развить световую скорость? Что в природе помешает ему разогнаться до такой скорости и догнать фотон? Что физически (не технически!) может стать навсегда помехой для опровержения ТО, то есть для увеличения телом своей скорости до световой? Ответ ясен, это - масса тела. Только она. То есть, тяжесть тела не даст ему разогнаться до скорости фотона. Но технически невозможно утверждать, что не будет создан такой ускоритель, который не разогнал бы какое-либо тело до скорости света. Поэтому в данном случае нужна не просто масса, а такая масса, которая будет *невероятно тяжелой* для любого механизма, устройства, или другого силового агрегата, который соберется разогнать какое-то тело до скорости света. Какая же это должна быть масса? Ну, конечно же – бесконечная! Тут никому и мудрить не надо! Именно бесконечная масса сделает *невозможным* для этого тела ускориться *хотя бы на один миллиметр!* Потому что бесконечная масса - это такая масса, которая больше всей массы всей Вселенной! Теперь можно спать спокойно, потому что ТО в безопасности.

Но где же взять такую массу для тела? Как спасти теорию? Вот оно, это тело, собралось догнать фотон, и догонит же, в конце концов! Но этого нельзя допустить, и поэтому надо срочно этому телу объяснить, что, чем быстрее оно будет двигаться, тем оно будет становиться все тяжелее и тяжелее, и так до состояния бесконечной массы в какой-то момент приближения к околосветовой скорости. А то – догонит! Если вы не допустите, что масса тела при его ускорении, станет рано или поздно бесконечной, то вы оставляете телу шансы разогнаться дальше и дальше, в процессе чего оно, достигнув скорости света, будет лететь рядом с фотоном с одной скоростью. В этом случае фотон окажется в состоянии покоя относительно догнавшего его тела, то есть, исчезнет из природы по ТО, а ведь в природе он объективно существует. Следовательно, фотон не может находиться относительно чего бы то ни было в состоянии покоя, чтобы не пропала ТО! Это может обеспечиваться физически (не технически!) единственно только тем, что его не сможет

догнать ни одно тело. Поэтому ни одно тело никогда и не сможет достичь скорости света и лететь рядом с фотоном, потому что куда тогда девать положение ТО о том, что фотона не бывает в состоянии покоя, так как его скорость (скорость света) постоянна? Так завершается круг второй, возвращаясь к своему же началу – к постулату о постоянстве скорости света.

Начинается третий. Если с приближением к скорости света масса тела становится бесконечной, то, следовательно, масса зависит от скорости, потому что других физических соседей для обеспечения роста этой массы в этих условиях просто нет. И это обязательно надо признать, потому что если с ростом скорости тела не будет расти и его масса, то оно рано или поздно догонит фотон. В этом случае фотон окажется в состоянии покоя относительно догнавшего его тела, то есть исчезнет из природы по условиям ТО, а ведь в природе он объективно существует. Следовательно И т.д. Поэтому ни одно тело никогда и не сможет достичь скорости света и лететь рядом с фотоном, потому что, куда тогда девать положение ТО о том, что фотона не бывает в состоянии покоя, ибо его скорость (скорость света) постоянна? Так завершается круг третий.

Пошел четвертый. Итак, с возрастанием скорости тела растет его масса. Масса – это мера количества вещества. Больше массы – больше вещества. Следовательно - растет количество вещества в этом теле, когда растет его масса? За счет чего? Молекулы прилипают по дороге? Тогда – откуда эти молекулы? Закон сохранения массы строго требует, чтобы массы в природе было одно и то же постоянное количество. Следовательно, те частички материи, которые увеличивают его массу, приходят опять *не из природы*? Конец материализму? Чтобы не было конца материализму, предполагается, что количество вещества в теле должно оставаться тем же самым, а масса все равно будет расти! Теперь все будет по-новому! Не больше массы – больше вещества, как раньше в физике, а вот так: больше массы – столько же вещества! Видите, как просто развивается логика этой «физической» теории?

За счет чего же тогда растет масса тела, если не за счет прироста в нем материи? Если масса тела растет, но материи в его составе больше не становится, то, как же это может быть? А вот так - чего становится больше у этого тела, когда оно разгоняется? Так, правильно же! У тела становится больше энергии. Следовательно, энергия – это то же самое, что и масса! Теперь будет так: больше массы – больше энергии? Да, так, но, давайте перевернем это так, как удобно для ТО, а не для логики. И вот тогда мы получим: больше энергии – больше массы. Это ТО устраивает полностью, потому что других физических источников для роста массы ускоряющегося тела просто никак не удастся отыскать! И это следует обязательно признать, потому что если не признать, что масса тела подпитывается энергией, то с ростом скорости не откуда будет взяться росту массы тела и оно всех оскандалит, догнав фотон. В этом случае фотон окажется в состоянии покоя относительно догнавшего его тела, то есть исчезнет из природы по условиям ТО, а ведь в природе он объективно существует. Следовательно..... и т.д. Поэтому ни одно тело никогда и не сможет достичь скорости света и лететь рядом с фотоном, потому что, куда тогда девать положение ТО о том, что фотона не бывает в состоянии покоя, ибо его скорость (скорость света) постоянна? Это был круг четвертый. Не последний.

Если в теле растет энергия, увеличивая его массу, то закон сохранения энергии требует, чтобы энергии в это время стало где-то меньше. Иначе опять энергия приходит не из природы! Опять материализм в опасности! Что-то должно отдавать энергию, чтобы энергии в ускоряющемся теле становилось больше. Что же отдает энергию? Это делает какой-то источник энергии (двигатель). И, в таком случае, если двигатель отдает энергию, он должен вместе с этим терять и массу, потому что энергия и масса это же одно и то же! Следовательно, если тело получает энергию, то оно становится тяжелее, а если отдает, то легче. То есть, чем больше тело, например, нагревается, тем оно становится тяжелее, и наоборот. Это надо обязательно признать, так как, если не признать прямого родства энергии и массы в обе стороны (получение и потеря энергии), то, или нарушается закон

сохранения энергии, или тело может неограниченно получать энергию для ускорения, что приведет к тому, что...и т.д. и т.п. Поэтому ни одно тело никогда и не сможет достичь скорости света и лететь рядом с фотоном, потому что, куда тогда девать положение ТО о том, что фотона не бывает в состоянии покоя, ибо его скорость (скорость света) постоянна? Это завершился круг пятый.

Если эквивалентность энергии и массы работает в обе стороны, то в обе стороны работает и соответствие массы и скорости. В таком случае, если тело ускоряется, то оно становится тяжелее, а если замедляется, то легче. Если этого не признать для обоих случаев, то при ускорении одного тела только у него только у одного в природе произойдет изменение показателя массы, что нарушает закон сохранения массы, и поэтому где-то в мире должно быть какое-то другое тело, у которого сейчас станет массы ровно настолько же меньше, насколько ее становится больше у разгоняющегося тела! Это надо обязательно признать, потому что, если при увеличении скорости не увеличивается масса, то...и т.д. и т.п.... Поэтому ни одно тело никогда и не сможет достичь скорости света и лететь рядом с фотоном, потому что куда тогда девать положение ТО о том, что фотона не бывает в состоянии покоя, ибо его скорость (скорость света) постоянна? Это круг шестой.

И т.д.

Вот по таким кругам ада для логики развивается и развивается мысль создателей теории относительности, лихорадочно обосновываясь попутно математическим чародейством. Причем забавно здесь даже не то, что подобный круг в доказательстве если замечен среди двух спорщиков, то сразу же отбрасывается в качестве доказательного аргумента. По настоящему забавно то, что если уж обвинять Эйнштейна в каком-то заимствовании у предшественников, то предшественники наворовали не у кого-то, а именно у Ньютона, классическую физику которого, как вокруг постоянно заявляют, ТО отменила! Мы видим, как математически предполагаемый постулат постоянства скорости света сразу и моментально создал сам себе различные трудности для жизни в действительном мире, и как эти сложности, последовательно громоздящиеся друг на друга, решаются с помощью... классической физики! Объявляя свою физику «новой физикой», сделавшей Ньютона ненужным, здесь при первых же спотыканиях обращаются за подсказками к Ньютону, к его законам, понятиям и основам его картины мира! С помощью инструментов классической физики, таких как масса, масса покоя, бесконечная масса, законы сохранения, скорость, ускорение, энергия, состояние покоя и т.д. и их законодательно определенных последствий физического взаимодействия, развивают релятивистские идеи, не применяя ничего, что не относилось бы к содержанию классической физики!

И в итоге классической физикой доказываются положения релятивистской «новой физики»! Сидя верхом на Ньютоне, беря пищу из его рук, переступая везде ногами Ньютона, думая его умом и разговаривая его языком, этого же самого Ньютона при этом же и сделать своим пьедесталом! Более чем забавно! Хотя, по сути, это уже как раз и не забавно. Тут даже слов не подберешь нормальных, чтобы охарактеризовать такие пути к научной славе.

Но вернемся к последнему выводу – если одно тело ускоряется, то соответственно приросту массы, которое у него при этом происходит, где-то в другом месте в просторах природы замедляется настолько же другое тело. Это можно проверить? Конечно же, это проверить нельзя – попробуй, облазь все закоулки Вселенной и докажи, что ты нашел именно то тело, которое замедлилось, или, наоборот, не нашел никакого подобного тела! Выведенное своим собственным кругом доказательств это положение очень ладно подогнано под внутренние рассуждения этого круга. Но беда постулированных идей в том, что они рассыпаются при размыкании этого круга и при включении его во внешнюю ему среду. Посмотрим, например, что будет, если мы вытащим из этого круга предлагаемые ТО прямые зависимости между ускорением или замедлением тела и

соответственным ростом или уменьшением массы. Вселенная расширяется. Причем с *ускорением* своих объектов, да еще таких, как Галактики! На известном краю этого процесса скорость этих *мегаобъектов* уже *практически околосветовая*. По законам ТО у всех этих объектов должна расти масса. Понятно, что масса растёт очень незначительно даже для такого тела, как Луна, а не то, что для ракеты или чего другого. Обратной скорости света в квадрате по ТО она растёт, и поэтому на простых медленных объектах мы этого не можем проверить своими приборами. Но, все-таки, во всей Вселенной у всех Галактик по теории относительности должна расти масса, раз они ускоряются. Все остальные более мелкие тела увлекаются притяжением галактик и тоже находятся под действием постоянного ускорения. То есть, вся Вселенная ежесекундно увеличивает свою массу, если поверить ТО. Теперь, согласно законам той же ТО, пусть ее сторонники нам предложат объект в составе Вселенной и равный Вселенной, который компенсировал бы своим замедлением весь вселенский прирост массы. Оговорки, что всю Вселенную не обьещешь, не подходят – вся Вселенная именно увеличивает массу согласно положениям теории относительности. Дайте нам нечто равное этому процессу, то есть *вселенское*, что уменьшает массу всей Вселенной в составе всей Вселенной в полном соответствии с ростом массы всей Вселенной в составе всей Вселенной. Не стоит ни на секунду сомневаться, что сторонники ТО дадут нам «нечто равное этому процессу». Не стоит сомневаться и в том, что это не займет у них слишком много времени для масштабов одной жизни. И никогда не стоит сомневаться в том, что дадут они математические схемы, рождающие новые вселенские сущности, о которых мы до сих пор и не подозревали. Причем мы здесь не пытались даже порвать доказательный круг. Просто, рожденное в этих кругах, мы распространили на весь мир. Ведь они сами утверждают, что их теория «универсальна», то есть не относится только к сферически распространяющемуся в вакууме световому потоку фотонов.

Причем эти фотоны как рой пчел летят в одном скоростном режиме и находятся друг относительно друга ... в состоянии покоя! Как же это объясняет ТО? Как всегда и здесь нет проблем – раз так, то фотон не обычная частица, а какая-то особенная. Почему? Потому что иначе нарушается принцип относительности! Фотон не может находиться в состоянии покоя даже к другому фотону и даже тогда, когда он в этом состоянии покоя находится. Значит, он не такой как все. *Значит на него не распространяется принцип относительности, который из него же и вытекает!* А не распространяется на него этот принцип почему? Сколько ни думай, а ответ у релятивистов один – потому что фотон не частица. Больше ничем этот логический затык не объясняется. Значит, когда фотон, как самая обычная частица, осуществляет давление на светопоглощающую поверхность, то он обычная частица. Когда он вышибает электрон со своего места соударением – он обычная частица. А когда он нарушает принцип относительности – то он не обычная частица. Тьфу – играю, тьфу – не играю.

Вообще никакие противоречия ТО никогда ее саму не смущают. Это ее главный козырь. По своему смыслу появления эта теория была призвана объяснить некоторые несуразицы, образовавшиеся в опытах Майкельсона при измерениях света. Эти несуразицы всего-навсего по большому счету нарушали классический закон сложения скоростей и не больше. В итоге затруднений, которые возникли у физиков при согласовании этих несуразиц с классическими способами объяснения, появилась невероятно сложная и практически фантастическая картина мира в виде теории относительности. Если мир Ньютона виден глазом и подвержен экспериментам, то *этот же самый мир (это надо особенно отметить!)* ТО превратила в нечто совершенно абстрактно-математическое и совершенно неразличимое не только глазом, но даже и прибором, потому что этот мир в ТО четырехмерен, а наши все приборы могут распознавать только мир трехмерный, каковым он и является нам в нашем опыте. Опираясь на несуразицы, исходя из несуразиц, многократно пропуская по замкнутым логическим кругам последствия этих несуразиц, облакая эти несуразицы в

математический вид, расчлняя их физическую сущность в математических преобразованиях - что можно получить на выходе, как не опять же несуразицу? Несуразица и получилась.

Причем несуразица заключалась уже в самом смысле опыта Майкельсона. Кто-нибудь, наконец-то, скажет, какой физикой проводился этот опыт? Если брать скорость Земли, то здесь действуют законы классической механики, а если брать скорость света, то она никак не может вписываться в систему расчетов классической механики. Здесь нужна совсем другая физика. Как соединилось это несоединимое в единой измерительной процедуре?

И как можно вообще брать для разворачивания научных теорий методологию опыта, состоящего *из двух разных физик*, несмешиваемых как вода и масло? И, что самое веселое, – эти две несоединимые физики были в этом опыте применены к физическому явлению, не принадлежащему ни к одной из них! Неужели не ясно было, что свет – это особое вещество, которое не должно рассматриваться ни классикой, ни релятивизмом? В 1900 году Петр Лебедев открыл давление света, что, несомненно, говорило о том, что свет вещественен и обладает массой. Свет вещественен? Да! Ну, так давайте сделаем из этого «вещества» какую-нибудь вещь! Он и вещественен и не вещественен одновременно, он и волна, и он же частица, но при этом он не волна и не частица, а его скорость совсем из другой системы скоростей, не подвластных другим материальным объектам; он существует и проявляется совсем особым, совершенно отдельным от всей известной физики способом. Как же можно обычной, классической, совершенно другой ему физикой, объяснять его необычные для этой физики свойства, а затем, на основе естественного несовпадения этих возможностей, создавать «новую физику»?

Как можно вообще рассуждать о «свете вообще», если, что такое «свет вообще», человек не знает и никогда не узнает? *Света не видел никто и никогда*. Мы видим только произведенное им действие, явленное нам в своем отражении от чего-то, то есть мы наблюдаем свет *всегда только во взаимодействии с материальным объектом*. Любой свет, который мы просто видим, или непросто наблюдаем хитрым научным способом, это всегда всего лишь *момент взаимодействия* света с материей, некий конкретный свет в данных особых обстоятельствах, а не свет как таковой. А если мы наблюдаем свет научно, то это *всегда свет на входе в какой-то прибор или на его выходе*, то есть он неотделим при его измерении в своих характеристиках от характеристик прибора, его наблюдающего. Свет сам по себе неуловим в своем истинном существовании вне своего столкновения с материей.

Поэтому и не получалось. Поэтому Пуанкаре и произвел математическую атаку, после которой пошли совершенно не физические по своим основам физические предположения. Отсюда и вся эта родословная, которая порождает только то, что не имеет ничего общего с физическим миром.

Особенно это видно на выведенном расчете замедления времени. Уже одно это должно было остановить и заставить задуматься. Возможно, это был тот самый момент, когда все уже стало необратимым, если уже и время начало замедляться. Здесь лично для автора наиболее пугающим обстоятельством является то, что его хотят убедить в том, что время производится часами. Если в такое поверить, то это станет именно той точкой невозвращения, после которой легко принимается абсолютно всё, а в том числе и теория относительности. А, ведь, поверить предлагают именно в это! Нам в ТО предлагается некое *тождество понятия Времени ходу приборов для измерения времени*. При этом, никто не вспоминает, что всеми этими приборами (часами) время всегда видится *циклическим процессом*. Время видится ими как непрерывная линия прерывных циклов. И это видение времени различными устройствами нам предлагается распространить на характеристики времени как такового. Это гносеологическая ошибка (неправильные основы и ходы сознания), которая проистекает из-за того, что все знания стали цеховыми,

когда физические измерения стали диктовать модус создания понятий о мире, и это стало совершенно диким с подключением к этому еще и математики.

Если приборы (часы) видят время циклически (тик-так), и мне предлагается таким же образом видеть само время, то кто объяснит тогда, что находится между этими циклами? Между этими циклами, получается, времени нет? Давайте, тогда уже идти до конца и говорить, что время существует именно вот так, как способны его отображать приборы, соглашаясь с тем, что его между циклами регистрации нет! То есть, прошла секунда, а между нею и следующей секундой никакого времени нет. Или давайте признаем, как есть – циклы существуют условным образом относительно времени, они придуманы, то есть, существуют *условно*, как способ передачи сигнала об истечении определенного эталонного интервала некоего непрерывного процесса. То есть, нет никаких секунд в самом времени, а есть некое неразличимое в частях протяжение чего-то целого, не дробящегося в своем внутреннем существовании. А если циклы существуют условно, то непрерывность времени *безусловна* и не имеет никаких даже условных отметин на своем пути. Ну, и как же может замедляться или ускоряться нечто непрерывное и неразличимое в своих фазах или этапах? Как может замедляться нечто, не имеющее ни начала, ни конца, ни середины, не трети, ни десятой, ни сотой части, поскольку оно есть *только одно непрерывное целое, не различимое ни в каких своих частях*? Часы пусть себе замедляются. Часы это материальный объект, испытывающий различные воздействия при околосветовых скоростях или на космических орбитах. Почему бы и не поверить в то, что они могут на перегрузках или в других физических обстоятельствах замедляться? Да, бог с ними, с часами. Само время тут при чем?

Время путают с лесенкой, по которой поднимаются ступеньками определенной высоты, а когда ступеньки становятся ниже, то делают вывод, что и сама длина лестницы теперь уменьшается соответственно. Или наоборот – если ступени стали выше, то и длина пути стала больше. Но ступеньки – это то, что придумано, а лесенка одной и той же длины. Потому что Время само в себе неразлично непрерывно. А как ни измеряй прерывными величинами непрерывное, оно, это непрерывное, от изменения эталонов прерывных величин не меняется и остается относительно них абсолютной, то есть, не зависящей от этих условных разметок. Любое измерение времени – это и есть некая система внешних условных разметок безусловно непрерывного в себе. Собственно говоря, измеряя Время прибором, не мы измеряем Время, а Время измеряет этот прибор, потому что именно из ощущений времени мы берем характеристики для тех циклов, которые отбивает прибор. Поэтому, говоря о поведении часов, мы говорим только о поведении часов. Но о самом Времени мы при этом вообще ничего не говорим. Когда-то надо это уже понять. А если бы ваши математические расчеты показали, что часы вообще при скорости света останавливаются? Страшно даже подумать...

Этот вывод теории точно также невозможно никак проверить экспериментально, потому что с околосветовой или световой скоростью ничего не летает и никогда не полетит, так как физически совершенно определенно ясно, что ускоритель подобной мощности, способный разгонять что-либо до околосветовой скорости, невозможно даже всерьез представлять. Правда, на очень быстрых самолетах проверяли. Был такой эксперимент. Замедляется ход часов! Так вопросы – к часовому мастеру, а не ко времени. Время, как таковое – здесь-то причем? И самое примечательное в этих опытах – замедляются всякие атомные или электронные часы, а обычные часы с гирьками, которые взаимодействуют с ньютоновской гравитацией, идут себе, как и шли. Но их в расчет не берут – слишком грубый прибор для таких скоростей, чтобы реагировать. Так, все-таки, в приборах дело?

А еще замечательнее в этих опытах то, что пилоты этих самолетов через пять лет признаются, что найденное расхождение в 123 наносекунды выведено часами, погрешность которых составляла 300 наносекунд!!! То есть эти часы нашли погрешность в измеряемой системе, *более, чем вдвое превышающую их способность самим быть*

непогрешимыми! И каким-то образом удалось же разделить эту собственную погрешность с погрешностью измеряемого!!!

И совсем весело узнать из рассказов пилотов, что по команде с земли часы синхронизировались несколько раз прямо посреди эксперимента, чтобы начать все с начала, поскольку на каком-то моменте все шло совсем не туда, куда должно было пойти по условиям теории относительности. Чистая политика, весьма далекая от науки, которая (наука) к тому же упрямо твердит, что даже эти 123 наносекунды следовало бы признать достаточными к рассмотрению при длительности эксперимента только в 70 лет. То есть эти сверхскоростные самолеты должны летать 70 лет, чтобы признать правильными выводы ТО, или неправильными. Неплохо, однако! Разве мы можем себе представить, чтобы из ньютоновой физики что-то требовало бы подобных усилий для доказательства своей правомочности?

А самое смешное в этой связи – непрекращающиеся разговоры о знаменитом парадоксе близнецов. Это когда один близнец полетит в космос со световой скоростью, а другой останется на Земле. По возвращении экспедиции они не узнают друг друга, потому что у одного время шло медленнее (у космонавта), и он постарел только на два года, а у другого время шло как у всех (на Земле), и он постарел аж на 48 лет. Согласно ТО так и должно произойти, и с этим связывают возможности преодоления будущими космонавтами просторов вселенной. Так и пишут – «парадокс близнецов, который *предсказал* Эйнштейн». Когда начинаешь задавать об этом вопросы, то при объяснении становится ясно, что все дело в наличии двух систем отсчета – инерциальной, в которой остался один из братьев на Земле, и неинерциальной, то есть ускоряющейся, в которой была та самая ракета со световой скоростью, где время замедлилось. И на первый же вопрос - а как вы можете считать инерциальной системой отсчета планету Земля, разве что-нибудь есть в природе, что бы этому не препятствовало? - получаешь всегда один и тот же ответ: это абстрактный, мысленный эксперимент, близнец *не на Земле* у нас ждет своего брата, а в некоей абстрактной инерциальной системе. На другой вопрос - а на какой ракете возможен полет со световой скоростью, если со световой скоростью кроме фотона никто лететь не сможет? - получаешь один и тот же ответ: на фотонной. То есть, сделанной из света (только представьте себе такую ракету!). А разве такое возможно? Нет, (отвечают), это невозможно, еще раз повторяем – это мысленный эксперимент. Тогда на следующий вопрос - зачем же вы тогда говорите, что *предсказано* то, чего никогда не будет? - ответом, венчающим всю беседу, всегда становится пожелание лучше учить теорию относительности, чтобы не задавать подобных глупых вопросов, и не переносить механически теорию относительности в реальный физический мир. А зачем мне учить такую теорию, которая не переносится в реальный физический мир? Чтобы приобщиться к той самой «мысленной» революции в физике, которая тоже никогда не переносится в реальный физический мир?

Однажды, после «зеленой революции» в Иране, у аятоллы Хомейни интервьюеры спросили – а зачем нужна была эта революция, ведь народ стал жить несравненно хуже? Духовный лидер, искренне удивившись, ответил – а разве революция для народа делалась? Она делалась для Аллаха! Для какого аллаха делалась теория относительности? Для самой себя?

Масштабы потери этой теорией физического мира видны на самих ее основах – на инерциальных системах отсчета, *которых в природе не бывает*. А если и бывает, то только *теоретически*, то есть в разных отвлеченных от природы теоретических схемах. Ничто в природе не движется строго по прямой линии и с постоянной скоростью под действием инерции. Всё или ускоряется или замедляется, потому что вся физика - это притяжение или отталкивание, А если что-то и попадает в эту ситуацию, то сначала надо разогнаться (ускориться), а потом из этой ситуации выйти (замедлиться). Следовательно, даже относительно только одного единичного взаимодействия инерциальная система – это всего лишь мимолетный этап истории, но не вся история. Но и этот этап – только

теоретический, не существующий практически. Сейчас очень нечистоплотно в этом смысле даже излагаются основы классической физики, когда объявляют 1-й закон Ньютона неким утверждающим фактом для инерциальной системы отсчета ((ИСО). Так исподволь обосновывается релятивизм. Опять Ньютоном!!! Но, ведь, ясно же, что первый закон Ньютона выводился совершенно не для утверждения ИСО и даже совсем не про ИСО! Ньютон говорил о силах, и ему нужен был некий демонстратор показательного действия сил, и для данной демонстрации он и применил некоторое абстрактное понятие ИСО *в мысленном эксперименте по абстрактному взаимодействию сил*. Нигде ИСО у Ньютона не объявляется фактом физического мира, но везде она является просто демонстратором, операционно не мешающим основной задаче иллюстрации закона, но не имеющим никакого операционного смысла.

В основу всей теории относительности заложена *абстракция*, некая ИСО, которой в природе не бывает, как не бывает в природе и прямолинейного инерциального движения, которым эта абстрактная ИСО движется. И чего удивляться, что вся теория относительности получилась абстрактно-математическая? Яблоко от яблони... Впрочем, здесь – яблоня от яблока. Потому что вот от этого абстрактного яблока вся яблоня и пошла искусственным образом. Или яблоня от яблони. Как угодно, если вы сможете об этом говорить языком математики.

На точно такой же гносеологической ошибке строится в теории и понятие отсутствия абсолютного движения. Говорят, что теория относительности настолько сложна, что ее понимают на земле один или два человека. Повторим – она сложна внутри себя. По своему конечному продукту она ничем не сложна – время замедляется, энергия эквивалентна массе, гравитация это инерция, скорость света постоянна и т.д. Что тут сложного для понимания? Ничего. Сложно понять доказательства этих простых понятий, потому что их можно понять только по понятиям ТО. Поэтому мы этой сложностью и не занимаемся – какая нам разница, как это доказывается? Это должно доказываться природой. А если природой это не доказывается – то, какая нам разница, как это доказывается другим способом? Однако и без природы можно увидеть те пагубные начала рассуждений, которые далее развиваются во всей своей нарастающей пагубности, и сделать это можно не очень сложным образом. Попробуем не сложным образом понять, насколько ошибочно само представление об отсутствии абсолютного движения.

Основная идея отсутствия абсолютного движения выражается следующим образом. Здесь принцип рассуждений прост – берем и представляем (мысленно!) себе один единственный абстрактный объект. Этот объект существует сам по себе, больше не существует в созданной нашими представлениями картине ничего, кроме данного объекта. Вот есть он – и больше ничего. Кроме этого объекта мы ничего не видим, потому что больше ничего нет. В этом случае мы никогда не сможем определить – движется объект, или покоится, потому что не можем этого увидеть *относительно чего-либо другого*. Для нас он по всему своему виду хоть движется, хоть не движется – абсолютно ничем в этих двух своих состояниях не отличается. А раз *для нас* это неразлично и мы не можем обнаружить движение, то мы делаем вывод – никакого абсолютного движения без какой-либо возможности определить это движение относительно чего-либо другого не существует, и любое движение может быть только относительным по отношению к какой-то точке отсчета.

Здесь только начинает ускользать физический мир из этой теории, но это уже происходит вполне успешно. На самом же деле ничто не запрещает даже в этой абстрактной картине объекту двигаться, и он может двигаться – просто мы не можем этого определить. На этом, на невозможности регистрации возможного, делается вывод о принципиальной невозможности возможного. Внешне вывод звучит неплохо, но если мы не можем зарегистрировать – может быть, это только наши проблемы? Может быть объект, все-таки двигается? Нет, он не двигается (отвечают), некуда ему двигаться, кроме него ничего нет, никакой возможной зоны для перемещения. Как такое может быть? Но

мы же условились, что это *мысленное абстрактное допущение* (опять отвечают)! В пределах данной абстракции, хотя бы, вы должны согласиться, что ему двигаться некуда? Приходится сказать, что – да, согласимся, если такое в голове нарисовать, то ему действительно некуда двигаться и абсолютного движения нет. *В абстрактном смысле.* Так образуется абстрактная база дальнейших выводов, в которых нам обещают заменить абстрактное на действительное. Еще эллинистическая мысль такого не допустила бы, потому что строго следила за генетикой выводов («вырастет из сына свин...»). Но мы ведь далеко ушли от эллинов вперед, не так ли?

И поскольку мы далеки от эллинов, то мы уже, не в пример им, можем создавать не просто абстрактную систему с абстрактным смыслом, удаленным от прямой связи с характером реальности, мы уже способны не в пример им создавать сразу же абстрактную систему в *абстракции второй степени*, то есть уже вообще не соответствующую никаким правовым логическим основам для своего создания, поскольку те же самые эллины уже никогда не допустили бы наличия никакого состояния покоя в отсутствии возможности движения. Потому что состояние покоя – это вариант состоянию движения, и самостоятельно применять этот термин, без соотнесения его с движением, вообще не правомерно. Покоится – это когда *не движется*. Если что-то не может двигаться в принципе, то оно также в принципе не может и покоиться. У него просто нет такой характеристики. Если в данной абстрактной картине абсолютно единичного объекта исключается движение как понятие, то и покой должен исключаться как прямое следствие исключения движения. Это будет какое-то состояние особого рода, но не покой, как альтернатива движению. А если мы вводим такую характеристику (покой), то должны вводить и ту характеристику, которая ее определяет (движение). То есть, даже древний эллин уже сказал бы – тот, кто говорит, что нет абсолютного движения, уже говорит о том, что оно есть, потому что запрет на движение логически оправдан только при наличии возможности движения. А когда мы говорим, что в некоей абстрактной системе нет никакого движения, но при этом мы говорим, что некое тело покоится, то мы вводим в эту систему понятие, которое невозможно обосновать условиями самой же системы, и получаем даже абстрактно *невозможную для дальнейшей логической работы* систему, потому что в ней уже отсутствует логика определения условий, и она будет ущербна во всем дальнейшем. Однако, поскольку мы уже далеко от эллинов, то мы пойдем и на это. Так и быть. Пусть будет эта абстрактная модель второй степени без элементарной логики самого ее составления. Мы готовы идти дальше.

Однако мы, все же, проявляем пока еще отсталую непонятливость, и предлагаем такой вариант – давайте абстрактно (абсолютно абстрактно!) проведем на этом абстрактном объекте абстрактную полосочку белого цвета (мысленно!) и заставим его (мысленно, только мысленно!) вращаться. Заметим мы данное движение? Даже мысленно – заметим. *Относительно чего* мы это заметим? Относительно ничего! Просто заметим, и всё. Так все-таки - есть абсолютное движение? В ответ – вы нам все карты путаете! Давайте вращательное движение уберем из вариантов абстрактной исходной модели, и вы увидите, что дальше все это оправдается. Ну, что ж, давайте, уберем, если дальше оправдается. Только следует отметить, что это уже наступил следующий этап *нарастания степени утери* теорией физического мира, потому что уже в ее исходных абстрактных положениях некая нелогически составленная *абстрактная модель второй степени получает новую степень абстрактности и требует более сложной абстракции*.

Ладно, давайте же посмотрим, как это оправдается. Здесь нам предлагается добавить в картину еще один объект, и тогда нам всегда уже будет видно, движется наш первый объект относительно этого нового, или нет. То есть движение всегда относительно к чему-то другому. Теперь посмотрим, как в дальнейшей логике физический мир не просто ускользает из рассуждений, он практически в них уже не участвует. А дальше нам говорят – представим себе, что один из этих объектов двигается инерциально, то есть строго по прямой и не ускоряясь. Так в полностью абстрактную схему добавляется еще

одна абстракция, невозможная для мира (ИСО), и теперь все готово, чтобы все это оправдалось. А для этого мы должны проделать следующий мысленный эксперимент – представим, что мы сели на этот объект (ИСО) верхом. Каковы будут наши ощущения? Мы не будем, во-первых, ощущать, что мы движемся. Ускорения нет, и мы не ощутим внутри себя ничего такого, что подсказало бы, что мы в движении. Объект движется строго по прямой, подъемов нет, спусков нет, виражей нет, ускорения нет – наше тело опять же никак не ощущает движения. На основе этого (во-вторых) мы никогда не сможем определить – это мы двигаемся относительно другого объекта, или он двигается относительно нас? Мы никогда не определим – находимся мы в покоящейся системе координат, или в движущейся. Ну и что (спрашиваем мы)? Как, «что», (отвечают) – всё! Что – «всё»? А вообще – всё, так как тут видно не только то, что нет, никакого абсолютного движения, но видно и все остальное, что теперь может проистекать из разницы инерциальных и неинерциальных систем отсчета. Теперь из этого такие новые просторы для теории раскрываются (далее, естественно, начинается математическое заполнение этих просторов)! Это хорошо (соглашаемся) – а когда мы начнем из абстракции выходить? Когда мы с этим в мир реальный попадем? Никогда мы не попадем – потому что в ТО только мысленные эксперименты и математические расчеты. Оно и понятно - Ньютону на голову яблоки падали, Галилей может, даже эти самые яблоки с Пизанской башни бросал, Ломоносова разрядами шарахало, Кюри радиоактивность подхватили, Уатт паром обжигался, а Фарадей игриво стержни совал во всякие отверстия. Этим легче было. Они и создали основы техноцивилизации. А релятивистам сложнее. Мысленно и абстрактно ничего осязаемого не создашь, и следовало бы проникнуться этими их трудностями, а не требовать от них невозможного. Но тогда и они пусть от нас не требуют невозможного – признать их теорию, пусть даже только мысленно, только для себя самого, революцией *в физике*. Это революция в головах, а не в физике. И этой революции в головах не произошло бы, если бы среди этих голов была бы хоть одна, не попавшая под азарт научно-фантастического теоретизирования, которое потеряло на первом же своем этапе физический мир.

Причем, самое знаменательное в этом обстоятельстве то, что, теряя этот физический мир на самом же первом положении о невозможности абсолютного движения, эта почитаемая различными философами теория, отменяет, пожалуй, единственный пункт, по которому практически сходятся все философские школы – о неразделимости материи и движения. Требованием признать невозможным для единичного объекта иметь в самом себе или самому для себя движение, опровергается вот этот признаваемый всеми философами факт неизбежного движения любого материального тела, и после этого некоторые философы готовы на этом же отрицании строить различные конструкции, которые вытекали бы из круговой логики ТО. При этом данные философы, не пугаясь даже того, что могут разбудить санитаров, громко кричат о необходимости ТО, как следствия какого-то диалектического наклона каких-то необходимых предпосылок объединения единичных актов природы в одну метафизическую картину. О какой картине они здесь могут говорить, если они не способны разглядеть в этой системе порочности самой ее опоры, нарушающей одно из основных фундаментальных положений практически всех философских доктрин? А именно то – что любое движение всегда абсолютно, потому что является неотъемлемым свойством материи в каждой своей составной части, и оно, это абсолютное движение, в гробу видело и всех наблюдателей, и все системы отсчета, и все способы своей регистрации. Когда физика переходит практически в магию, заявляя, что от наблюдателя зависят физические параметры материи, то не мешало бы и философии вмешаться. Тем более, что тут ни ускорители с Млечный Путь не нужны (как жалуются некоторые экспериментаторы, готовые доказать при наличии таких ускорителей ТО), ни семидесятилетние гонки на сверхскоростных аэропланах. Надо просто встряхнуться, сбросить наваждение и не побояться сказать не модное для времени. Но, как мы помним, философия сейчас в коме.

Но не только физический мир потеряли создатели этой теории. Они и сами себя потеряли в этом нефизическом мире, который создали! Все по той же самой гносеологической ошибке, которая началась с самого первого рассуждения. Ньютону, кстати, все эти абстракции не мешали. Он брал пустоту за абсолютную точку отсчета, и у него все получалось. И сейчас у всех получается. Потому что в его времена ученые обладали всей суммой знаний, которую предлагала человеческая культура. В том числе и элементарные философские и логические приемы освоения действительности не были секретами для этих ученых. А с одной только математикой в качестве единственного приема освоения действительности происходят только разные чудеса.

И вот одно из главных чудес этой теории – чудо утери исследователем самого себя! Спешите видеть! И начинается оно, с первого рассуждения, которое нам некогда предложили – «представим себе некий объект, существующий абсолютно единично в реальности». При этом призывают к неким *усилиям мысли*. Но такой мысли вообще не может быть, если это мысль! Потому что мысль, когда она даже видит нечто только мысленно (т.е. «представляет»), то делает она это одним единственным образом - на основе какого-то *отличия представляемого или рассматриваемого объекта* от того, что есть не этот объект. Это та самая «дистинкция», то есть тот самый познавательный акт различения явлений и объектов между собой, который и является *способом непосредственного определения мыслью любого объекта или явления в качестве их самих, как существующих*. Когда мы говорим «представим себе единичный объект», то это всего лишь *неосознанное жульничество, самообман*, поскольку любое представление возможно только при наличии отличия определяемого от того, что не есть данное определяемое. Абсолютно единичное, то есть в количестве «один», не может существовать для мысли, поскольку в таком случае оно просто не будет для мысли различимо. И для мысли, и для реального мира ничего не может быть единичного, поскольку всегда должен предполагаться некий контрастный фон, на котором стало бы это единичное выделяться персонально. Попробуйте представить себе самую маленькую песчинку. Сможете вы определить, что это песчинка, или, что она маленькая, если она нигде больше не существует, кроме как сама в себе? Если не видно ее границ относительно чего-то другого, если она ничем другим относительно себя не ограничена, и ничем другим не обозначены ее контуры ее действительного пребывания, то, как вы вообще определите, что она есть? Такие «допущения» в реальном мире недопустимы. Вы ее или вообще не увидите, как ничем не определяемую в своей индивидуальной форме, или эта маленькая песчинка просто заслонит вам глаза в качестве какого-то неопределенного миража, некоего количества без качества, у которого нет ни начала, ни середины, ни конца, который беспределен и о котором ничего не известно, кроме того, что «это» можно потрогать рукой. Но ничего даже рукой потрогать нельзя, если оно не *существует еще в «чем-то»*, что также существует и дает своим отграничением ему границы физического пребывания. Следовательно, если что-то существует, то не как «одно», а как какое-то «одно», отличающееся своим существованием от существования «другого». Только наличие реально существующего «чего-то» может придавать собой статус существования чему-то «другому» через его отличие от себя. Абсолютно единичного в природе не бывает.

Но у нас разговор, как мы помним, был не о природе, а о мысленном эксперименте, где на первый взгляд, все же, можно абстрактно представить себе нечто абсолютно единичное. О природе мы вспомнили только для того, чтобы показать схему работы того познавательного акта, которым мы определяем всё, что есть само по себе. Так вот, в мысленном эксперименте эта схема работает точно также. Когда мы представляем себе абстрактно некий абсолютно единичный объект, то мы его *отличаем от себя*. Мы представляем его как «не-я». Если мы не будем отделять его от себя, то мы ничего не представим, потому что тогда он станет неотличимым от нас самих и неразличимым с нами самими. А если даже в мысленном эксперименте только с одним абсолютно

единичным объектом, все равно есть всегда «я», и есть этот объект (как «не-я»), то, не занимаясь извращением сути ситуации различными натяжками, мы всегда заметим любое движение данного объекта (даже абстрактно) относительно себя. Для того чтобы согласиться с тем, что движение абсолютно единичного объекта будет нами неразличимо *мысленно*, нам, таким образом, придется отказаться от той единственной точки, относительно которой различимо это движение, то есть *от самого себя, как от источника той самой мысли, которая должна представить данный объект в качестве абсолютно единичного*. Вот так, при соединении полного ухода из физического мира в полную абстракцию, и с удалением из этой абстракции даже наблюдателя, и формируется фундамент этой удивительной теории, на котором в дальнейшем строится все то, что закономерно из этого может получиться, и что закономерно получилось. Получился мир без мира и без человека в нем. Мир в форме красивой четырехмерной химеры из неосязаемых математических атомов, в которых даже некому помыслить.

Благодаря этому мир в ТО рассыпается на отдельные и обособленные участки, не связанные ни общим временем, ни общей точкой отсчета для своего движения. Мир разваливается без общего времени и становится бессвязным набором отдельных взаимодействий, не обозримых с какого-либо полководческого (для измерительной физики) абсолютного наблюдательного пункта. Мир, который весь живет в обратной связи всех своих частей, становится внутренне не регламентированным своими свойствами, он превращается в нечто разбросанное по каждому наблюдателю, который как-то ухитряется наблюдать этот мир, в котором наблюдателю-то как раз места и нет. Его нет, этого наблюдателя, потому что мир в ТО не отличим от наблюдателя, не отделяется от него, но и не впускает его в себя. Наблюдатель наблюдает свои наблюдения о мире, но не сам мир.

Потому что только на основе чего-то, что не есть сам мир, только и можно различить мир во всей своей совокупности и во всей своей собранности. Это «что-то» и будет точкой абсолютного покоя, относительно которой все движения этих объектов будут только абсолютными. У Ньютона это пустота пространства. Можно выбрать реликтовое излучение, пронизывающее всё насквозь и ни с чем не взаимодействующее, можно взять гипотетический центр масс этого мира. Можно взять и сам свет (а чем отличается нулевая скорость абсолютной точки отсчета от световой скорости по своему смыслу – и относительно нуля и относительно света у любого движущегося объекта одна и та же скорость!). В конце концов, можно и самого наблюдателя в качестве этой абсолютной точки абсолютного покоя привлечь. Потому что, сколько бы не было таких наблюдателей, нужно всего лишь понять, что каждый наблюдатель находится *в центре Вселенной*, и это так и есть, потому что относительно каждого человека Вселенная уходит во все свои возможные направления (и вверх, и вниз, и вправо и влево и куда угодно) абсолютно одинаковыми дистанциями своих просторов, а если каждый из нас находится в центре, то центров не может быть столько же, сколько тех, кто находится в этом центре. Следовательно, центр – один, и мы все в нем находимся. Если подобная картина не устраивает своей парадоксальностью, то следует предположить и Некогого Наблюдателя вне вселенной, относительно Которого она определяется как вселенная, становясь различимым и персональным объектом бытия в различении с Ним. Если не нравится Этот Наблюдатель (у нас не религиозная проповедь), то в качестве этого «иноного» всему множеству движений во Вселенной можно выбрать даже саму Вселенную в качестве цельного феномена, абсолютного в своем физическом пребывании, и относительно которого все частные движения в его пределах – абсолютны по общему полаганию Вселенной как существующей на объединенном фоне всех своих составляющих. Очевидно, через тензорную алгебру это можно было бы сделать и здесь. Это был бы вполне успешный, но опять ошибочный путь. Потому что – математический. Пустота (если говорить только о физике) – вполне приемлемый и хорошо работающий способ.

И эта пустота никогда не путала Ньютона. Для него никогда не существовал тот вопрос, который в итоге привел к необходимости опыта Майкельсона. Болезненность этого вопроса – как через пустоту может передаваться взаимодействие? как на огромном расстоянии передается сила притяжения через пустоту? ЧЕРЕЗ ЧТО физически передается физическая сила? – никогда не раздирал душу Ньютона и его современников по ночам. Потому что они прекрасно знали, что физическое уже нельзя объяснить физически, если это физическое ведет себя по некоторым строго установленным правилам, потому что не сомневались в том, Кто единственный может эти правила для этого мертвого физического установить.

Когда про Этого Законодателя стали забывать, появилась теория эфира, как некоей невидимой особой физической среды, которая заполняет пустоту и через свои невидимые особые частички транспортирует физические силы к месту назначения. Бред теории относительности начался вот именно здесь, с создания мифологической мировой сущности в виде эфира, который призван был физически объяснить тайну нефизического поведения физических объектов. Когда стали измерять несуществующий эфир через свет, то по результатам измерения одной мировой мифической сущности стали выводить множество других математических мифических персонажей, которые, в конце концов, и рассказали нам, что такое теория относительности.

И, конечно, - ну как же можно доверять Ньютону, если он верил в Бога? Как можно доверять Кеплеру, который, после научного оформления гелиоцентрической системы, на вопрос – что заставляет планеты двигаться по своим орбитам? – ответил: у каждой планеты есть свой ангел, который по заданию Бога катит планеты так, как это требуется. Наивный Кеплер! Наивный? А что же вы до сих пор движение электрона по траекториям (которых нет) на атомных орбитах по Кеплеру считаете? Что же вы свою атомную модель через планетарную схему определяете?

В те времена люди искренне верили и в чертей и в ангелов. Лютер с гордостью часто показывал испачканную чернилами часть стены своего кабинета – здесь я кинул чернильницей в дьявола, и он оставил меня. Он это говорил не образно! Лютер! Да, - и в ведьм верили, и во все остальное. Но при этом и про Бога знали. И при этом знали и понимали те пределы, в пределах которых достойны физические предположения. И создали всё, на чем все нынешние ученые прочно удерживают содержание всех действительных наук! *У них была здоровая методология, и с этой методологией они создали здоровую основу современного большого знания.*

А чем мы, знающие, что нет чертей и ангелов, можем блеснуть перед ними? Что создано равное тому, что создали эти наивные «боговеры»? Куда хоть на шаг продвинулись бы мы без них? Давайте представим, что не стало ньютоновой механики и вообще всего, что было создано современниками Ньютона за период в 150 лет? Что у нас останется от всех наук? На Ньютоне вся небесная механика, теория потенциалов, кулоновские электростатические притяжения; электромагнитную природу света Максвелл выводил из механических моделей, Герц считал ньютоновскую механику основой всей физики. Что останется полезного без достижений этих «наивных»? Ошметья. Или не останется ничего. Теория относительности останется. То есть тоже – «ничего не останется». Но и эта теория выросла на том фундаменте и на тех скрепах, которые заложили наивные люди, совершавшие причастия, и благодарившие Бога за дарованные знания. Лагранж сказал про Ньютона – он самый счастливый, потому что дал людям картину мира; и как нет у этих людей второго мира, так никто никогда не даст больше другой его картины. Лагранж не сказал «он самый великий», он сказал – «счастливый». Они понимали в то время...

Нечто подобное тому, что произошло с теорией относительности, в свое время произошло и с марксизмом. Там тоже создали очень красивую схему. Настолько красивую по *внутренней логике*, что под нее подпали буквально все умы того времени. Не было никого, кто не восхитился бы марксизмом, или какое-то время не попытался идти с ним

рядом, настолько он выглядел предсказательным и научно выверенным. И только историческая практика показала, что красивая и выверенная *внутренне* логическая теория может оказаться полностью ошибочной. В марксизме тоже был постулат – они объявили внешнюю форму деятельности человека (в виде сообществ) внутренним смыслом этой деятельности, а самый массовый характер этой совместной деятельности (производство продукта) объявили смысловым стержнем движения перемен в истории. От этого постулата о существовании в истории главных исторических единиц, представляющих собой некое соединение экономики с различными отношениями людей в процессе участия в этой экономике (пожрать и заработать), родилась стройная, как песня, теория закономерных изменений главных исторических единиц в истории. К сожалению, эту теорию удалось внедрить в практику. И вот практика показала – две Германии, две Кореи, большой Китай и маленький Гонконг, СССР и США, Венгрия и Австрия (некогда одно государство), где в прямом соседском соревновании марксизм провалился со всемирным треском везде, где может провалиться вообще любая социальная теория.

Сто лет продолжается соседство ньютоновской классической физики с теорией относительности. Классическая физика не только не уступила ни одной позиции, не только не расширила области своего применения, но и вообще не знает, что такое теория относительности. Что такое теория относительности, как говорят информированные люди, знают только один или два человека в мире. По существу это соседство не двух физик, а соседство одной физики с одним или двумя людьми, который знают, что где-то у них в голове есть еще и другая физика, только нигде не могут ее применить. Даже на отдельно взятой территории. Даже после того, как объявили о кончине классической физики, как марксисты в свое время объявили о крахе капитализма. Опять удивительное историческое совпадение – первый марксистский опыт реального исторически масштабного раскачивания России в 1905 году, и первое появление ТО в официальном виде – тоже в 1905 году. Итог – от марксизма осталось то, что осталось от Ленина, и лежит в мавзолее, а от ТО осталось то, что и было с самого начала. ТО убереглась. Потому что неприменима в исторической практике. Она с самого начала уже была в мавзолее. Без потрясений для себя. Сразу слава и бессмертие без промежуточного трудного этапа практического позора. Завидная судьба.

А зачем мы вообще столько времени уделили ТО? Чтобы понять всего лишь одно – на подступах к последним рубежам материи наступил конец физике. Само существование теории относительности, это наиболее наглядный пример наступившего конца. Это понял Лоренц. Старик Лоренц, выросший на традициях классического понимания значения и смысла науки, конечно же, понял уже в 1905 году то, что поняли все остальные только в 1926 году, когда встретились пси-волна Шредингера с матричным исчислением Гейзенберга. Он уже в 1905 году увидел, как некая теория, выросшая из его наработок, пусть математически, но объясняет без эфира всё то, что он, (пусть тоже только математически), но объясняет с эфиром. Вот сейчас те эффекты, которые объясняются с помощью ТО, может объяснить еще приблизительно 20-30 научных систем с применением эфира. Всё, что может описать теория относительности, точно также может описать и вычислить с той же верностью и классическая электродинамика, основывающаяся на действии предполагаемого эфира, поскольку там тоже, как и в ТО одна лишь сплошная математика. Загвоздка только в одном – найдите в природе эфир и докажите физическим опытом, что он существует. Тогда на ТО будет поставлен крест. Эфира пока не нашли.

Но дело не в эфире. Дело в Лоренце. Если уж сегодня кто-то в таком количестве может решить проблему равноценной замены ТО для расчетов, то мог бы это сделать и Лоренц, создавший классическую электронную теорию. Почему Лоренц не предложил в качестве соперничающего с ТО, свой вариант? Потому что Лоренц понял, что когда совершенно противоположными базовыми физическими основаниями, с абсолютно исключают друг друга позиций, физический мир успешно моделируется, то это не что

иное, как - конец физике. *Потому что в настоящей фундаментальной науке истина только одна и подкрепляется экспериментом.* Поэтому Лоренц до конца жизни вообще отказывался от одного только упоминания о своем возможном участии в существующей славе ТО и всегда подчеркивал, что эта теория принадлежит Эйнштейну. Однажды на вопрос, а как относиться к тому, что «преобразование Лоренца» составляет основу расчетов ТО, а теория принадлежит только Эйнштейну, он досадливо махнул рукой – «мое преобразование? я дарю его этой теории»...

Не мог не видеть мудрый Лоренц всех этих физических уродцев, которых плодит эта теория. Пуанкаре - понятно. Он был более математиком, чем физиком. Это был математический спецназ, который появлялся там, где регулярные физические части уже не могли вести наступление или попадали в безвыходное положение. Пуанкаре помог, в частности, Герцу при открытии электромагнитных волн, подсказав, почему у того в опытах скорость волны не равна скорости света. Пуанкаре и Беккерелю при открытии радиоактивности всё считал, чего не смогли посчитать другие, и он же лоренцовские расчеты постоянно правил, а Лоренц также постоянно и публично благодарил его за проявленные при этом терпение и такт. Пуанкаре все эти четырехмерности и остальные причуды теории видел лишь в качестве удобного расчетного приема, и просто постоянно предупреждал физиков, что перенос этих расчетных приемов в природу, все же, требует *прямого экспериментального подтверждения.* Когда остыл к теории Лоренц, охладел к ней и Пуанкаре. Лоренц же остыл сам по себе, потому что, несомненно, понимал, что сон физического разума родит математическое безумие. И перестал в этом участвовать.

И, правильно сделал, потому что придет время, и никто не будет связывать его великое для науки имя с тем, например, заявлением, что наш мир четырехмерен, пространство в нем искривлено и пустоты нет. Никто не свяжет с именем Лоренца то, что гравитационные эффекты объясняются не силой притяжения Ньютона, а тем, что в этом искривленном пространстве планеты катятся по инерции под уклон вниз по круговым воронкам искривленного пространства.

И когда, наконец, зададут этот вопрос по-настоящему – почему же инерцию можно занулить (то есть, прекратить ее действие), а силу притяжения занулить нельзя, и не говорит ли это о том, что ТО полностью не согласуется с тем, что существует в природе - отвечать придется не Лоренцу. И когда, наконец, зададут по-настоящему этот вопрос – почему планеты никак под действием силы инерции не скатятся, наконец, в эти воронки искривленного пространства и не остановятся – отвечать придется тоже не Лоренцу. Лоренц не хотел за это отвечать (и за все остальное), и поэтому стал отрешиваться. Он увидел, к чему это все приводит, хоть с эфиром, хоть без эфира. Потому что – физика уже бессильна.

Вообще здесь невозможно удержаться, чтобы не отвлечься при упоминании вот такой картины мира, где планеты катятся по инерции в круглых воронках искривленного пространства. Не знаю, но это очень напоминает действительно повсеместно существующую физическую модель подобной системы – рулетку. Там тоже шарик катится по инерции по кругу, и все веселье не в том, что он катится по кругу, или что он катится по инерции, а в том, что он практически никогда дважды не повторит свою орбиту. Почему планеты не двигаются как шарик в рулетке? Схема процесса, рисуемая ОТО, абсолютно идентична рулетке! Однажды я получил интересный ответ на этот вопрос – планеты ведь в четырехмерном пространстве катятся, а шарик в рулетке в трехмерном, понимать надо! Это искренний почитатель ТО сказал. Тут не могу больше ничего добавить.

И вообще в этой связи – планеты катятся по воронкам, но их вращение не завершается тем, чем должно завершиться подобное движение в физике – они не сваливаются на дно этих воронок и не останавливаются там! Почему? ОТО отвечает – потому что есть некая сила, которая не дает им скатиться на дно воронки. А чего так скромно? Это *антигравитационная* сила, надо понимать, так давайте и назовем ее так, как

она называется – левитацией! Когда мы хотим посмеяться, то читаем о фокусах индийских йогов с левитацией, или смотрим об этом разоблачительные документальные фильмы. И вообще, если мы слышим, что где-то «про левитацию», то заранее знаем, что это очередной казус. ОТО (общая теория относительности) – тоже про левитацию!

Когда полетел в космос Гагарин, то ёрнически вопрошали верующих – ну, так, где же ваш Бог? Гагарин его ни на одном облаке не видел!

Когда ныне кто-то заикается про эфир, то его спрашивают – ну, так, где же ваш эфир? Такой плотности материальная субстанция, (по расчетам - плотнее любой самой плотной брони), как же она нигде не видна?

Но почему-то никто никогда не спрашивает – а где же это искривленное четырехмерное мировое пространство из теории относительности, по воронкам которого катятся планеты? Расчеты показывают – если в реальных масштабах Землю и Солнце соединить тросом, в диаметре равным диаметру Земли (диаметру Земли!!!), то при действии тех гравитационных сил, которые возникают для удержания Земли на орбите, трос порвался бы мгновенно. Давайте себе представим пространство такой плотности (из модели мира ТО), которое выдерживает на себе подобные силы (хотя бы только один лишь вес катающейся по нему Земли удерживает на своей поверхности!)! И это пространство не только невидимо, но и не ощущаемо физически! Отказываетесь? Тогда учите лучше теорию относительности. Вы и после ее изучения, правда, не сможете этого представить. Зато сможете предоставить для этого математические расчеты.

И – лиха беда начало! Теория относительности геометризовала гравитацию и сделала мир четырехмерным. Но остальные силовые взаимодействия она не объединила (например, электромагнитное поле). Так теперь и сложности никакой нет для других теорий! Вводи новую координату для измерения электромагнитного поля, то есть, запикивай это самое поле в еще одно измерение, и у тебя уже будет пятимерный математический мир! А, что? Теории относительности можно, а нам нельзя? Можно! И вот уже теория струн появилась, где все типы известных взаимодействий засовываются каждый в свое измерение, так что теперь мерность нашего мира вообще невозможно подсчитать. Плодятся все новые и новые наукообразные мифы во главе с главным богом-вседержителем – Математикой. Как будто Ньютон, Лейбниц или Декарт знали математику хуже, или обладали меньшим воображением...

Здесь, относительно искривленного пространства, хотелось бы сказать еще кое-что. Когда наступает время шуток и розыгрышей, неплохо, конечно же, послушать, как пространство искривляется относительно какого-то эталона (относительно чего-то ровного, ведь, должно замечаться искривление), о котором не говорится ни слова, как не говорится ни слова и о том, что именно в составе пространства искривляется (какая именно субстанция). Но сюда следует еще добавить, что в ОТО не просто пространство искривляется, а некое единое «пространство-время». Поэтому, когда заканчиваются все розыгрыши и шутки, хочется всегда еще и еще слушать, как *искривляется время!* Разгружает усталость очень хорошо!

Завершим, наконец, все, что мы из нашего разговора должны вынести. Во-первых – это не опровержение теории. Нам нет никакой разницы, верна эта теория, или не верна, потому что от нее нет ни пользы, ни вреда никому. Мы просто видим ее логику, методику выводов и способ существования, и понимаем, что такому в принципе нельзя верить. Постоянные призывы сесть и раз 20-30 самому нарисовать различные расчетные четырехмерные пространства по Минковскому, и воспроизвести там математические различные модели физического поведения, чтобы убедиться как все это красиво и здорово - действуют слабо. Есть множество любителей раскладывать пасьянсы, но чтобы таким умопомрачительно сложным способом... К тому же, не следует слишком увлекаться этим занятием или отдаваться ему со всей душой. Потому что Минковский, например, как только соединил математически пространство и время в одно целое, так сразу и помер... Пуанкаре, у которого Минковский все это просто бессовестно содрал (о чем ему даже

официально на обсуждении его работы было заявлено), тоже после этого совсем недолго прожил. Мы уж как-нибудь...

Как-то, когда Россия в послемарксистский период стала воспарять от восторга «свободой слова», образовалась неприятная дилемма. Свободы слова, наконец-то, дождались, и религию, наконец-то, разрешили, и что же теперь делать с неким фильмом Скорсезе, где кощунственно для верующих и в псевдевангельском стиле показана земная жизнь Иисуса Христа? Верующие возражают против показа его по телевидению, а широкая общественность новой страны расценивает эти возражения верующих как покушение на свободу слова! Устроили (на полном серьезе!) показательный телевизионный судебный процесс, где был прокурор против фильма, адвокат за фильм, судья, истцы и ответчики. Среди требующих запрета на показ был католический священник, и эта комедия стала интересна уже только этим. Потому что впервые в жизни пришлось увидеть хотя бы по телевизору, но живого католического священника, да еще и защищающего Христа, которого католичество в Европе давно принесло в жертву «толерантности». Католик резко, но в очень достойной и светской манере возражал против демонстрации кощунственной кинокартины. Когда его спросили – Вы сами этот фильм видели? – он ответил, что не видел. Так какие у вас основания судить фильм, если вы его не видели? – продолжили вопрос. Этот пожилой мужчина ответил очень правильно – чтобы знать, что пьянство плохо, не обязательно пройти через череду запоев; чтобы знать, что наркотики это плохо, не надо проходить через героиновую зависимость. Если есть цельные и объективные критерии для оценки теории без ее предельного изучения во всех ее суперсложных мелочах, то можно обойтись и данными критериями. Это мы уже не про Скорсезе, как все, конечно же, уже поняли.

Мы про то, что если некоторые люди говорят нам, что они создали теорию на мысленных экспериментах, на логике и на математике, то мы, видя, что эти люди не знают законов логики и не понимают, как работает мысль, можем уже пренебречь их математикой. Поэтому нам и все равно – верно там все математически, или не верно. И нам все равно, будет опровергнута или не будет опровергнута данная теория. В конце концов – пусть будет и не опровергнута. Для нас главное, что природа по-прежнему не прислушивается к ее указаниям и запретам.

Во-вторых, если мы не за ТО, то это не значит, что мы за эфир. Какой бы ни был этот эфир, газообразный, жидкий, кристаллический, сверхтекучий или вязкий сжимаемый или какой-то еще предполагаемо другой, для нас он не решает главную проблему – если это среда, которая заполняет пустоту (ведь, с пустотой эфир и призван бороться!), и через свои частички передает взаимодействие, то – как тогда передается взаимодействие *между частями эфира*? Через какую среду в свою очередь идет взаимодействие между частичками эфира, если пустота материалистической наукой категорически не принимается? Следовательно, необходимо допустить еще одну среду «ниже» эфира, которая через себя передает взаимодействие между частицами эфира. В таком случае – через какую среду передается взаимодействие между частицами этой среды и частицами эфира? Если уж пустота не принимается, то следует допустить и еще среду ниже среды, которая ниже эфира, и далее по такой же логике еще ниже и так до дурной бесконечности. Если не хотите признать, что материя где-то обязательно должна закончиться, то наслаивайте эти среды и подсреды дальше. У кого-то, может быть, сейчас рука и потянулась к логарифмам, но только не у нас. Нам эфир также дорог, как дорога и близка теория относительности для того дела, которые мы затеяли.

Хотя в защиту эфирных теорий кое-что следует сказать – современная наука легко справляется с любыми теоретическими тупиками, если они лежат в пределах признанных ею положений. Для этого у нее есть хороший способ – дуальность. Современная физика нисколько не смущается объяснять свои противоречивые достижения некоей дуальностью свойств объектов или явлений, то есть, противоположными, несовместимыми физическими свойствами у одного и того же физического элемента. Но для эфира ничего

такого почему-то не предполагается. Считается, что эфир, только исходя из своей единой непротиворечивой природы, безо всякой дуальности своих свойств, должен или объяснить всё, или удалиться. Дискриминация. Современная физика требует от эфира того, чего не может сама!

И в третьих, теория говорит нам об еще одном факте конца физики, который наступил только потому, что не допускается ничего, кроме физического для нашей действительности. Не смогли вовремя остановиться. В этом корень наступившего краха. Утеряна верная методология отражения мира. Если бы этого не было, то не было бы и конца физике, а был бы только конец физики. Причем этот конец обозначал бы некое начало вообще бесконечного по своим просторам. Но пока не произошло. Усвоив *внешне и механически* сумму неопценимых знаний, основанных на правильной методологической основе, дальше пошли без этой основы, и пришли в математический тупик. Вся «нормальная» современная наука базируется на методе тщательного наблюдения и на выверенном многократном эксперименте. Эту основу науке создал Ньютон. Но он ее не создавал специально, тут сработал его невыдержанный характер. Если другой, такой же великий, Галилей, в описаниях своих опытов давал примерно следующий текст: «возьмем шарик, поставим его на край наклонной плоскости, и толкнем его вниз», то Ньютон писал: «возьмем шар такого-то диаметра из такого-то материала такой-то плотности и с таким-то весом, измеренным на таких-то весах в такое-то время суток при температуре окружающей среды столько-то градусов; установим данный шар на горизонтальную опору из такого-то материала, с таким-то размером, переходящую в наклонную плоскость с таким-то углом и такой-то длины и т.д.». От этого стиля он выигрывал очень многое – любители потрепаться долго читать не будут, а любители поспорить должны спорить в том же стиле, то есть опровергнуть опытом. Лишь бы по пустякам не отвлекали. А самое главное – его личный и непримиримый враг Роберт Гук в Британской Академии Наук занимается тем, что повторяет все описанные опыты английских ученых и докладывает научному совету, получились они у него, или нет. Если у Гука не получилось – то опыт не принимался в качестве аргумента. Гук тоже особенно любил Ньютона особой любовью, поэтому Ньютону пришлось вот так описывать всё подробно. Так и появилась современная экспериментальная наука – из-за того, что грубого и невыдержанного Ньютона все не любили, а Гук ненавидел.

По этим же обстоятельствам осторожный Ньютон никогда не говорил ничего, что могло бы вызвать критику или слишком долгое обсуждение. Очень был груб и сварлив, а при любой критике сразу впадал в бешенство. И вот однажды у этого осторожного человека в его научной работе, которую изучают до сих пор, появилась запись о том, что инерция – это «врожденное свойство предметов». И никто из ученых, вкуче с Гуком, на него не накинулся в то время! Потому что и Ньютон знал, и другие знали, что свойства физических предметов могут быть именно *врожденными*, то есть полученными ими при «рождении», когда был *сотворен* мир. Фантазировать Ньютон не стал, потому что знал, где нужно остановиться физике, чтобы был конец физики, а не конец физике. Хотя и он понимал, что нет ничего более таинственного, возможно, перед глазами у человека, чем инерция. Но он не кинулся за поисками ее причин в математику и не насоздавал мифических математических сущностей.

В четвертых, конец физики нам виден не только в том, что в квантовой механике разными теориями с двух противоположных сторон одинаково верно описываются явления мира, и не только в том, что классическая электродинамика (с эфиром) точно также делают это вместе с ТО (без эфира), а в том, что не сходятся между собой квантовая механика и теория относительности. Основа квантовой механики отменяет ТО, а базовые положения ТО отменяют квантовую механику. В частности квантовый скачок или тоннельный эффект. И вообще всякая теория, которая выполняет требования СТО, может одновременно выполнять требования квантовой теории только через математические противоречия (забавное дело – даже согласование физических теорий строится опять не

через результаты экспериментов, а только через математику!), которые относятся к расходимости в области очень больших импульсов и энергий.

Отношения между квантовой механикой и ТО напоминают отношения двух убеленных сединами главарей различных школ у-шу из гонконгского кинофильма, где они встретились, чтобы убить друг друга, сидят за столиком тет-а-тет, пьют из фарфора нечто горячительное, подливают один другому из кувшинчика, улыбаются, тосты произносят, а под столом с пулеметной скоростью идут тычки и блоки ногами в попытке нанести противнику увечье. Поначалу Эйнштейн, подогретый прессой, кидался на копенгагенскую школу, но со временем стал выглядеть в дискуссиях с Бором просто несолидно. Тогда вместо себя он выставил Эренфеста. Этот Эренфест, некогда молодым начинающим ученым, произвел по всем правилам ТО мысленный опыт с вращающимся диском, и у него получилось, что диск при вращении с околосветовой скоростью не только искривится, уменьшаясь, но и со временем исчезнет из природы! Вместе со всей теорией относительности, естественно. Потому что такого смысла своих расчетов ее создатели как-то не предполагали. Диктовать числу «пи», *мировой константе*, как себя вести от имени своей теории они бы, конечно, не постеснялись. Не в первой. Но, вот чтобы исчезло... В 1983 году Фипс провел данный опыт в реалии, но диск не стал уменьшаться в размерах. Это тоже должно говорить о необходимости для теории относительности исчезнуть из перечня серьезных теорий. Но этого никогда не произойдет – слишком большие научные чиновники стоят на ее страже, слишком много блефа впускается их умелыми мероприятиями в научную и ненаучную прессу, потому что очень хорошо всю жизнь получать деньги в исследованиях, о результатах которых всегда можно сказать – все еще впереди, и это будет прекрасно, мы работаем на будущее, так чего же вы от нас требуете сегодня?!

А если вернуться к Эренфесту, то сразу же после опубликования статьи про этот диск, Эйнштейн устроил его на невероятно почетную для заслуг тогдашнего Эренфеста должность. В итоге не только «диск Эренфеста» навсегда исчез из всех его книг и сборников, но и сам Эренфест теперь занимался день и ночь только тем, что спорил с Бором.

Недавно произошла сенсация! В одной из библиотек Голландии нашли тетрадь Эренфеста, в которой находятся листы конспектов Эйнштейна по квантовой физике! Это сразу же стало реликвией! А зачем Эйнштейну конспектировать квантовую механику, если он ее ненавидел? И зачем давать конспекты Эренфесту? Да только затем, чтобы Эренфест сделал с помощью какого-либо диска то же самое с квантовой моделью, что он сделал с теорией относительности.

Теперь вспомним, что Эренфест покончил с собой. В некрологе Бор пишет – жаль, хороший был человек, талантливый, просто замечательный, мы с ним практически дружили, несмотря на его постоянные оппонентские наскоки, которые мы оба воспринимали с оттенком некоего дружеского и шуточного ритуала наших отношений. А вот что пишет в некрологе Эйнштейн – Эренфест был тонкий и ранимый человек, у него были частые непонятные депрессивные состояния психики, и вообще он принадлежал к людям такого психического склада, которые могут покончить с собой из-за каких-либо унижений или смешных положений, в которых они оказываются. А весь ученый мир в то время только и наблюдал, как Бор постоянно ставил Эренфеста в подобные положения в публичных дискуссиях. Будем комментировать? Так под столом и пинались. А «допинали» до гроба бедного Эренфеста. И физику в том числе.

И в пятых, в заключении, мы объясняем окончательно главную причину нашего столь подробного рассмотрения логики теории относительности. К этому мы теперь окончательно готовы, поскольку поняли, что же это такое - теория относительности.

А теория относительности – это крайне неудачный опыт измерения света.

Была такая земля на Земле – Эллада. Она была в то время единственным демократическим обществом на планете. Везде в других странах всё решалось приказом

одного человека или его уполномоченных. А в Элладе все решалось демократическим спором – от проблем войны, до проблем выделения средств на общественные туалеты. Собирались люди и начинали доказывать друг другу обоснованность своей позиции. Это называлось демократией. Поэтому в Древней Греции, в единственной на планете демократической стране, зародилось почтение к логике и к рациональному доказательству. Слишком многое могло зависеть для той или иной партии, или для того или иного человека, именно от того, как доказательно могут быть изложены выдвигаемые аргументы. От этого могли зависеть не только финансовые или политические победы, но даже и сама жизнь. В итоге, в Древней Греции сформировалось понимание важности логики и логических рассуждений, а мастера и учителя этих логических рассуждений никогда не сидели без работы. Логика стала политическим инструментом и политическим средством. Но не обошлось и без перекосов – из-за того, что почтение к логике было настолько великим, она через какое-то время стала неким самообеспечивающим саму себя приемом доказательств. То есть, всё, что было логичным, должно было считаться правильным. В не зависимости от фактов.

И жил в Элладе некий очень умный человек, которого звали Зенон. Он потом умер, но имя его осталось в памяти человечества. Мы знаем его как автора знаменитых «парадоксов Зенона». Наиболее известны его парадоксы о том, что Ахиллес не догонит черепаху, летящая стрела на самом деле не летит, а человек никогда не сможет преодолеть расстояния в несколько шагов до стоящей напротив стены. Парадоксы Зенона были очень строго выверены логически, они были логически безупречными по доказательству, ставили в тупик и злили. Известна притча, что после одного из доказательств парадокса о невозможности движения, оппонент Зенона просто встал и молча прошелся перед ним. Вот так все просто. Глупый Зенон, дескать, не понимает обычных вещей.

Сегодня, если пишут о Зеноне, то пишут точно так же, как протопал по пыли оппонент Зенона, только пылят совсем другими методами – свысока объясняют, что Зенон не понимал того-то, или не знал этого, и вообще путал то с этим. Смею всех уверить, что Зенон все понимал. Просто, как ругали Зенона его современники, так и ругают его в дальнейшем все остальные. Переняли отношение. А за что ругали Зенона его современники? За то, что он отобрал у них любимую игрушку. А что у них отобрал Зенон? Он отобрал у них самозначную логику, которая обеспечивает доказательствами сама себя. На основе своих парадоксов он просто показал – вот что такое логика, оторванная от реальности и выстроенная по собственным внутренним кругам. И если кто-то прошелся перед глазами Зенона в доказательство существования движения, то именно этого и надо было Зенону, потому что это было опровержением голый логики как метода, и оппонент понял, что логика должна проигрывать жизни.

Пройдут столетия, и как хвалили Эйнштейна его современники, так и похвалят его будущие потомки, и скажут – он показал, к чему приводит голая физико-математическая логика как метод, когда она оторвана от реального мира. И, может быть, назовут теорию относительности «парадоксом Эйнштейна». И, может быть, перестанут баловаться этой игрушкой. И, может быть, опять вспомнят Зенона и скажут – Зенон не понимал того-то и того-то, а Эйнштейн всё понимал. Потому что Зенона принято ругать, а Эйнштейна принято хвалить. Похвалим их обоих.

Спасибо Зенону, и спасибо Эйнштейну, они честно делали свое дело, а мы должны честно продолжить свое – то есть понять, что, как только физика коснулась света, она превратилась в фэнтези для особого читателя, умеющего читать математические иероглифы в поисках знания, которого в них нет и не может быть.

Сложив этот вывод и вывод предыдущей главы, мы, теперь, перейдем к следующей главе, где попытаемся понять, что нам могут дать два этих вывода – некий искомый нами Посредник между Случаем в микромире и Законом в мире, а также тайны света.

Как мы это будем делать

Задача перед нами стоит, как мы помним, очень непростая – найти физические приметы некоего источника законообразования для всего физического мира, и, естественно, какая-то методология нам сейчас не помешала бы. Момент очень ответственный. Основная трудность состоит в том, что нам придется для всего мира искать физическую причину, по которой он из случайного состояния в своих мельчайших основах становится упорядоченным и неслучайным во всем компакте своих взаимодействий. Конечно же, об этом нельзя говорить в произвольной или фантазирующей манере, потому что, если мы не сведем все это к какому-то конкретному взаимодействию или к их группе, то вполне можно сказать, что мы вообще до этого ничего значительного и не сделали. Поэтому, если говорить о методологии подобного поиска, то ее надо выбирать очень тщательно. А выбирать – это, прежде всего, отказываться от ненужного. И поэтому никого не должно удивлять, что по сложившейся давно у нас привычке, мы начнем поиск нужного нам метода с отбрасывания заранее непригодных моделей.

И тогда, начав решительно отсекал все, что нам не пригодится, мы отбросим сразу же науку. То есть, все, что мы будем дальше делать – это не будет работой по научным алгоритмам решения проблем. Это означает, прежде всего, что мы не будем делать никаких попыток революционизировать научное знание или научное мировоззрение. Не будем мы также напрягаться в поисках новых научных законов или феноменов. Так же мы не станем даже в шутку предполагать каких-либо научных открытий на своем пути. Более того - мы даже не попытаемся сделать научных выводов из научной картины мира. Потому что, пойдя мы этим путем, мы двинулись бы по утопанной тропинке, с нее попали бы на наезженную колею, а с этой колеи уже никогда и никуда не соскользнули бы, так и не решив для себя поставленных вопросов. По этой колее бесплодно носится взад и вперед множество людей, и только нас там еще не хватало.

Точно так же нам здесь не нужно философствование в том смысле, в каком это предполагает философия – получение итогов по самодвижению философских понятий и категорий. Иначе, мы тут же влезем уже не в колею, а в цех по переработке мысли под названием «Гносеология» (наука о закономерностях мышления), где, согласно технологии этого цеха, мы будем, как матрешку, безостановочно вскрывать каждую свою новую мысль – «вот моя мысль, а правильна ли она? – надо проверить, например, вот этим аргументом – а теперь надо проверить основательность этого аргумента, – а теперь надо проверить саму проверку основательности этого аргумента, например, следующим соображением – а теперь надо проверить, насколько правомерно данное соображение, например, вот этим доказательством – а теперь надо утвердиться в правильности данного доказательства, например... и т.д.». Это все очень интересно, но чаще всего уводит от намеченной цели, и превращается просто в непрерывный цикл саморефлексий от собственных же рефлексий.

У нас не столь сложная задача, чтобы привлекать науку или философию. Ведь нам всего-то лишь и нужно, что увязать физическую реальность с какой-нибудь объясняющей ее системой, которую пока не предложили ни философия, ни наука. Причем - это всего лишь частная проблема случая и совпадений, без претензий на всеобъемлющее миропонимание по новым канонам. Для нашего поиска наука слишком детализировала бы, а философия слишком бы обобщала. Причем, как это уже ясно, основная проблема состоит в том, что нам придется совершить переход от видимого к невидимому. А в этом случае нам не подходит ни научный метод, в котором мы, перейдя к невидимому, сразу же превратимся в биоавтоматы, осуществляющие мышление слепыми математическими формулами; ни философский метод, где, при уходе от чувственного восприятия, нас

подстерегают способности «чистой мысли» одинаково успешно обосновывать абсолютно противоположные выводы.

Само собой разумеется, что у автора есть кое-что для данной ситуации, но хотелось бы дать предлагаемому методу несколько более подробное обоснование, ибо этот метод достаточно нетрадиционен. Объяснить суть данного метода хотелось бы на примере работы мысли Платона, который был непревзойденным мастером решать подобные проблемы. Платон является недостижимым маяком, но кое-что из его методики можно взять и нам. Рассмотрим для этого очень коротко и в очень свободном изложении, (так сказать, « не очень близко к тексту»), методику доказательства Платоном наличия идей, как единственно реально существующей действительности. Он это делает на примере диалога Сократа с неким юношей, и начинается их беседа с традиционных лукавых сократовских вопросов. Сократ спрашивает – как ты думаешь, что можно назвать прекрасным? Юноша оказался правильным, и, естественно, отвечает – прекрасной можно назвать красивую девушку. Сократ не возражает, он согласен, и задает новый вопрос – а, скажи, горшок может быть прекрасным? Юноша правдиво отвечает – да, может. Не значит ли это (говорит Сократ), что девушка и горшок это одно и то же? Юноша, избегая пугающих аналогий, отвечает – нет, не значит. А закат может быть прекрасным? – спрашивает Сократ. Может – отвечает юноша. Далее они проверенным уже путем приходят к выводу, что девушка, горшок и закат – это не одно и то же, а совершенно разные вещи. И тут Сократ говорит – если закат, горшок и девушка, это абсолютно разные вещи, и вместе с тем мы о каждом из перечисляемого можем сказать, что оно прекрасно, то не кажется ли тебе, что понятие прекрасного существует само по себе, независимо от вещей, и в качестве некоей идеи? И при этом, не согласишься ли ты, что эта идея полностью реальна, поскольку мы уверенно применяем ее как оценочную категорию *реальности*? Ее (идею прекрасного) нельзя ни увидеть, ни потрогать руками, но она, несомненно, есть, и есть оно даже более несомненно, чем все эти вещи, к которым мы ее прилагаем, так как вещи разные, а она (идея прекрасного) – одна и та же. Следовательно, идея вечна, едина, неизменна и сверхприродна, а проявляется она в изменчивых вещах, которые к тому же еще и временны, потому что возникают и исчезают. Так, что же, (заканчивает Сократ), является более устойчивым и, следовательно, более реальным – идея, которая всегда есть, как она есть, и всегда одна и та же, или вещи, которые каждое мгновение становятся не тем, что они были секунду назад, да к тому же сегодня они есть, и сегодня же их может и не стать?

Платон – как музыка! И что мы из этой музыки возьмем? Во-первых – чувственно воспринимаемую базу, реальный мир, на котором базируется вся логика мысли философа. Платон нигде не оторвался от чувственного мира, и мы нигде не должны от него отрываться, если не хотим попасть в область «чистого философствования».

Во-вторых – нас должна вдохновлять определенная смелость мыслителя, совершающего уверенный логический переход от наблюдаемого к ненаблюдаемому. Ведь, и в самом деле - идею не потрогаешь и не увидишь, но если не выскочить из этого «потрогать и увидеть», то и мысль и дух также придется оставить в этих пределах, и в этом случае мы попадем именно в ту колею, о которой мы говорили выше – в науку, которая обретает только в материи, дошла до конца этой материи и вместе с этим концом закончилась сама как познание, превратившись в решение инженерных задач.

И в третьих – система взаимосвязи идеального и материального решается здесь оптимальным образом, то есть в виде некоего взаимодействия, которое невозможно вывесить на стенд достижений самого физического хозяйства, но которое реально присутствует в этом физическом хозяйстве в любом годовом или квартальном отчете в качестве основных показателей. Вот именно взаимодействие подобного рода, источника которого мы не видим, но результат которого налицо, нам и следует отыскать. Заякорившись, таким образом, на этих трех платоновских принципах, мы далее перейдем

к главному. В том смысле «к главному», что платоновский метод не нов, и нам надо теперь присовокупить к нему еще что-то свое.

И это главное будет заключаться в следующем – поняв ранее, что источник случайных включений в нашу действительность сверхприроден и нематериален, мы также должны понять и то, что *он, наподобие платоновских идей, имеет какие-то собственные характеристики, которые, реализуясь в физическом мире, становятся физическими свойствами этого мира*. Причем здесь надо понять основной смысл этого перехода внеприродных характеристик в свойства физического мира – свойства нематериального всегда противоположны материальному, и нематериальное, перенося свои характеристики в физический мир, наделяет этот мир противоположными себе (нематериальному) свойствами. При переносе нематериальной идеи в материальный мир должно происходить ее извращение относительно себя самой. Мы об этом и ранее много говорили – о противоположных характеристиках нематериального и материального, ибо как у всего противоположного, их свойства также должны быть противоположными.

Далее будем внимательны. Наше главное условие – увидеть результат невидимой причины *физически*, а именно – явственно и чувственно. То есть, мы ищем некое взаимодействие чего-то нематериального с физическим миром, и хотим воспринимать некие физические результаты этого взаимодействия своими органами чувств и своим сознанием. А это, собственно, и есть не что иное, как «познание», то есть восприятие данного нам мира данными нам ощущениями и сознанием. Подобное восприятие принято называть в философии «отражением». Практическое большинство философских школ согласны между собой в том, что человеческое сознание именно отражает действительность, а не создает ее. Исключением является лишь субъективный идеализм, в котором физический мир именно создается мыслью человека. Субъективный идеализм – это высшая форма философского мастерства, но он основан не на себе, а на тонких местах других философских школ, и способен их только рвать в этих тонких местах, используя данный факт в качестве доказательств собственных основ. Как философская система, субъективный идеализм глубоко вторичен, поскольку выстраивает себя через провалы своих оппонентов и доказывает себя через эти провалы. Серьезной собственной доказательной базы он не имеет. При всем уважении к красоте субъективного идеализма, более резонно, все-таки, нам сейчас склониться именно к «отражению» сознанием природы, а не наоборот.

Один из величайших умов философии, епископ Беркли, очень ловко поймал идеалистов и материалистов на их же принципах. Беркли говорит: вы (материалисты) утверждаете, что мир материален, а сознание вторично, а вы (идеалисты) утверждаете, что мир имеет духовное начало, а материя вторична. Следовательно, все вы резко и несоединимо разграничиваете сознание и материю, психическое и вещественное. Для вас для всех что-нибудь может истинно существовать либо психически, либо вещественно. А я вас всех спрошу (это Джордж Беркли их всех спросит) – как существует материя? Для меня (для Беркли) материя существует психически в моем сознании, в виде моих психических реакций на цвет, запах, ощущения, звук, зрительные соотношения и т.д. Никто не переубедит меня (Беркли), что материя не существует в моем сознании, что она не находится в нем психическим образом, и что она не является, вследствие этого, психической по своей сущности. И поскольку вы (материалисты и идеалисты) говорите, что материя существует еще и материально, то есть вещественно, а не психически, то я вас опять спрошу – как одно и то же может быть и психическим и материальным? Как оно может быть одновременно реально вещественным и реально психическим? Значит что-то из двух не реально, а что-то реально. Лично для меня (для епископа Беркли) более реальна моя психика, и, следовательно, материю следует считать полностью нереальной и не существующей вне моего сознания.

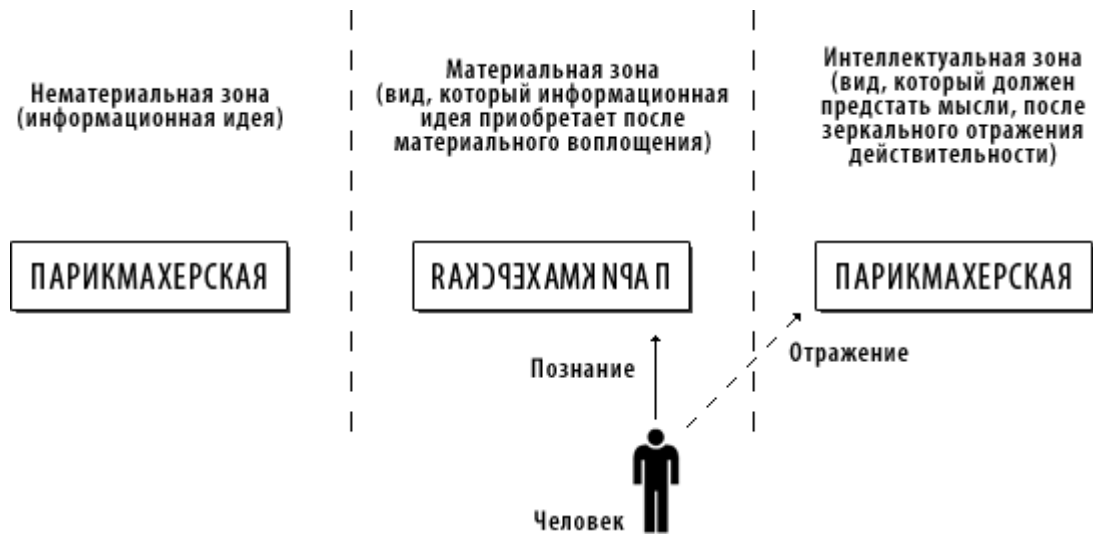
В XVIII веке философия еще была...

Но здесь (у Беркли) именно непревзойденное мастерство, оценить которое по достоинству даже не хватает восхищенного ума, но, все-таки, последовательность его выводов строится на упрямых крайностях соперничающих ему философских позиций, и сама его позиция также крайняя. А среднее, что примиряет всех в этом вопросе – это признание того, что человеческое сознание отражает реально существующую материю.

Итак, мы отражаем, и на этом термине построены все методы проверки достоверности наших познавательных возможностей. Но здесь, как представляется, допущена некоторая вольность в терминологии. Ведь на самом деле мы ничего не отражаем, а просто - воспринимаем. «Отражение» - это очень неточный термин, подразумевающий всего лишь то обстоятельство, что сознание не создает реальность, а фиксирует ее в себе наподобие зеркала, то есть *повторяет* в своих понятийных схемах. А ведь «отражение», если понимать этот термин точно, – это, прежде всего, перемена знака, перемена левого с правым, зеркальное, то есть обратное конструирование реальности. Мы же не отражаем мир, мы фиксируем его так, как нам это дано нашим сознанием.

Но при этом, как мы уже хорошо понимаем, мы фиксируем всё физическое уже в том виде, в каком оно некогда отразилось от своего нематериального источника. Почему «отразилось»? Потому что оно приобрело обратные свойства, перейдя из нематериального в материальное, поменяло знак, что и есть отражение. Таким образом, в познании *мы фиксируем отраженное*. То есть, мы воспринимаем вокруг себя в нашем физическом мире извращенное проявление нематериальной сути мира в том виде, в каком она, эта нематериальная суть, отразилась в материальных обстоятельствах. Мы просто воспринимаем физическое и все происходящее в обратном знаке тому, что наделило их своим смыслом. Так устроен наш мозг. Так устроены и наши органы чувств. Например, мы воспринимаем мир вверх головой и вниз ногами. Привычная картина – это когда человек стоит на ногах, а сверху у него голова. А на самом деле в мире всё наоборот - мы не стоим на ногах, опираясь на Землю, а висим вниз головой, прямо в пропасть космоса, прилипнув ногами к Земле. Всё остальное, что движется или покоится на земле и на воде, находится в точно таком же состоянии – приклеено силой притяжения, готовое всегда свалиться в бездонное межпланетное пространство. И данная картина на самом деле более соответствует реальности, чем та, которую рисует нам наш мозг, когда у него все очень надежно и основательно располагается на Земле, как бы упав на нее. Вот так при нашем восприятии теряется истинный смысл окружающего.

А что же нам нужно сделать, чтобы увидеть, или попытаться в какой-то степени увидеть за физическим его нематериальный источник, и, соответственно, его истинный смысл? Совершенно верно, нам нужно еще раз зеркально «отразить» всё наблюдаемое нами, чтобы за физическими фактами и взаимодействиями увидеть обратный им смысл, который и составляет собой сущность этих фактов и взаимодействий. Хорошо понять это можно на следующем рисунке:

Вот слева, на первом фрагменте рисунка, слово «ПАРИКМАХЕРСКАЯ» является тем самым информационным нематериальным источником (Платон нечто подобное называл «идеей»). В середине рисунка мы видим, как этот образ реализуется в материальной действительности, приобретая вид «ЯКСРЕХАМКИРАП». Этот облик мы *воспринимаем* нашим сознанием, и, совершенно естественно, что для того, чтобы данное слово прочесть правильно, нам следует его еще раз зеркально перевернуть, то есть теперь уж действительно «отразить». Это и есть тот метод, который предлагает автор. Давайте попытаемся перевернуть восприятие физического мира зеркальным образом. Причем особо хочется оговорить здесь то обстоятельство, что это нами будет делаться только относительно узкого участка взаимодействия материи с неким внеприродным источником, вносящим элементы оживляющей и управляющей случайности в жесткую стабильность субатомного и атомного мира. Как видим, пугающее вступительное многословие автора к данному методу обернулось вполне посильным и, будем надеяться, оправданным направлением работы мысли. Давайте, посмотрим, что нам это даст.

Для этого, прежде всего, мы должны не забывать о том, что нам надо разыскать или какое-то одно показательное взаимодействие, или какую-то небольшую группу подобных взаимодействий, потому что впасть во все детали бурной жизни мира элементарных частиц и их ассоциаций совершенно бесперспективно. Если мы попробуем это сделать, то затеряемся только в одних названиях и анкетных данных представителей этого мира. И, что самое важное, нам нужно такое взаимодействие, которое можно было бы распространить на весь мир.

Когда-то мы уже искали такой мировой феномен, и нашли его в виде закона всемирного тяготения при решении проблемы одной из ипостасей Бога. Свои функции для нас на определенном этапе этот закон уже исчерпал, и для нынешних задач мы его применить не сможем, потому что он распространяется своим взаимодействием далеко за пределы того среза материи, в котором мы оказались со своим исследованием. Данный мировой феномен, Гравитация, работает не только в микромире. Гравитация вершит порядок везде и повсюду. Нам же нужно найти такое же общемировое явление, как гравитация, но непосредственно работающее только в зоне элементарных частиц и атомов. Естественно, что, как все уже поняли из концовки предыдущей главы и начала нынешней, это будет – свет. Действительно, ничто другое сюда так хорошо не подходит, как свет. Свет – это еще одно всемирное явление, которое распространено повсеместно и во всех уголках. Если гравитация располагает материальные объекты в определенном порядке, то свет эти объекты все поголовно объемлет и заполняет собой всю вселенную. Он – достойный кандидат на ту роль, которую мы за ним предполагаем. Итак, если мы уже знаем «как» и «с чем» работать, то займемся этим в следующей главе.

Свет

Почему именно свет? Выше мы уже сказали – потому что это всемирное явление. Темноты или отсутствия света (в точном значении этих слов) во вселенной нет. Чтобы это понять, следует более полно и более точно охарактеризовать свет как таковой, поскольку мы обычно «светом» называем лишь видимый свет, так называемый «естественный свет», который воспринимается сетчаткой нашего глаза. На самом же деле воспринимаемый нами свет составляет всего лишь очень и очень небольшую долю всего излучения, существующего в природе. Весь мир пронизан невидимым нам световым излучением и по физическому смыслу никакой темноты и даже тени в мире нет, потому что это невидимое нами излучение проникает повсюду. Вот мы и привели более точный термин для света – *излучение*. В дальнейшем станет видно, что это не только более точная его характеристика, но и принципиально важная для нашей работы. Этот термин («излучение») очень правильно выражает суть того, что делает свет. Пока на этом остановимся и посмотрим, что это даст нашему методу «зеркального» или «обратного» восприятия действительности, который мы сейчас будем пробовать.

Говоря об излучении, мы всегда предполагаем какой-то его определенный источник. Мы каждый раз знаем, кто или что испускает то или иное излучение. Теперь, если мы это перевернем, то у нас получится (должно получиться), что наоборот свет не излучается, а поглощается источником. То есть получится никуда не пригодная чепуха. Чтобы это преодолеть, следует посмотреть, откуда берется излучение. Когда мы на это посмотрим, то увидим, что излучение всегда там, где совершается какая-то работа и какое-то взаимодействие. Сами по себе источники излучений, как объекты или физические сущности, производят испускание света не потому, что они именно вот такие излучающие, а в силу того, что в них происходят какие-то процессы *микромира*, связанные с энергетическими затратами или приобретениями. Это для нас уже интереснее, не так ли? Получается, что любое излучение (свет) всегда присутствует только там, где совершается какое-либо физическое взаимодействие или идет какой-то физический процесс именно на атомно-молекулярном или субатомном уровне. Любое излучение – это сумма излучений каждого отдельного электрона. Следовательно, искомый нами физический процесс случайных воздействий будет обязательно и неразрывно связан с испусканием света именно в той зоне материи, которую мы определили ранее в качестве подвергающейся руководящему случайному воздействию извне природы.

Совершенно очевидно, что это как раз то, что нам требуется, поскольку, как мы помним, если бы не случайности, то всё было бы мертвым и обособленным друг от друга, а случайное нарушает стабильность и делает мир живым. Совершенно очевидно, в свою очередь, что в стабильном состоянии атомов или молекул не происходит ничего такого, что нам было бы интересно. Нас особо должны увлекать те моменты жизни микромира, когда там теряются стабильные состояния и совершаются всякие случайные перемены. Это всегда происходит с затратами энергии, затраты же энергии всегда сопровождаются излучением, то есть светом, и, следовательно, мы как минимум не промахнемся мимо своей цели, если будем следить только за картиной излучения (света) в этих процессах.

Вот тут, на этом этапе мы и начнем применять наш познавательный метод и начнем рассматривать процессы зеркально. И что мы здесь обнаружим? Мы обнаружим *одновременность* физических процессов перехода атомов из стабильных состояний с наличием излучений. Как-то так принято говорить всегда в физике, что вот атом меняет свое состояние, «испуская при этом фотон». *При этом*. Считается, что электрон спрыгнул с уровня куда-то ниже по своей расчетной орбите, и при этом совершил излучение. С этим никто не спорит. Ну, почти никто. Нам же придется посмотреть на это совершенно по-другому, а именно – произошло излучение, и *вследствие этого* электрон сменил свой энергетический уровень. То есть, у нас – все наоборот согласно нашей методе.

Конечно же, физики-ядерщики, специалисты квантовых теорий, да и оптики сейчас с нами будут не соглашаться, но смеем уверить даже их – они не приведут достаточно веских доводов. Все происходит не просто одновременно, но даже одномоментно, это они должны признать. Мы ничего с ног на голову в физической картине не ставим, мы просто меняем местами причинность *одномоментно происходящих физических процессов излучения и производимой им работы*.

Разнообразные движения или энергетические изменения элементарных частиц просто «в нахалку» трактуются в качестве причин излучения. Хронометрических оснований для этого никаких нет. И не может быть. Потому что, кто там кого сопровождает, излучение какой-то процесс, или данный процесс идет вслед излучением, можно предполагать только через причинные преференции, то есть умственно. Физически же это процесс совместный и одномоментный. Излучение считается «сопровождающим» всего лишь потому, что вот таков взгляд на мир обычного ученого – исследуется некий процесс, он кажется важным и поэтому все остальное считается побочным, и, (главное), этот важный процесс физически регистрируется, исследуется, и человек считает его доминирующим, а поэтому все остальное считается *сопровождающим*. Это легко увидеть даже на том, как подаются примеры взаимодействий уже в начальной физике. Любой учитель, описывая столкновение двух шаров, исходит из того, что причина столкновения находится в катящемся шаре. Но это не причина столкновения. То, что шар катится, имеет свою причину, но это относится лишь к причинам, порождающим его движение. Столкнутся шары не по этой причине. И даже не по той причине, что некий шар встанет на пути другого шара, так как причина этому находится в том, что кто-то его установил на данную траекторию. Причина в том, что физические тела не могут проходить сквозь друг друга. Это – истинная причина. Остальные – искусственные. И когда покатится от удара покоящийся шар, то причина тоже не в том, что его толкнул другой шар, а во втором законе Ньютона. И так далее. Причина всегда реализуется только там, где происходит *одномоментное взаимодействие*. Все остальное – надуманные причины предварительных предпосылок к главной причине. В этом одномоментном взаимодействии просто дико применять хронологию – что сработало раньше: второй закон или непроницаемость физических тел? Никакой хронологии здесь по смыслу процесса нет, ибо все было одномоментно, но учитель физики будет всегда говорить именно о том, что столкновение шаров «приводит» к тому-то и тому-то, то есть *сопровождается* различными физическими процессами, имеющими вид таких-то и таких-то физических законов и особенностей. Но нам же должно быть теперь уже понятно, что именно данные физические законы и произвели данное столкновение. Они и были основными причинами. Не будь их шары или прошли бы сквозь друг друга, или просто прислонились бы один к одному.

И, если мы уже такие понятливые, то мы увидим относительно процессов, связанных с излучением, что самое важное в момент подобных взаимодействий – это непосредственно излучение, (испускание фотонов), посредством чего и совершается данное действие, приводящее к изменению стабильного мира. Еще раз акцентируемся на этой мысли – не какой-то процесс сопровождается излучением, а излучение совершает данный процесс.

На этом также пока остановимся, ибо нам надо как-то собирать постоянно вместе всё, что следует из свойств и характеристик света, чтобы всякий раз не вести отдельной локализованной темы, а увязывать разговор в единую комплексную картину.

Теперь посмотрим, может ли излучение производить какое-либо физическое действие, которое мы за ним предполагаем. Несомненно может, поскольку излучение – это и есть непосредственно действие, так как за излучением стоит некая энергетическая затрата, то есть происходит какая-то физическая работа. Любой фотон, поглощаясь частицей вещества, сообщает этой частице какое-либо количество движения. Излучаясь частицей вещества, фотон точно также сообщает ей определенное реактивное движение.

То есть фотон может совершать работу. Поскольку любое взаимодействие фотона – это, прежде всего, взаимодействие с электроном, то относительно этой самой маленькой и самой легкой частицы можно с уверенностью сказать – фотон может механически с ней сделать все, что захочет, если он этого захочет. Фотон вполне может осуществлять работу на электроном.

Пожалуй, нам следует здесь еще раз оговориться, что вопрос, которого мы касаемся – очень узкий, и касается он только того, что происходит на элементарном уровне, когда стабильные состояния атомов и других ассоциаций частиц *нарушаются*. Надо сказать, что атом чудовищно стабилен. Например, сила притяжения, которая удерживает космические объекты весом в миллионы тонн на скоростях в сотни километров в час (!), считается по классификации энергетических потенциалов не самым сильным взаимодействием. Оно вообще считается слабым. А какое самое сильное? А самое сильное то, которое содержит части атомного ядра вместе. Оно так и называется – «Сильное взаимодействие».

При таких невероятных силах, и ядро, и сам атом, должны быть исключительно стабильными, а вся наша природа должна быть уравновешена в подобном состоянии намертво и никаких изменений ни в веществе, ни в связях между атомами или молекулами быть не должно. Мир при таких силах внутри и вокруг атомного ядра должен быть просто распределен по обособленным, неизменным и невзаимодействующим атомам. Но природа находится в постоянном изменении, где вещество вступает в разнообразные взаимодействия, благодаря чему наш мир, собственно, и существует в этом живом виде - в движении и в различных превращениях своих состояний. Что заставляет мир выходить из сцепленного мертвого паралича? Как очень частный случай, например, – радиоактивный распад атома, когда атом становится совершенно другим. Как происходит распад? Самопроизвольно. Внешних причин распаду атома нет. Атом сам совершает по самокоманде в какой-то нужный ему самому момент распад и превращение. Случайное? Несомненно. Это абсолютно случайный процесс, который выводит мир из состояния стагнации. Таким образом, это тоже тот процесс, который нас интересует. Данный процесс всегда сопровождается излучением, то есть *работой фотонов*.

Более общий вид случайного процесса изменения стабильных состояний, (выходящий уже за пределы ядра в его окрестности) – ионизация. Это скромное на вид явление, когда в оболочке атомного ядра становится электронов или больше или меньше, является поистине чудодейственным для природы и вершит в ней все видоизменения веществ. Заряд электрона (или всех электронов атома) противоположен и равен заряду ядра, поэтому атом имеет нейтральный заряд, и не может ни притягиваться, ни отталкиваться другими атомами. Нейтральные атомы могут жить только по соседству, не объединяя подворий и наблюдая друг друга только издалека. Именно ионизация непосредственно обеспечивает возможности межатомных связей и взаимоотношений, потому что как только электрон в составе атома убывает или прибывает, у атома соответственно появляется или положительный или отрицательный заряд. Без ионизации не существовало бы никаких вещей, существовал бы только мир атомов, ничего не знающих друг о друге и не способных соединяться вместе и создавать химические элементы (молекулы). Как происходит ионизация? Например, выбиванием электрона с его места на атомной орбите фотоном, попавшим в пределы атома во время своего полета по своим делам (также совершенно случайный процесс). Это главный вид ионизации – ударная ионизация. При этом у нейтрального атома с потерей электрона появляется заряд, и он начинает взаимодействовать с другим атомом противоположного заряда. Помимо данного способа есть еще почти неисчислимое количество разных вариантов ионизации. Но, во-первых, эта, ударная ионизация, наиболее массовая, а, во-вторых, остальные многочисленные виды ионизации для различных агрегатных состояний веществ, несмотря на то, что мы их здесь не перечисляем (нет надобности), происходят совершенно по тем же причинам, а именно – *без всяких причин*, абсолютно случайно и безо всякой видимой

системы физических предпосылок. При этом все процессы случайной ионизации *обязательно сопровождаются излучением фотонов.*

Помимо ионизации на микрофизическом уровне происходит еще один процесс, который мы объединим одним названием – переходы молекул, атомов и или атомных ядер из одного состояния в другое. Здесь также все происходит случайно, самопроизвольно и беспричинно, причем, (что следует отметить обязательно) – данный физический факт микромира напрямую признан *одним из механизмов возникновения излучений.* То есть мы и здесь можем говорить о том, что свет присутствует в качестве деятельного и обязательного компонента перемен. И здесь повторим, что было раньше – мы теперь предполагаем, что не какой-то механизм является причиной возникновения излучений, а наоборот.

Итак, мы видим интересную картину – весь наш неслучайный мир существует в своем разнообразии и в своих живых связях вообще *только благодаря случайным процессам!* Вот он, тот самый случай, который творит вокруг нас все не случайное! Причем во всех этих процессах участвуют фотоны, то есть свет. Похоже, мы попали на правильный путь, когда выбрали свет.

Теперь немного вернемся назад и вспомним, какие проблемы породило несоответствие размеров фотона размерам элементарных частиц для возможности наблюдения за квантовым миром. Мы говорили, что фотон совсем как громила, который врывается в отдел фарфора и фаянса, бьет там битой всё, что есть, в мелкие кусочки, причем вместе с прилавками, а потом зовет наблюдателя полюбоваться дизайном выкладки товара на полках. В итоге наблюдатель придумывает уничтоженный дизайн сам, по своему вкусу. Сейчас нас интересует другая сторона этого явления – повсеместность данного погрома. Дело в том, что весь *невидимый нами свет*, охватывающий все уголки вселенной – это те же самые фотоны-погромщики, только с разной длиной волны. Радиоволны, инфракрасные волны, тепловые излучения, ультрафиолет, рентген-лучи, радиоактивное излучение - всё это потоки фотонов, постоянно пронизывающие весь мир во всех направлениях. Это природные излучения. А физики постоянно «заглядывают» в квантовый мир, пуская туда различные направленные излучения, и, соответственно, производя там определенные погромы уже не природного, а рукотворного характера.

Благодаря данному факту даже родился тезис «Наблюдатель создает вселенную». Здесь подразумевается, что не всё так просто теперь в микромире, потому что наблюдатель (ученый-естествоиспытатель) с той или иной целью совершает в него проникновения своими сигналами, которые производят там определенные физические воздействия, и никто теперь уже не может говорить о том, что микромир существует сам по себе и только по условиям своих внутренних процессов. Теперь в этих процессах своими погромами участвует наблюдатель! Кроме того (по версии сторонников данного тезиса), никто теперь не может говорить о том, что данные вмешательства наблюдателей в зону процессов микромира не могли бы порождать «серьезных последствий» для его основы! То есть, сам того не подозревая, человек как бы уже начинает творить новую вселенную вокруг себя, вмешиваясь во взаимоотношения физических первооснов окружающего мира своим активным наблюдением.

Может быть, здесь стоит напомнить о том, что, как и у любой спекуляции, у данной спекуляции есть также некая здоровая ценность, которая, будучи втянутой в систему спекулятивных аргументов, извращается и приобретает мнимое значение. Такая ценность есть, и это непосредственно сам тезис о создании наблюдателем вселенной, который выдвинул Вернер Гейзенберг. Однако Гейзенберг ничего никогда не говорил о том, что создается действительно *физическая вселенная.* Вернер Гейзенберг провозгласил данный тезис, когда с ироничным удивлением объявил ученому миру, что теперь наблюдатель (ученый) создает вселенную (ее математическую модель) совершенно в соответствии с *платоновским методом математизации идей.* Он просто раскрыл ученым глаза на то, что с приходом квантовой и ядерной физики, ученые, объявляющие себя

сторонниками «линии Демокрита», то есть материалистами, на самом деле, незаметно для себя, давно уже перешли на «линию Платона», то есть на те идеалистические позиции, исходя из которых Платон предлагал считать атомы геометрически правильными телами, поскольку это дало бы возможность сначала геометризовать, а потом и математизировать картину природы. Чем мы занимаемся сейчас? – спрашивал Гейзенберг – разве не тем, что предлагал Платон? То есть, разве не идеалистической математизацией физического мира? Мы (говорил Гейзенберг) именно это и делаем, причем абсолютно в лучших традициях идеалистического пифагорейства и платонизма – создаем математические идеалистические модели мира *из своей головы*. Вот таким образом понимался им тезис «наблюдатель создает вселенную».

Сейчас этот тезис через факты лабораторных проникновений вдруг уже переносится в микромир *непосредственно физически*, и теперь ставится не просто задача какой-то оценки масштабов последствий подобного вмешательства, но напрямую ставится цель (чего уж там скромничать!) научиться воздействовать на микромир таким образом, чтобы действительно творить нужный человеку физический мир прямо через сами его основы. Причем задача сначала ставится локальная – например, наваять из молекул и атомов райский остров в океане с идеальным климатом, и начать там жить. А далее – видно будет. Заманчиво. Но, к сожалению, придется сообщить сторонникам данной идеи одно пренеприятнейшее известие – воздействия, аналогичные тем, которые изредка производят наблюдатели на экспериментальных установках, *ежесекундно производятся фотонами во всех уголках вселенной в каждый самый короткий момент ее существования*. Что здесь можно говорить о тех самых *серьезных последствиях*? Весь наш мир, как очевидно, это и есть – то самое «серьезное последствие» погромного действия фотонов на микромир.

Свет не просто существует в мире, он *заполняет собой* весь мир. Каждый вид излучения имеет свой спектр, который четко фиксируется, но переходы между этими спектрами просто смазаны. Границ нет. Свет существует сплошным единым излучением с разными характеристиками в своих составных частях, и все эти потоки света бомбардируют и атомы, и отдельные элементарные частицы постоянно и очень жестко. Совсем точь в точь, как в лабораторных опытах. То есть весь микромир находится в состоянии непрерывного избиения фотонами, в состоянии полного погрома и беспорядка. Этот красивый мотоциклист постоянно врезается в эту прогуливающуюся толпу, причем не один, а целыми дивизиями. Однако – мир упорядочен и удивительным для данных обстоятельств образом стабилен и прогнозируемо распознаваем. Что же постоянно корректирует это беспорядочное и хаотичное воздействие фотонов и других элементарных частиц, что собирает этот расколотый фарфор в изящные изделия и выставляет их каждое на свое место? Как это вообще может быть возможным? *Это может быть возможным только в том случае, если именно данная бомбардировка как раз и создает и обеспечивает этот порядок*. Постоянное сталкивание элементарных частиц с фотонами – это даже не постоянно действующий повсеместный эпизод, это *непосредственно форма существования микромира*. Если бы фотоны своими ударами не формировали этого порядка, то массовым воздействием подобного рода (а по некоторым подсчетам масса фотонов от всего вещества вселенной составляет около 80%) они бы просто разрушали вообще любой порядок, который даже эпизодически мог бы создаваться.

Вот теперь, сознательно запнувшись ранее на понятии «работа фотонов», мы вернемся к нему и посмотрим на данное понятие несколько расширенно. Здесь нам становится совершенно очевидным, что подобная «работа», охватывающая весь мир и выводящая микромир из замкнутого и мертвого состояния в режим способности к взаимодействиям, не может пониматься, как только тупо механическая. Весь мир является как бы некоей лабораторией, в которой некий Наблюдатель извне мира проводит операции по организации материи излучением. Такая работа должна пониматься как

организационная, корректирующая, созидательная и организующая. То есть – подчиненная определенному плану, определенной *информации*. Вопрос источника информации мы пока опустим, и разберемся в том, как может всё это сопрягаться в один конгломерат: информация и свет? Ведь, если мы предполагаем, что фотоны (свет) это инструмент практической реализации некоего информационного задания, то фотон должен и понимать информацию, и содержать ее в себе. Почему? Потому что Наблюдатель находится извне мира, а фотон в мире. И если фотон эту информацию от потустороннего Наблюдателя получает, то работать по ней, как по инструкции, он должен в зоне мира уже самостоятельно! Реально ли это?

Вообще-то споров о том, что свет является поставщиком информации, быть не должно. Все знают, что основную долю информации нашему мозгу поставляет именно свет, когда он поглощается зрительными нервами глаза. Но это не ответ на наш вопрос, потому что зрительное снятие информации из света – это момент сиюминутный и вполне механический в своей простой основе, когда волны света отражаются от предметов и попадают нам в зрачок. Смысл этого научного знания велик, и заслуга эта принадлежит арабским оптикам, которые в средние века пришли именно к данному выводу – какие-то лучи от предметов попадают в глаз и создают там картинку. До средневековых арабов еще с античных времен твердо считалось, что, наоборот, из глаз идут лучи, которые ощупывают предметы и передают информацию человеку. Арабы здесь отметились более чем просто развитием оптики, они дали понятие о свете как о носителе информации. Но все равно свет здесь не столько хранит информацию или понимает ее, сколько просто переносит, если быть точным в требованиях к сути процесса. Поэтому вопрос в другом – может ли свет не только передавать текущую информацию, но и хранить ее вне видимого источника этой информации, то есть *вне объекта*, отражающего данный свет?

Даже не касаясь никаких физических аспектов возможности хранения информации светом, отнесемся к данной гипотезе положительно, потому что для этого есть несомненные физические же основания. Представим себе звезду, которая излучает свет. Этот свет попадает в телескоп и астроном из этого света извлекает информацию о данной звезде. Проще говоря – он ее видит. Вроде бы ничего таинственного. Но теперь представим себе более парадоксальный случай, не столь редкий, кстати, для астрономии. А именно: звезда родилась, прожила свой век и погасла. Через невообразимое количество времени свет от давно угасшей звезды попадает в телескоп того же астронома, и тот видит ту же самую информацию о звезде, которой нет в природе уже миллионы и миллионы лет. Он сможет даже увидеть на ней последние исторические события. То есть, свет, отрезанный от своего источника, шел какое-то непредставимое для человека время через просторы вселенной сам по себе, отдельным массивом, пересекал парсеки и световые годы, неся в самом себе информацию об угасшей звезде. Хранил он информацию или нет? Несомненно – хранил. Что бы там не происходило на его пути, какие бы воздействия он не испытывал, а информацию он донес. Мы знаем, что при этом он обязательно подвергался действию различных внешних излучений, обтекал какие-то физические объекты, проходил через гравитационные поля, испытывал сильнейшие возмущения других полей галактического масштаба, но информация в нем не разрушилась. Следовательно, свет может сохранять и переносить информацию.

Отсюда перейдем еще к одной, пожалуй, самой удивительной способности света – его лучи, накладываясь один на другой, или пересекаясь между собой, никак не воздействуют друг на друга и не смешиваются. То есть – не взаимодействуют! Любой свет – это поток элементарных частиц, а по всем законам физики элементарные частицы должны между собой взаимодействовать, если их траектории пересекаются. Но только не в случае со светом! Каждый пучок света живет закрыто, сам по себе, и, встречаясь, эти пучки просто проходят сквозь друг друга, не нарушая... чего? Естественно, той информации, которую эти пучки содержат. То есть – свет несет информацию файлами! Закрытыми пакетами информации, обособленными через свои взаимно-отсылочные

связи! Следовательно, он не только переносит, но и как-то *понимает* информацию, поскольку разделяет ее в себе от любой чужой и не дает в обиду.

Именно благодаря данной особенности света, мы, взглянув в окно, получаем информацию о мире *пообъектно*. От каждого объекта, от самого маленького и до самого большого, отражается свой пучок света и сразу же начинает сталкиваться с другими пучками. Прежде, чем что-то попало бы в наш глаз, фотоны пересекающихся пучков должны были бы просто перемешаться и представлять из себя невероятную мазню непросматриваемых фрагментов окружения. Но мы видим дерево, гаражи, подъехавшее такси, отдельных людей и т.д. Лучи света от каждого из этих объектов идут в наш глаз, пересекаясь, накладываясь и смешиваясь позиционно в пространстве под разными углами и в полной свободе, но каждая информация по каждому объекту сохраняется в неприкосновенности. Следовательно, информация в составе света – это *не* структурное расположение его частиц, это что-то *надстоящее* над этими частицами, устраняющее помехи. Тайна этого свойства наукой не разгадана, и нам это тоже не под силу, но вывод можно сделать определенный – свет хранит и передает информацию именно файловым способом, где информация собирается и охраняется модусом какой-то программы, которая обеспечивает подобную цельную группировку неискажаемых ничем сведений. Итак, свет может хранить и понимать информацию, и что нам помешает предположить в данном случае, что он может данную информацию использовать в своей работе, когда он организует микромир, если Кто-то или что-то его этой информацией наделяет?

Теперь посмотрим, что это за информация. Вспомним, что свет – это излучение, а излучение – это кванты. А кванты, как все знают – это наименьшая порция излучения, наименьшая энергия, и, следовательно, *наименьшее возможное действие*. Любое внешнее воздействие на квантовом срезе происшествий может свершиться только при *строго определенном значении энергии*. Другое «какое угодное» воздействие, то есть просто как таковое, не будет здесь осуществляться, поскольку в этих случаях необходимы однозначные параметры тех энергий, которые могут поглощаться. Если гвоздь можно забить ударом в 15 килограммов, то его можно забить и ударом в 150 килограммов. Но в квантовом мире квантовый гвоздь можно забить только ударом в 15 кг, а удара в 150 кг он даже не почувствует. Необходимы строго выверенные параметры энергии для осуществления взаимодействия.

Данные же строго выверенные параметры всегда кратны определенному количеству квантов, то есть, проще говоря, величина энергии, необходимая для взаимодействий в каждом случае микромира, набирается из каких-то наименьших квантов. У света - квантовая природа. Следовательно, свет может переносить не просто рабочую информацию, он может переносить ее *в строго дозированном для каждого необходимого случая виде*. Он может набирать необходимое и нужное действие из этих квантов наименьшего действия. Если нужно 15 кг, то свет может набрать ровно 15 квантовых килограммов из своих минимальных единиц энергии (квантов). Как мы знаем, теория информации, как таковая, также предусматривает необходимую минимальную единицу информации (бит), поскольку любой объем информации не может быть бесконечно делимым. Всегда есть некий квант информации, из которого собирается вся остальная наборка сведений. В данном случае свет, как обладатель в своем составе подобной минимальной формы информации, (кванта минимального действия), вполне укладывается в понятие «информационный носитель». Мы этому рады.

Если вспомнить здесь великое открытие Мопертюи о том, что в природе всегда для каждого необходимого взаимодействия применяется минимально необходимое количество энергии, то, как раз именно свет это прекрасно демонстрирует своими возможностями. Квант – минимум энергии, и самое минимальное действие. Чем большая насыщенность у света, тем больше в нем квантов и, соответственно, энергии, и тем большее действие может быть им произведено. Если свет знает, где и сколько нужно ему затратить энергии, он может из своих квантов собрать ровно минимально необходимый

для этого потенциал. Для квантовой природы света это всего лишь дело техники, процесс простого сложения минимальных сил, имеющих в его распоряжении. Свет с этим легко мог бы справиться и действительно всегда мог бы в рассматриваемых нами взаимодействиях соответствовать закону Мопертюи. Естественно, что он для этого должен быть «умным», чтобы уметь избирать наименьшее необходимое усилие. То есть, фотонами должна руководить какая-то информация, которая знает, какой нужен в каждом случае энергетический уровень.

Однако, фотон сам по себе - это не только частица, но и волна. И поэтому его энергетический уровень (квантовый набор) определяется не его массой, скоростью или зарядом, которого у фотона (как у частицы) вообще нет. Энергию он получает совсем от другого – от своей волны.

Именно волновая природа фотона определяет то, с каким усилием будет производить свое механическое действие фотон как частица. Энергия фотона (его рабочее квантовое усилие) строго пропорциональна частоте, то есть, пропорциональна *волновой составляющей* света. Таким образом, получается, что частота (волновая природа фотона) определяет уровень усилия для совершения работы, а частица (корпускулярная природа фотона) эту работу исполняет в полном соответствии с тем, что задала волна. Зачем мы это повторили еще раз? Чтобы понять окончательно, что «умная» часть фотона находится в его волне. А зачем мы это поняли? Затем, чтобы уяснить, что информация всей работы фотона должна находиться в его волновой составляющей. То есть волна – это ум фотона, это то, чем он понимает.

Определившись, таким образом, с вопросом, где именно хранится информация (в волне), мы получаем очень интересную картину света – волновая природа света знает, куда надо придти и с каким усилием осуществить воздействие, а фотон слушается волну, направляясь туда, куда она приведет, и совершает там работу как частица. Здесь мы подошли к тому моменту, о котором говорили выше как об этапе, который требует определенной смелости для выхода за границы «потрогать и увидеть». Однако здесь нам для подобного шага уже легко набраться смелости, поскольку *волновая природа* вещества в трактовке самой физики, давно уже совершила этот выход за те пределы, которые сама же физика так свято охраняет.

Атомный мир и квантовые взаимодействия – это как книжка «Раскрась сам», где есть определенные известные точки физической картины, которые соединяются между собой различными теоретическими контурами. Зоны в пределах этих полученных контуров раскрашиваются физиками с помощью различных математических моделей. Во время заполнения таинственной пустоты очередного гипотетически вычерченного контура когда-то и возникло понятие о волновой природе вещества, и возникло оно как противодействие теории квантового скачка. Когда говорят о квантовом скачке, то, естественно, имеется в виду электрон, который перескакивает с орбиты на орбиту. Но при этом часто забывают, что речь-то идет не просто о скачущем электроне, речь идет о переходах из одного состояния в другое *целого атома*. И весь парадокс этих переходов состоит в том, что атом, (реально существующий атом), в процессе перехода из одного физического состояния в другое не имеет никаких промежуточных физических состояний! Чтобы это понять во всей парадоксальности, представьте себе подростка, с которым вы знакомитесь в электричке, выясняете, что он мечтает стать знаменитым футболистом, беседуете далее, и он прямо в процессе своего монолога, непосредственно между звуками «а» и «б» следующего слова, превращается в старца, который показывает в своем кабинете макеты мостов и виадуков, которые он за всю свою долгую жизнь настроил.

Именно такие чудеса творит с атомом электрон, когда меняет свои орбиты. При этом сам электрон также не имеет никаких промежуточных состояний. Он просто исчезает с одной орбиты и тут же появляется на другой. Это должно произойти *абсолютно одновременно*, иначе будет нарушен закон сохранения вещества. Смелые Бор

и Гейзенберг решили, что не будет большой беды, если поверить в то, что природа в какой-то момент может стать непознаваемой, а вне природы может быть что-то, что этой природой руководит. Эта позиция встретила сильное внутреннее сопротивление Шредингера, который решил бороться за непрерывность материи насмерть, (почти две тысячи лет материя считалась непрерывной в изменениях, а тут – скачки!). Он создал волновую концепцию квантового мира, где вместо скачка было непрерывное пространственное изменение вещества в форме неких волновых пакетов. Но у него получилось, что у этих, спасающих материалистические традиции, волновых пакетов, ... нет никакой массы. То есть они, эти волны непрерывной материи, все-таки, - не материальны, поскольку у них нет никакой физической плотности. Так физика перешагнула тот самый порог «потрогать и увидеть». Впрочем, это более оказало влияние на самого Шредингера, который впоследствии склонился к идеалистическому мировоззрению. Основную же массу физиков такими простыми вещами, как нематериальная основа поведения материальных частиц, с толку не собьешь. Поэтому основная масса физиков – не Шредингеры. Но и они все горой стоят за шредингеровскую волновую механику, где электрон направляется некоей непрерывной волной.

При этом электрон в этой волновой теории трактуется как волна-частица сразу. Таким образом, высветилась (только для нас) очень интересная концепция электрона – одна его часть нематериальная (волновые характеристики), а другая – материальная. Опытами это подтверждается. Особенно красив опыт с электронной пушкой. Это – великий опыт. Причем настолько же гениален, насколько прост. Была изготовлена так называемая электронная пушка, то есть устройство, в которое с одной стороны электрон входит, а из другой выходит через отверстие, совпадающее с ним по размеру. Этим образом удалось все электроны перед выстрелом устанавливать в абсолютно одинаковые, просто-таки тождественные начальные координатные условия. Согласно законам баллистики электрон, если он частица, вылетая из пушки, должен преодолеть расчетное расстояние и отметиться на специальном экране черной точкой. Следующий электрон должен был полностью повторить полет предыдущего и попасть в ту же точку, поскольку все электроны одинаковы, а исходная позиция для всех электронов идентична.

И вот стрельба началась. И что же? Ни один электрон не летел по расчетной траектории, и каждый летел туда, куда хотел. Каждый – в новое и непредсказуемое место на экране! Объяснить поведение снаряда, выпущенного из гаубицы, если он после выстрела летит не по баллистике, а куда-то влево «навкосо», а следующий снаряд – вправо и вверх, третий снаряд пошел низом и т.д., совершенно невозможно. Это было бы признано просто кошмарным сном орудийного расчета и руководителей стрельб. Для электрона это точно такой же кошмар. Не надо забывать, что электрон - это реально существующее маленькое ядро, реально вещественная частица материи, и объяснить то, что он летит не по законам баллистики сложно. Но для электрона объяснение нашлось – это его же волновая природа тащит его в разные непредсказуемые стороны, уводя с траектории, которой он строго придерживался бы, будь он только частицей. При этом данную волну называли «волна-пилот», (то есть тот, кто руководит полетом), но при этом десять раз оговорили, что эта волна-пилот, или «пси-волна» («пси» означает здесь психоидное поведение, то есть с аналогом некоего волевого выбора), не имеет никакой материальной основы. Тоже смелые были люди (Борн и Шредингер).

Но настоящие чудеса начались чуть позже. Когда посмотрели на этот специальный экран, пестрящий черными точками отметин, то увидели, что беспорядочная каждый раз траектория каждого отдельного электрона потихонечку от выстрела к выстрелу складывается *в абсолютно упорядоченную картину* равномерного распределения попаданий всех электронов! Каждый отдельный выстрел был по результату непредсказуем и случаен, а заключительная картина стрельбы отражала *закономерное распределение*. От опыта к опыту все повторялось, и, чтобы не прослыть мистиками, все

это стали объяснять математической вероятностью. Теоретиком, ведь, безопаснее называться, чем мистиком. Это понятно.

Однако здесь в очередной раз произошла просто подмена факта его описанием. По сути дела нет ничего проще, чем через вероятность описывать тот процесс, который всегда закономерно завершится тем, чем он всегда завершается. Тут никогда не ошибешься. Но даже на эту простоту не было никакого права, потому что вероятность не может безвариантно рисовать всегда только правильно выполненные зоны плотности.

Здесь смелости уже не хватило. Здесь нам придется взять всё на себя и объяснить это другим образом – электрон это первый бастион нематериального в материальном, в нем *уже есть* физическая составляющая (масса, энергия, заряд, единичность), но в нем *еще остались* приметы его истинной генетики – «умные» нефизические свойства, которые (следует особо отметить) не подчиняются ни законам классической, ни законам квантовой механики, а просто являются носителями какой-то руководящей, «пилотирующей» электрон, информации. Существование пси-волны, направляющей электрон то туда, то сюда в этом опыте, говорит нам о том, что не по классическим и не по квантовым, но по каким-то, несомненно, строгим информационным устоям, эта волна создает необходимый для каких-то целей определенный порядок. Когда художник набрасывает кистью на картину мазки, то это тоже похоже на пси-волну, которая водит его рукой, поскольку мы не видим конечного замысла. Но мы здесь не успеваем применить математическую вероятность, потому что художник довольно быстро оформляет эти мазки в какую-то картину, и нам становится понятно – *те движения его руки, которые казались нам случайными, самопроизвольными и беспорядочными, были наоборот осмысленными и строго подчиненными определенной задаче*. Что-то мешает нам сказать о волновых свойствах электрона то же самое. Точнее – не нам. Нам ничего не мешает.

Итак, по полученным выводам мы можем сказать – волновые свойства материи это всего лишь хранилище той информации, источник которой от нас скрыт за пределами природы. В данном случае это не материальное свойство материи, а информационное. Если автора спросят сейчас, не покушается ли он на *один из фундаментальных законов физики* о том, что материя имеет волновую природу, то он ответит уклончиво, но бесстрашно – да, я не верю в волновую природу материи. Бесстрашие автора главным образом продиктовано тем, что даже самые горячие поклонники дебройлевской волновой природы материи не знают моего домашнего адреса. И еще немножко тем, что трудно поверить в то, что какие-то материальные свойства, присущие самому маленькому кусочку материи (электрону), могут не увеличиваться, а пропадать, если этих кусочков материи становится все больше и больше. Такого не бывает. Гравитация это не что иное, как сумма притяжений именно самых маленьких кусочков материи. Вся сила притяжения Земли, например, складывается простым сложением сил притяжения каждой самой маленькой частицы материи в составе Земли. Свет это тоже не что иное, как сумма излучений самых маленьких кусочков материи. Инерция также проявляется тем больше, чем больше будет тех же самых кусочков материи, каждый из которых обладает своей долей инерции. А с волновыми свойствами той же самой материи – все наоборот? Если электрон – это волна, то представьте себе, как должно трепыхать сейчас нашу планету! Какой это должен быть шторм! Однако никаких волновых свойств нигде не замечено, кроме тех, которые тоже нигде не замечены, но которыми можно было бы исключать из природы квантовые скачки. При этом выдвинут лозунг, что чем больше материи, тем меньше проявляются ее волновые свойства. Хотя во всех остальных случаях всегда наоборот – чем больше материи, тем сильнее проявляются все ее свойства. Но эти аргументы автора, как повод для подобных бесстрашных предположений, конечно же, – мелочь. Главное – тайна домашнего адреса...

А еще главнее – убежденность, что волновые составляющие и света и электрона именно информационные, и, следовательно, *мир имеет информационную основу, которая*

*есть его концептуальная база, а материя в этой базе лишь подчиняется какому-то информационному сердцу мира. А еще главнее в нашем частном случае и на данном этапе, это то, что излучение, как информационный эффект, если его понимать как причину происходящего, может объяснять многое. А самое главное то - что пора уже переходить в познании к простому принципу – надо искать не то, что может быть само объяснено, а то, что само объясняет. Именно здесь нас с наукой разделяет основной принцип разности задач – наука хочет объяснять и скачет с одного объяснимого камушка на другой объяснимый камушек. При этом большие острова, которые сами могут объяснять, но которые невозможно объяснить, наукой не замечаются, и она так и будет вечно скакать по этим камушкам *собственных познавательных пределов и устоев*. И в этом совершенно нет никакой беды – вот пусть хоть кто-нибудь сейчас скажет, какую такую задачу, необходимую для всего человечества или для души только одного человека решает наука? Разве не видно, что совсем наоборот – наука просто потакает стремлению человека удовлетворять все больше и больше своих физиологических потребностей? Как ханыга думает день деньской только о бутылке, так и всё человечество, подобно некоему коллективному ханыге, думает только о потреблении и ставит на службу этому науку. И при всем при этом, наука не объяснила и не разгадала еще ни одной тайны природы, она их только *обнаружила и описала*.*

Нам же, чтобы поверить самим в то, что мы только что вывели, надо всего лишь окончательно осознать, что наука, это такое же ремесло, как печь пироги или шить сапоги. А познание мира – это процесс, доступный в равной степени и ученому, и сапожнику, и пирожнику. И в этом процессе не имеет никаких преимуществ тот, кто знает разницу между адронами и лептонами, перед теми, кто не знает разницы даже между атомом и молекулой. Хочу напомнить, что Демокрит не знал ни того, и ни другого. *Он просто думал*.

Но любое новое знание – это всего лишь новая, более сложная ступень незнания, и не больше. И поэтому сам процесс познания, одновременно со всей своей общедоступностью, в равной степени недоступен до конца, ни ученому, ни пирожнику. Потому что познать мир изнутри нельзя – слишком много у него связей с инобытийным этому миру, которое непосредственно руководит его процессами. Познать нельзя, но можно найти что-то объясняющее, которое также может оказаться непознаваемым, то есть – необъяснимым.

Никогда не следует бояться того, что нечто необъяснимое очень хорошо может объяснять. Потому что «необъяснимость» - это не его свойство, это лишь наши возможности. А вот «способность объяснять» - это его свойство, и что же нам отказываться от его свойств только из-за ограниченности наших возможностей?

Собственно говоря, в этом вообще нет ничего страшного. Инерция, например, очень хорошо всё объясняет, но сама не объяснима. Как и электрический заряд, кстати. И вообще - кто сказал, что обязательно должно быть само объяснимым то, что объясняет? К этому можно стремиться, но это не следует делать обязательным условием принятия объяснений. Знаменитая бритва Оккама, если ее правильно понимать, требует именно этого. Оккам (средневековый логик, кстати) в свое время выдвинул строгий тезис о том, что если найдено некое объясняющее, то не следует сверх какой-либо необходимости искать еще что-то, способное объяснять помимо него. Причем Оккам предостерегал именно против *объясняемых* аргументов, и призывал опираться только на интуицию, ибо, доверяя интуиции, мы опираемся не на ложь объяснения, а на правду необъяснимого. «Не следует порождать ненужных сущностей сверх необходимости» - вот то, что, как в испорченном телефоне осталось от смысла того, что было перенесено наследниками из уст в уста, и теперь этой бритвой может размахивать любой, кто, так или иначе, сочтет себя компетентным в вопросах определения необходимого и сверхнеобходимого. Особенно в теоретической физике, где у каждого – своя бритва Оккама, и каждый лихо отсекает то, что считает сверхнеобходимым. Эти постоянные ссылки на эту несчастную

бритву просто поражают. В том контексте, в каком это произносится (без приоритета *именно объяснительной* способности того или иного аргумента), на Оккама кивают, но Оккам никак, наверное, не хотел, чтобы все понималось только как процесс определения необходимого или сверхнеобходимого. При чем тут это вообще? Речь у Оккама шла об объясняющих сущностях, а не о трактовке сверхнеобходимого. Такую трактовку вообще невозможно дать корректно, потому что у нее нет универсального принципа. Советскому Союзу, например, сверхнеобходимым показался Александр Исаевич Солженицын. Чикатило считал сверхнеобходимым совесть. Хрущев считал сверхнеобходимой военную авиацию (ракеты есть!). Академия Наук СССР сверхнеобходимыми считала кибернетику и генетику, а затем это же учреждение сверхнеобходимым провозгласило критику теории относительности и специальным документом запретило любые публикации подобного рода. Вместе с тем наука не считает сверхнеобходимым *на основе экспериментальных несостыковок с уровнями энергии, то есть излучения*, предполагать всякий раз новую фантастическую частицу или античастицу, и даже некие «квазичастицы», «виртуальные частицы» и вообще «ирреальные частицы» в атомах и вакууме. Никто не говорит при этом, что физика движется сверхнеобходимым путем. Всё это сейчас существует в различных физических теориях только потому, что постоянно *присутствует некое лишнее излучение непонятного источника*, для которого ищется предполагаемая физическая сущность. Любая лабораторная «грязь» с излучением моментально используется для порождения новых фантазмагорических существ в облике каких-то всяких предполагаемых элементарных частиц, ответственных за всякие неожиданные излучения. Если же предположить только одну некую Сущность, находящуюся вне мира и налаживающую этими излучениями работу в микромире, то всё остальное выглядит как явно сверхнеобходимое. Даже для тупой бритвы.

Например, физически может показаться абсурдом, но когда электрон излучает фотон на своей новой стационарной позиции, то простое предположение того, что, наоборот, это именно излучение создает данный электрон в этом новом месте, и что это *новый электрон, материализовался на новой орбите по команде информационного излучения, а не старый электрон, скакнул сюда*, решает проблему и скачков и волны наиболее экономично без создания каких-то таинственных сверхнеобходимых сущностей. Но – это вопрос признания внеприродного источника материализации частиц. Наукой он признаваем быть не может.

Здесь возникает какой-то парадокс очарования схемой, самими же собой созданной. Это какой-то удивительный знак нового физического мышления, когда не важно *как мыслить*, а важно лишь *что мыслить*. Лишь бы найти «что», пусть даже и придумать! Физика замыкается на этом «что» и возводит его в ранг истукана, перед которым в коленопреклоненной позе разума считается за великое счастье просто прикоснуться и интеллектуально осязать это священное тело гипотетического «что». Ум физики наслаждается безбрежным морем гипотез, для каждой из которых тут же появятся то кварки, то бозоны, то гравитоны, то хронотоны, то глюоны то еще черт знает «что», и даже близкий к истине, но обязательно «физический» вакуум. Что угодно, лишь бы это было материальное «что-то», а за термином дело не станет. Само собой, что всё это будет продолжаться бесконечно, и также бесконечно будет обожествляться.

А нам, если мы не обожествляем материю, сейчас вполне достаточно того, что мы поняли из работы света, чтобы иметь для себя некую модель взаимодействия материи с чем-то, что ею управляет. Нам легко это принимать, потому что у нас не научная работа, и мы чувствуем себя достаточно вольно в трактовках достижений науки, чтобы не оглядываться на запрещающие знаки и шлагбаумы ее ограничений. Эти вольные упражнения теперь можно проводить бесконечно. Например, одно из немногих мест, где нет никогда никакого участия или присутствия работы света - это как раз то самое «сильное взаимодействие», которое удерживает вместе нуклоны ядра. В ядре нет никогда никаких излучений. Теперь, имея концепцию информационной основы мира, можно

попробовать этот факт интерпретировать следующим образом: именно поэтому атом так стабилен и прочен, что в нем отсутствует информация к изменению состояния, которая могла бы привноситься туда светом. Атом должен быть стабильным, он должен быть вот таким, он уже сформирован и пока нужен в данном виде без всяких изменений – и зачем же туда идти свету, чтобы создавать руководящие перемены? Поэтому здесь и нет никаких излучений. Видите, как просто. И, главное, от этого никому не стало хуже. Хотя и лучше кому-то сейчас явно не стало.

Но - надо остановиться. Для науки это всё бесполезные разговоры, а для нас уже аргументация достаточна для того, чтобы, наконец, сказать то, для чего мы через всё это прошли. А, как многие помнят и ждут – мы так до сих пор и не выяснили, кто же или что управляет светом (излучением), когда он (оно) работает? Кто сидит за пультом этого процесса и создает в мире порядок? Пора бы заняться и этим. А для этого зададим себе вопрос – что это за информация, которая руководит фотонами и другими элементарными частицами, когда они создают этот порядок? Это особая информация, поскольку то, что каждый фотон что-то производит или что-то изменяет в микромире, совершенно не говорит о том, что тем самым создается порядок и осмысленная картина существования. Ведь порядок – общемировой! Каждый фотон на своем месте делает свое маленькое дело, а из этого складывается порядок во всем мире? Как это может быть? Это может происходить только в том случае, если каждый фотон или любая другая элементарная частица на своем месте делает что-то, что *соответствует всему тому общемировому порядку, который создается подобными единичными действиями*. Связи, которые существуют в мире, обеспечивают полную взаимосвязь последствий между собой, где каждая из неисчислимых комбинаций взаимодействия влияет на смежную, смежная влияет на соседнюю, соседняя – на непосредственно взаимодействующую с ней и т.д. Кроме того, во всех этих взаимодействиях совершается обратное действие (противодействие), и ничего не выпадает из строгой структуры действительности.

Таким образом, каждое отдельное взаимодействие работает не на смысл своего парного взаимодействия, а на смысл *всех остальных взаимодействий в целокупности всего физического мира*.

Таким образом, фотон, совершая своим вмешательством регулировку состояний или «предуготовлений» к следующим состояниям, должен учитывать в нюансах каждого своего единичного воздействия *смысл, состояние и итоговую картину всех взаимодействий всей вселенной*. Даже если только один фотон сделает что-то не так, то *рассыплется вся система взаимодействий всего мира и порядок закончится*. Если фотон руководствуется какой-то информацией, то эта информация, которая руководит работой этого фотона на данном месте и в данное время, *должна знать все, что из этого будет в следующее мгновение во всех местах всей материи всей вселенной*.

Главное здесь то, что модус и задача работы излучения в каждом единичном случае определяются *тем, чего еще физически нет*. Приступая к работе, фотон знает, что *должно быть* из того, что есть. Он содержит информацию о будущем! Информация опережает действительность. Следовательно, она вне физической действительности (опережая ее), вне времени и эта информация имеет *голографический характер*, то есть тот вид организации сведений, когда самая малая часть информации содержит в себе всю информацию обо всем.

Зачем, в принципе, нам нужен сейчас этот вывод? Затем, что мы здесь пока тоже пытаемся опередить действительность, и предварить будущий бум концепции голографичности материи во вселенной. Подробно не будем объяснять, (когда бум грянет, не будет недостатка в подобных объяснениях), скажем просто – есть теорема Белла, из которой выводится, что вселенная голографична. В опытах со сцепленными частицами Белл определил, что они передают друг другу информацию о необходимом физическом состоянии мгновенно и независимо от расстояния. То есть без понятия времени вообще (вне времени). Если бы это не противоречило в корне теории относительности, ажиотаж

вокруг этого открытия был бы гораздо шире. Но со временем он распространится в достаточной степени, чтобы стать новой версией мироустройства. Это вне сомнения. И тогда начнется такое, что вставить слово уже будет поздно. Надо успеть сейчас. И, если мы еще не опаздываем, то скажем – никакого противодействия теорема Белла не вызывает и даже наоборот, если она будет окончательно доказана, то это будет невероятным прорывом в естествознании. Но трактовка ее результатов, которая началась уже сейчас – погибельна.

Весь смысл этой погибельности состоит в том, что концепция пока что выглядит примерно так – «если разделенные расстоянием частицы одновременно претерпевают одинаковые изменения при воздействии на одну из них, то их разделенность в пространстве это не более чем иллюзия, а весь наш мир это нечто вроде голограммы, где мы видим лишь какую-то небольшую ее часть, а весь мир-голограмма скрыт от нас в других каких-то параллельных мерностях или физических состояниях». Например, если мы видим по бокам сцена двух актеров, совершающих синхронные движения, то по современным трактовкам теоремы Белла их следует представить двумя оконечностями одного и того же тела, которое протянулось в другом измерении где-то за кулисами, и поэтому нам не видимо. Актеры будут возражать, и эта концепция не пройдет. Но сцепленные частицы возражать не могут, и концепция набирает силу.

Хотелось бы на основании некоторых опытов с голограммами предупредить против подобного пути. Потому что, если разделенность в пространстве это иллюзия, то по логической цепочке – всё остальное иллюзия тоже. Всё вообще. Потому что голограмма, это явление, в котором самая малая часть какого-либо участка содержит в себе всё целое. Если взять только один отдельный участок (это из опытов) и выделить его для наблюдения, то вокруг него смутно высвечиваются контуры всего объекта в целом. Эти контуры высвечиваются нечетко, но они наблюдаемы в качестве некоего фантома, то есть призрака того, реальную часть которого мы сейчас из голограммы взяли. Если же мы возьмем любую другую часть объекта также изолированно, (это все пока из тех же опытов), и сделаем с ней то же самое, то увидим опять же эту часть реальной, а при ней фантом всего целого, причем в *составе* этого фантома будет находиться и та часть, которую ранее мы *рассматривали как реальное (это уже наше предупреждение)*. В итоге (в последовательности подобных опытов) получается, что в голограмме объекта нет ни одной части, которая не является фантомной, а, следовательно, и весь объект - это фантом и призрак, мнимая реальность. Реальность же какого-то участка этого призрака зависит только от того, какую часть фантомного объекта *выделяет в данный момент наблюдатель своим наблюдением*.

Если вы хотите на этом строить физическую картину мира, то не надо производить дорогостоящих опытов с интерференцией световых волн – сразу же направляйтесь в буддистский монастырь и пишите там монографию по голографичности материи. Потому что по своей сути в буддизме точно также каждый его последователь (наблюдатель) делает из общего фантома (иллюзии мира) реальным только то, с чем он сталкивается в своем нынешнем воплощении. Однако в буддизме это считается главной ошибкой судьбы, и смысл буддизма в том, что надо понять, что иллюзией является вообще всё. И даже то, что ты сейчас наблюдаешь. Даже в буддизме, безо всяких опытов с голограммами. А с этими опытами - неужели физики захотят переплюнуть буддизм в отрицании реальности физического мира?

Скорее всего эти опыты свидетельствуют лишь об *информационной голографичности* мира, а не о материальной. Это хорошо показывает опыт с разделенными одноклеточными организмами. Если взять штамм микроорганизмов, и разделить его на две части, поместив каждую в отдельную изолированную пробирку, то убитый в одной из пробирок ядом коллектив погибает сразу, а упрятанный в другую пробирку, чуть позже. Вот тут-то и начинаются разговоры о голографичности материи и попытки рассмотреть другие измерения между парой разведенных рук, в каждой из

которых зажато по кварцевой пробирке с погубленными клетками. Но если понимать мир как информационный феномен, то не надо шарить между руками, надо просто понять, что для информации, которая поддерживает этот мир, ваши пробирки ничего не значат, как и расстояние между ними. Для информации эта колония микроорганизмов одна и цельная, и если поступил сигнал о ее заражении смертоносным ядом, то данная информация ее списывает и вычеркивает из состава мира всю целиком, куда вы ее не запрячете. И эту голографичность информационного в своей основе мира мы можем легко связать именно со светом, потому что – чем создается голограмма? Она создается лазером. А что такое лазер? Это предельная концентрация света. Был Большой Взрыв или не был, но было какое-то Начало, в момент которого в мире полностью оформилось то энергетическое состояние Вселенной, которое теперь только расходуется. Произошел вброс всей энергии для бытия всей Вселенной от ее первого и до последнего дня. И соответствующее излучение этой *предельной* энергии должно было быть таким же предельным, то есть невероятно мощным лазером по своей сути, способным содержать информационную голограмму. Вот с этого самого мгновения («Да будет свет!») и появилась вся эта руководящая информационная голограмма, которая уже предвляла собой всё то, что должно произойти дальше.

И теперь мы можем сказать о Владельце данной информации то, что хотели сказать ранее, но не могли. Пришедшая в мир не только извне мира, но, главное, *до мира* информация не может быть продуктом сущностей этого мира, даже если это какие-то тонкие миры или иные особые состояние мыслеформ. Когда уже была данная информация (вне мира и вне времени, до первого электромагнитного излучения-лазера в мире при его возникновении), всего этого еще просто не было, даже если это и есть уже сейчас. Тот из эзотерических демиургов или механизмов, на которые уповают домашние и публичные практики, должен обладать способностью создавать весь свет со всеми его таинственными свойствами и должен безвылазно сидеть за рычагами и кнопками управления каждой единичкой света, чтобы поддерживать физическую основу всего мира. Это не может быть «чем-то», потому что данная информация предельно разумна, а разум можно относить только к «кому-то», и поэтому всё кармическое или, подобное кармическому, отбрасывается сразу же. Если есть «кто-то», кто возьмет на себя эти способности, то мы тут же должны назвать его Богом, поскольку он должен быть до мира, создать мир и поместить весь этот мир в организующую среду информационного излучения. В таком случае все его эзотерические регалии – уже ничего не значат.

Попытка обойтись без единого Бога вообще всегда смешна, когда речь идет о всемирных явлениях. Постоянное непонятное требование эзотерики входить в какое-то недостаточно ими же квалифицируемое «расширенное сознание» для принятия основ той или иной школы тайнознания, всегда затем приводит к какому-то крайне нерасширенному персонажу, даже не претендующему на всеохватность своих возможностей. У нас же порядок создается голографически-всемирной информацией, опережающей мир не только сейчас, но и до его создания. И, поэтому совершенно невозможно логически понять причин эзотерических ссор – ни одна из школ не подступает даже близко к комплексному решению проблем общемирового характера (возникновение мира и причины его единого порядка), но все постоянно обвиняют друг друга в разных мелочах.

Хотя, если не предъявлять столь высоких требований к эзотерическим школам, то эзотерика, как явление повседневной жизни, конечно же, факт положительный, поскольку духовная работа всегда полезна. Кроме того, эзотерика может быть полезной и в реалиях жизни, поскольку предлагает очень много методов для достижения успеха или психических побед над бедами, а также для получения скрытой информации для борьбы с судьбой. Помимо всего этого эзотерика - это неистощимый источник высокого личного творчества для любого человека. Методы и принципы эзотерического воздействия на окружающий мир настолько ясны и прозрачны, что каждый может их не только применять, но даже разрабатывать самостоятельно. Ведь в жизни случается много

моментов, где эзотерика может оказать неоценимую помощь. Например, вот эта тяжелая проблема разновозрастных отношений, когда, допустим, пятидесятилетний мужчина влюбляется в девушку, которая ему в дочери годится. Здесь всегда возникает очень тяжелая ситуация и всегда проходит много болезненных этапов, прежде чем будет достигнут успех. Причем на такого мужчину сразу же начинает насаждать целый комплекс проблем – разность интересов, проблемы эстетики, этики, и даже гимнастики предполагаемых отношений. Такой объем тяжелых переживаний, мучительных сомнений и тягостных порывов, естественно, трудно разрешить без какой-либо магии или эзотерики. И в качестве примера эффективности эзотерико-магических средств, автор может предложить для этого случая метод, разработанный им априорно (то есть, вне опыта). Несмотря на то, что в этом методе применены самые сильные эзотерические наработки и магические объекты, он очень прост для исполнения и должен легко поворачивать ситуацию в нужную сторону.

Рассказываю. Нужно, прежде всего, приобрести (если нет в наличии) соответствующее зеркало. Достаточно большое, чтобы процедура завершилась успешно. Кроме того, понадобится красная тряпка и несколько свечей. Выбрав момент, когда никто не будет мешать, следует занавесить все окна, погасить свет, зажечь свечи полукругом, установить зеркало, положить перед ним красную тряпку, и выйти на время в другое помещение. Там надо быстро войти в расширенное сознание, полностью обнажиться, вернуться в темную комнату, закрыть глаза, создать мыслеобраз этой молодой цветущей девушки, затем сразу подойти к зеркалу, включить свет, открыть глаза и посмотреть внимательно на себя.

Должно помочь. Красной тряпкой после этого можно утереть пот со лба.

Но для проблем мироздания, то есть, для их объяснения, нужен Бог. Эзотерика здесь не так эффективна, как в других случаях. Даже мощный успех вышеописанной операции с зеркалом будет только местным и не создаст порядка во всем остальном мире. Без Бога тут никак. В смешное положение попал даже Лаплас, когда захотел исключить Бога из объясняющих причин, хотя многие авторы пишут об этом не как о комедии, а как о великом акте атеизма. Лаплас считал, что если ему удастся мысленно охватить все силы «одушевляющие природу» (уже интересный «атеизм», не правда ли?), и подчинить их анализу, то ему откроется будущее мира. Зная все о состоянии каждой частицы всего мира в данный момент, и зная законы, по которым эти частицы себя ведут, можно (считал Лаплас), досконально вывести и прошлое этого мира, и его будущее. Когда его спросили – а какое место в его теории занимает Бог? – Лаплас изысканно ответил – «моя гипотеза в Боге не нуждается». Вот так. А кто же тогда способен поместить в свой ум состояния всех частиц всей вселенной в данный момент и держать в этом же уме все законы этой вселенной, просчитывая при этом каждую судьбу каждой частицы и на безмерное будущее вперед и на безмерное прошлое назад? Нет, что вы, это не Бог – это «демон Лапласа», который присутствует в его гипотезе, которая хочет обойтись без Бога.

Назвать Бога «демоном» - это еще не значит обойтись без Него...

Итак, нам многое стало ясно из того, что нас интересовало. И зачем все это было? Неужели только для того, чтобы безответственно и по-дилетантски поупражняться в различных гипотезах, или высказать свое отношение к тому или иному методу познания мироздания? Конечно же, нет. Цель вырисовалась другая. Мы определили для себя модель того, как Бог управляет реальностью. Нами, правда, найдена только физическая модель, относящаяся только к физическому миру. Но другой у нас нет и не должно быть. Всё нефизическое – это простое фантазирование. А раз другой у нас нет, и не может быть, то мы будем брать за основу то, что есть, и пытаться принципы этого управления использовать в дальнейшем универсально. Тем более, что, как мы выяснили, основа у материи информационная. Теперь нам надо просто вдуматься в особенности этой модели, чтобы озвучить какие-либо догадки относительно нашей жизни. Чтобы начать это озвучивать, рассмотрим еще один вопрос, а именно – запаздывание информации.

Это еще что такое? Только что выше мы узнали об опережении информацией физической действительности, а теперь берем откуда-то её запаздывание? Разберемся с этим по спокойному в следующей главе, которую мы назовем: «Хватит физики!».

Хватит физики!

Очень плохо начинать какую-либо главу с обмана читателя, но хорошо, что автор в этом сразу же сознается. Эта глава будет не про физику и не про то, что ее «хватит», а совсем про другое. Просто у автора возникли серьезные сомнения в том, что читатели станут открывать следующую главу, поскольку они уже устали от физики. И чтобы такого не случилось, автор решил заполучить аудиторию подобным поспешным обманом. Это и в самом деле нехорошо – вводить читателя в заблуждение, но зато далее у нас будет более легкий разговор без специальных терминов и специальных знаний. А во искупление данного обмана, для тех, кто дойдет до конца, автором приготовлен особый сюрприз – они смогут прочитать книгу еще раз, не уплачивая повторно ее стоимости в магазине.

Итак, информация не только опережает действительность, но еще и запаздывает. Вот на чем мы остановились. Относительно чего же она запаздывает, если относительно действительности она находится на шаг впереди, имея в себе ту будущую действительность, которая еще не реализовалась? Она запаздывает относительно самой себя. Потому что вся информация, управляющая миром, делится (должна делиться по нашему разумению) на две части – на ту, которая содержит в себе всё то, что с миром должно произойти в будущем («контрольная информация», так ее назовем), и на ту, которая существует *в воссоединении и во взаимодействии* с миром, когда приводит конкретную реалию данного мира в соответствие с тем, каким он должен становиться *вот сейчас, в преддверии своего будущего*, (назовем ее – «рабочая информация»). Это, ведь, должны быть две информации в составе одного источника информации – одна ставит еще не осуществленную цель, а другая находится в процессе непосредственной реализации этой цели на проявлено-физическом уровне.

Контрольная информация содержит реальное будущее и находится *вне мира и вне времени*, (она опережает действительность), а рабочая информация в это же время совершает *в мире, во времени*, руководящую работу, и она - запаздывающая информация. Здесь сразу надо оговориться, что речь идет не об отставании, связанном со временем, потому что время этого отставания поймать невозможно, и далее будет видно – почему. *Это смысловое отставание*, поскольку смысл того, что делает сейчас в мире рабочая информация, уже подчиняется смыслу того, каков есть этот мир в контрольной информации. Сейчас, похоже, читатель подумал – уж лучше б физика... Но ничего. Надо еще поднапрячься. К сожалению только там, где логика не заканчивается блистательным выводом, а двоится на два равноправных, но несовместимых заключения, всегда находится указатель правильного пути. Давайте, для наглядности нарисуем схему. Мы, конечно же, логического двоения смысла с помощью графики не преодолеем, но наглядность всегда помогает.

Точка $M_{\text{мир}}$ это наш мир, и странно было бы, если бы мы расшифровали ее по-другому. В точке А находится контрольная информация, которая знает о том, что должно с миром быть. В точке A_1 находится рабочая информация, которая знает, что там с миром

сейчас не так, и что нужно с ним сделать, чтобы стало «так». Контрольная информация (А) содержит сведения о мире, *каким он станет* после некоторой корректировки его в точке $M_{\text{ир}}$, а рабочая информация содержит сведения о мире, *каким он еще не стал*, и здесь ее смысл отстает от смысла контрольной информации.

Пока посмотрим на схему общим взором. Что из нее следует? Из этой схемы следует, что данномоментный мир в данном нам вот прямо сейчас реальном времени находится *лишь в некоей степени факта своего будущего существования*. Этот вывод нас мог бы чем-то если и радовать, то только своей банальностью, но он перестает быть банальным, если вспомнить, что наш данномоментный мир находится в режиме некоего управления им со стороны. Он не развивается только лишь из себя самого, он развивается еще и по некоему плану, в соответствии с которым миром Некто управляет. Благодаря тому, что мы об этом помним, наш вывод становится уже не то, чтобы менее банальным, но даже очень интересным. Потому что любое управление – это постоянная корректировка некоего самодвижения того, что подлежит управлению. И вообще – управлять можно только тем, что имеет свое собственное самодвижение. Сесть верхом на палку и скакать, размахивая деревянной шашкой – здесь нет никакого управления деревянным конем, несмотря на все лихие «но-о-о-!!!» или «тпру-у-у!». Здесь происходит управление только самим собой, а палка становится лишь продолжением своего же управляемого самим собой тела. А если сесть за руль автомобиля, то автомобиль имеет самодвижение, и здесь осуществляется управление – при повороте налево, например, прекращается самодвижение машины по прямой, а, заканчивая поворот, мы прекращаем самодвижение автомобиля по кругу, которое заложили при повороте. Мы всегда догоняем процесс. В любом управлении всегда и обязательно идут эти циклы – самодвижение, а затем корректировка. Поэтому отсюда мы делаем простой по очевидности вывод – *существуют какие-то моменты самодвижения мира*, когда он не управляется и живет сам по себе, а затем происходит его корректировка, сразу же после которой мир переходит в новое самодвижение. *Следовательно, мир вот так и живет – какое-то время по своему внутреннему самодвижению, затем в состоянии (или моменте) корректировки данного самодвижения, и далее снова по собственному самодвижению*.

Хотя по нарисованной нами схеме этого не видно. У нас в застывшем изображении точка мира находится как бы в постоянном контакте с рабочей информацией. На самом же деле всё происходит в некотором периоде включения и выключения рабочей информации. Изобразить это можно было бы только с помощью флэш-анимации, но предварительно надо было бы эту периодичность, а не постоянность включения в процессы мира рабочей информации, обосновать. Но обоснование временного действия корректировок не должно составить для нас труда, поскольку это есть факт вполне самоочевидный. Если эта корректировка извне мира была бы постоянна, то весь мир – это не более, чем танец марионеток, не имеющий своего собственного содержания. В этом случае вся история человечества есть процесс не человеческий, а чей-то чужой, а человек в этом действии – только сложно организованная кукла, не имеющая никакого собственного смысла и собственного пути. В этом-то и весь смысл мира – человек живет своим самодвижением, которое периодически получает новые условия и обстоятельства для того, чтобы самодвижение человека в истории получало какой-то шанс. Шанс этот состоит в том, чтобы научить человека искать или выбирать правильные пути. Это очень похоже на лабораторию, где человек – подопытное существо, но это не должно обижать, поскольку, оглянувшись на свою историю и на свой сегодняшний день, надо откровенно признать, что человек, если и разумное существо, то лишь *как потенциально разумное*. Если быть потенциально разумным, то этого не следует отрицать, и это тоже самоочевидно.

Хотя, конечно, нет ничего опаснее самоочевидных вещей, поскольку обратная сторона любой самоочевидности – это невозможность ее рационально доказать. Попробуйте рационально доказать, что между двумя точками всегда можно провести соединяющую их линию. Это самоочевидно, но логическую необходимость этой

очевидности выстроить не получится. Но и это обстоятельство не должно нас тревожить, поскольку не будем забывать, что мы сейчас просто-напросто трансформируем в форму взаимоотношений человека и Бога ту конструкцию, которую мы нашли в прошлой главе для взаимоотношений света и микромира. Свет *вмешивается* в процессы микромира, организуя их. Его излучение появляется и исчезает на местах работы. Свет, совершив некую работу, далее не погоняет кнутом электрон постоянно, потому что атом переходит в стационарное состояние и не излучает, что и есть этап самодвижения организованного микромира. Но оно мертвое без света, «навсегдашнее» и неизменное. Прилаживая это к нашей жизни, мы тоже делим ее на самодвижение, как на человеческую деятельность, и на моменты Движения, как *вмешательство* Бога, имеющее вид эпизодического управления нашим самодвижением.

Именно из-за этого выглядит для нас подобное управление миром случайным и всегда неожиданным – оно вне мира, оно приходит в него извне, но не задерживается и не становится постоянной и распознаваемой частью мировых отношений. Поэтому, говоря о случайностях, мы вполне логично можем предположить – *там, где происходит что-то случайное, происходит корректировка самодвижущихся событий*. А в этом смысле, само собой разумеется, должно происходить смысловое запаздывание по принципу любого управления, так как всё, что управляет, - вообще всегда находится с хвоста того, чем оно управляет. А если быть точнее, то с хвоста того, что оно только что сделало. Потому что (эта мысль – главное, что завершает рассмотрение нарисованной нами схемы!) момент управляющего вмешательства рабочей информации всегда по смыслу уже в прошлом, поскольку после него *сразу же продолжается уже качественно новое* самодвижение, которое ведет к иному по смыслу состоянию, чем было состояние стыка с управляющим воздействием. Как только произошло включение в мир рабочей информации, всё в мире сразу меняется, получив новое направление, и рабочая информация уже сама сразу же отстает от того, что она сама только что совершила.

Теперь рассмотрим второй аспект запаздывания. Есть и такой. Он возникает при соотношениях событий с человеком, поскольку мы рассматриваем события, смысловым центром последствий которых является человек. Вот эта отстающая от самой себя по смыслу информация начинает считываться человеком, и здесь происходит запаздывание уже не только смысловое, здесь происходит соскальзывание с точки реального времени в прошлое. Этот обвал в прошлое проистекает из-за того, что (вспомним) именно данная информация (управляющая миром извне) делает мир целым. Ведь она собирает смыслы отдельных взаимодействий в единое информационное целое. Мир нами видится в качестве именно некоего информационно-мыслимого целого, но здесь надо понять, что части информационного целого не могут быть пригнанными друг к другу просто *механически или как-то натуралистически, потому что их связь между собой смысловая (логическая)*. Отсюда мы должны понять, что при такой связи (смысловой, логической) если нечто является целым, то целым мы его можем называть только тогда, *когда внутри того, что мы определили как целое, всё, (буквально всё!), связано между собой смыслом и логикой взаимодействия*. Если что-то с ним, с этим целым, не связано, то оно в это целое не войдет. Такова природа информационного целого. Если же мы видим просто физическое целое, то в таком целом может быть много частей, которые ни своим смыслом, ни своей логикой не родственны целому, но мы их с ним объединяем просто на основании физических ограничений от другого физического целого (пространственно или объектно). Например, современный телефон, – какой смысл или логика в том, что в нем есть фотокамера, видео, игры, радио и т.д.? Никакого! Телефон – чтобы позвонить! Все остальное ему совершенно не нужно. Но по физическим основаниям мы этот телефон считаем единым целым со всеми цифровыми игрушками, которые в него втиснуты. Информационное же целое на подобное неспособно, так как в нем все его части по отдельности существуют только потому, что существуют все остальные его части.

Отсюда, от понятия *информационного* целого, как полностью сращенного из необходимых друг другу по смыслу и логике частей, нам следует перейти к другой мысли – к тому, что, если подобная связь между частями информационного целого существует, то изменение любой подобной части должно по цепочке приводить к изменению во всех остальных частях целого. Если изменяются смысловые характеристики даже только одной части, то она уже по-другому уживается со всеми другими частями, и те также меняются. Хотя бы в характере смысловой притирки друг к другу. Но при этом меняется, естественно, и всё целое. Еще раз обратим внимание на это различие физического целого от информационного - если представить себе пишущую машинку, то можно увидеть, как после нажатия клавиши с буквой, типик ударит по листу и отпечатает знак. Здесь связь механическая, и те несколько рычагов, которые участвовали в этой работе, могут совершенно не затронуть какую-либо другую группу рычагов с другими буквами, которые просто укреплены на одной общей базе всего печатающего устройства. При смысловом и логическом информационном соединении, подобная связь уже живая, и никакой нейтральной или не взаимодействующей зоны с не участвующими элементами - нет. Все участвуют. Всё является смысловым и логическим продолжением друг друга и в этом смысловом единстве всё живет *одной единой жизнью*. Когда машинка напечатает слово, то это слово будет уже информационным целым, и попробуйте сделать затем хоть что-то с любой из букв этого целого, и вы сразу же увидите разницу между процессом физическим и процессом логическим.

Именно отсюда и вылезает аспект запаздывания событий во времени. Потому что, даже если сто пятьдесят рычагов пишущей машинки участвуют в распечатке только одного знака, то данное кинематическое взаимодействие будет одновременным и независимым от количества рычагов. Хоть два, хоть двести рычагов будут потревожены от клавиши до каретки, но всё произойдет в одно и то же время, в один момент с нажатием тасты, поскольку кинематическая цепь это одно тело. Даже если это займет несколько секунд (на выбор зазоров между взаимодействующими деталями), то это будет *однозначное время однозначного по смыслу законченного действия*. А если происходит *информационное* переформление ситуации, то этот процесс никогда не будет по смыслу единовременным началом реализации замысла, поскольку на перенос информации и на перестройку смысловой связи участников целого, необходимо определенное время. Термин «определенное время» здесь употреблен лишь как начальное количественное понятие, от которого нам далее придется качественно отказаться, и в этом весь смысл его употребления. Начинаем внимательно этот процесс: в кинематической цепи все детали остаются теми же самыми, а в информационной – они все повально меняются. И вот здесь начинается самое интересное, потому что на это нужно не просто какое-то определенное время, но нужно именно *каждому свое время*, поскольку в каждом случае – это всегда отдельный индивидуальный процесс со своим собственным индивидуальным временем в системе одного большого процесса. И получается следующее - кое-что уже произошло в некоем частном времени какого-то отдельного участка логических связей целого, а что-то где-то в пределах всего процесса все еще тянет свое частное время, продолжая логическое переформление. У подобного процесса нет общего времени, оно где-то расплывается в перекачивании от участника к участнику, а где-то уже закончилось, завершившись. Время здесь лишено определенности, поскольку охватывает собой и происшедшее в частях, и незавершенное в целом.

И вот тут возникает парадоксальная ситуация – что-то обязательно произойдет согласно конечному смыслу разбегающегося логического перекоммутирования отношений, причем настолько обязательно, что это можно уже считать фактически происшедшим, и даже *время этому кое-где уже полностью пришло, но общее физическое время этому еще не настало во всей полноте*. Часть процесса уже физически свершилось и ушло из-под времени, а часть процесса еще только дорабатывается в составе времени, но сам процесс *в своем центральном смысле уже завершен*. Образуется какое-то дикое

несложение элементов целого – результат происходящего уже присутствует своим смыслом и частью своего времени в настоящем, а завершённое время всего процесса всё ещё находится в будущем. Таким образом, то, что происходит сейчас (настоящее), находится как бы в откате в прошлое от самого себя в некоторой части своего времени физически, а по смыслу – полностью! *Потому что по смыслу вне всякого понятия времени оно уже есть в будущем и являет себя в настоящем именно как некое прошлое своего будущего.*

Теперь вспомним о человеке, который встречается в своей жизни – с чем? Он встречается с рабочей информацией, которая по смыслу отстаёт от мира (как только она коснулась мира, тот получает новое самодвижение и уже не тот, что был до нее), и он встречается с событиями, которые находятся в прошлом относительно своего будущего состояния. Таким образом, *человек находится в прошлом относительно того, что с ним происходит в настоящем, и поэтому, находясь в прошлом относительно своего настоящего, человек, на самом деле находится в будущем, которого пока еще не распознал.*

Если все окна закрыты, и книга еще не вылетела в одно из них, то дадим ей шанс и рассмотрим следующий пример: человек вышел из бунгало, и трудно решает сложнейшую дилемму – пойти ему сразу на пляж, или предварительно заглянуть в текила-бар? При этом он тяжело подсчитывает шансы, которые у него останутся, хотя бы на сегодня, попасть-таки на пляж, если он по пути туда опять завернет (ненадолго!) к знакомой стойке. Этот суровый выбор, павший на него, дополняется попутной, но ежедневно обрушающейся на него тайной – зачем же, все-таки, нужны на морском отдыхе скейт и плавки? Для человека это кажется очень важным, это кажется ему главным существенным атрибутом его настоящего момента, но на самом деле все это уже не имеет никакого значения, поскольку его настоящее – это уже далекое прошлое по той причине, что в километре от береговой полосы по дну моря идет волна цунами высотой семьдесят метров. Она идет со скоростью 400 км/час, и она обязательно его достанет хоть в прибрежной зоне, хоть в зоне тихого приятного отдыха. И тогда он пожалеет, что не надел плавки сразу. Человек смотрит пустыми раздумчивыми глазами на море и не видит никакого цунами. Он не распознает своего будущего. Бухта спокойна. Всё как всегда. Потому что цунами имеет постоянную высоту и крадется по бездне, не выдавая себя ничем, пока сразу же во всей своей красе не выкатится из морской пучины по поднимающемуся профилю морского дна. По сути дела этого растерявшегося от нахлынувших на него версий человека, уже вообще нет, он уже в иных мирах, но время этому пришло лишь частично, а не полностью. По смыслу этого настоящего для данной жизни данного человека, уже всё закончено, он вычеркнут и списан, но это физически произойдет только через несколько минут, а пока сиюминутное физическое настоящее по своему смыслу уже находится в прошлом относительно себя, потому что по смыслу его, этого настоящего, уже неизбежно и однозначно нет.

Это настолько естественная мысль, что автор ее столь многократно разжевывает вовсе не для большей ясности, а, просто упиваясь бесплатной возможностью озвучивать простые и несложные мысли.

Но, все-таки, чтобы было еще проще, приведем дополнительный пример. Бывают события, которые, наоборот, не произойдут в будущем, а уже произошли с человеком в прошлом, но он о них даже и не подозревает. Вот едет человек на работу в троллейбусе и не знает, что его уже уволили, и прямо с порога в любимом офисе его ждут бегающие глаза сослуживцев, да сухие фразы начальства. Фактически он уже не работает на своей работе, когда едет в этом троллейбусе. Тут он встречает своего старого знакомого, который предлагает – «а, переходи к нам! Нам сейчас как раз нужны специалисты твоего профиля». Но наш человек отказывается, аргументируя это тем, что, мол, – «ваша фирма мелочь пузатая по сравнению с нашей, и что же это я с серьезной работы буду переходить неизвестно куда»? Он все еще во вчерашней своей жизни. Он находится в прошлом

относительно настоящего, которое уже совсем другое. Но вот он пришел на работу, и ему объявляют – «сожалею, но Вы у нас с сегодняшнего дня не работаете, зайдите в кассу и получите расчет». Когда он ехал в троллейбусе, то он находился по смыслу в прошлом относительно новых реалий своей жизни, а не в настоящем, которого уже нет – все вокруг в его судьбе уже другое, просто будущее для него еще физически не пришло полностью. Судьба давала ему знак, но он его не принял, и сам оттолкнул один из оптимальнейших вариантов своего будущего. Потому что не знал, что вот эта абсолютно случайная встреча со старым знакомым, согласно раскладу жизни, не может быть случайной и дает ему шанс. Этот случайный шанс был тем самым движением со стороны Случайного, которое хотело поправить самодвижение обстоятельств, сложившихся вокруг человека. Но - не получилось. Потому что наш герой к Случайному относился только как к случайному.

И что же из всех этих поучительных историй теперь нам может быть полезным дальше? То, что если понимать свое нынешнее состояние именно вот так, лишь как некое прошлое относительно своего будущего, то вполне реально можно попробовать распознать свое будущее, которое уже оформилось в каких-то частях и в каком-то частном времени в настоящем. В настоящем! Но, ведь настоящее – это лишь прошлое (см. всё сказанное выше), следовательно, загадка будущего проста до невообразимости – оно (будущее), давно уже рядом с нами, еще в прошлом, и надо просто уметь его увидеть. Иными словами – *нужно совершать прыжок из прошлого сразу в будущее, минуя это мнимое настоящее.*

Конечно, подобное предложение – вообще на любителя. Особенно в ситуации, когда сложилась доминирующая мода на изречение «надо быть здесь и сейчас», то есть в настоящем. Автор прекрасно понимает, что идти в разрез с данной популярной установкой опасно, и в целях хотя бы частичного умиловления проповедников идеи «здесь и сейчас», он даже готов немного на нее (на эту идею) поработать. А именно - подсказать самый очевидный и самый эффективный способ оказаться «здесь и сейчас». Этот способ почему-то никогда не предлагается духовными практиками, которые странным образом проскальзывают мимо простой истины – никто и никогда не сможет с той же абсолютной успешностью конкурировать относительно состояния «здесь и сейчас» с безнадежным склеротиком или с полным идиотом. К сожалению, автор не специалист в разработках пошаговой инструкции для достижения подобных состояний, но само указание этой верной цели он хотел бы считать зачтенным ему в актив решения данной проблемы, поскольку все остальные варианты заведомо менее успешны и всегда паллиативны (то есть, носят характер полумера).

Поэтому подобное предложение только для тех, кому интересно его будущее и кто не обманывается насчет того, что настоящее - это не настоящее, а прошлое. И если автор сейчас не одинок в решимости осознать это до конца, то, давайте, сделаем сейчас то, что мы где-то выше уже делали, рассматривая работу света – отразим происходящее в мире зеркально, чтобы распознать его истинный исходный порядок. Что нам здесь следует поменять знаками? Если мы говорим о настоящем, то надо перевернуть в обратную его восприятие нами.

Мы, ведь, обычно воспринимаем настоящее как *производное от прошлого* с некоторым неизвестным будущим. Если же мы посмотрим на это реверсивно, то у нас получится, что *настоящее – это производное от некоего определенного в своих частях будущего.* Как видим, логика предшествующих наших рассуждений вполне в эту картину укладывается – раз мир управляется, то существует некий план его развития, который в основных своих наметках - и есть наше будущее. Но что это меняет в характере настоящего? Это меняет понятие его времени. Время – это характеристика некоего процесса, специфическая регистрационная форма данного процесса в уме человека. Если понимать традиционно настоящее, как производное от прошлого, то настоящее формируется *прошлым*, и весь смысл настоящего так же заложен в *прошлом*, и само настоящее сразу же становится неким *прошлым* для некоего нового настоящего, которое

сразу же становится *прошлым*, когда определяет новое текучее настоящее и т.д. И получается, что если физическое время бывает только настоящим, то время смысловое всегда здесь будет только *прошлым*, потому что *все реализуется и определяется прошлым, и это полностью процесс прошлого, в котором прошлое постоянно через неуловимое настоящее сразу же перетекает в этом же настоящем в себя же.*

А если понимать настоящее через наш метод зеркального отражения, то настоящее формируется будущим, потому что будущее постоянно востребует от настоящего некоего векторного соответствия себе (некоего строго заданного направления), и будущее вносит в настоящее перемены по своему плану и усмотрению. Здесь *все решается будущим, будущим определяется и будущим направляется, то есть это процесс, принадлежащий будущему, и время этого процесса – соответственно время будущего.* Но поскольку время физическое всегда бывает только настоящим, то смысловое время настоящего опять становится *прошлым*, поскольку в будущем уже есть другое настоящее этого настоящего.

Так вот оно и получается, что даже если мы признаем смысл настоящего в качестве некоего не до конца *во времени* завершенного будущего, то настоящее - это все равно уже прошлое, потому что будущее ведь не приходит в будущем, оно начинается в настоящем и может считаться уже пришедшим прямо тогда, когда только поставило одну ногу в настоящее. Поэтому настоящего в своем смысле вообще нет – оно уже есть некая функция будущего. И как же прозреть это будущее? Очень просто – к будущему ведут Случайности, поскольку они являются признаками корректировки нашего настоящего и только они создают в нашем самодвижении Новое. Если мы будем внимательны к Случайному, то наше будущее не будет для нас неожиданным.

Собственно говоря, мысль для нас теперь уже не особо новая. Можно смело приступать к ее практической реализации. Так, давайте же, и приступим! Но предварительно договоримся – мы не будем пытаться разбираться с каждым Случайным в отдельности, попытаюсь экстраполировать его последствия на ближайшую или дальнюю перспективу, а попробуем *через само Случайное, как через факт управления нашим миром*, посмотреть, где у мира Движение (корректирующее воздействие на него), а где у мира мертвое самодвижение. Давайте просто поищем Случайное, как таковое. Это для начала будет проще. Там, где мы найдем Случайное, так сказать, «в системе», там (можно предполагать) системно происходит вмешательство Бога в нашу жизнь, а где Случайное будет не в системе, там мы его вообще не найдем (есть у автора такое подозрение!). Проще говоря, отыскав в каком-либо факторе нашей жизни цепь каких-нибудь настойчиво повторяющихся случайностей, мы сможем увидеть, что здесь у мира есть жизнь, перспективы и новое будущее. А если какой-либо фактор жизни обходится без случайностей, то здесь нет никакой истинной жизни и никаких перспектив. Какой же фактор нам выбрать? Конечно же – не какой-нибудь, а самый главный, определяющий всю нашу нынешнюю цивилизацию. И это не помпезное усилие на пророчество, это просто удобный технический прием. Ведь гораздо легче рассмотреть работу Случая для всего человечества, чем отдельно для каждого человека, потому что жизнь каждого человека индивидуальна и неповторима, а жизнь всего человечества одна и та же, без каких-либо вариантов самой себе. Поэтому – именно сразу обо всей цивилизации на предмет Случайного в ней. Тем более что в случае успеха мы можем что-либо увидеть в будущем всего человечества! А какая у нас сейчас цивилизация? Совершенно верно – у нас сейчас техногенная цивилизация, то есть, находящаяся в прямой зависимости от успехов науки и техники. Поищем в этой области Случайное.

Для этого (в поисках Случайного) мы посмотрим на историю науки с очень любопытной стороны. Как-то давно мы уже говорили, что новые фундаментальные научные взгляды появлялись в истории не только абсолютно вне связи с какой-то исторической или бытовой необходимостью, а часто даже, наоборот – вопреки исторической ситуации. Кстати, самая большая головная боль философии науки как раз и состоит вот в этом страшном обстоятельстве – они не могут найти логических или

событийных предпосылок к тому или иному повороту научного знания, к той или иной новой идее. Они ищут и не могут найти никаких логически обоснованных причин, почему то или иное научное знание принимается научным сообществом как-то сразу, не будучи вообще еще даже ясно сформулированным, и вообще – почему совершаются те или иные повороты в научном знании? В поисках этого они забрались туда, куда и должны были забраться – они проникли в схемы мышления и пытаются найти там что-то такое, что подсказывало бы внутри мышления самому же мышлению различные критерии истинности или ложности того, что это мышление самому себе предлагает. Этот путь перспективен и хорош, прежде всего, тем, что он бесконечен. Вся его прелесть состоит в том, что он (анализ сознания) всегда циклически возвращается к своему началу (к самому сознанию) и снова идет куда-то, чтобы опять вернуться к своему началу. Так об стенку играют в пинг-понг. А более всего это похоже на анализ, скажем, домкрата: «надо же, домкрат все понимает: крутишь по часовой, он поднимает, крутишь против часовой, он опускает! Умный – аж страшно!» Вот таким именно методом сознание и пытается познать сознание, то есть посмотреть на само себя, когда оно по своей природе может смотреть только вовне себя.

Нас же в этом вопросе будет интересовать не таинственность смены научных концепций, а другое обстоятельство – мы посмотрим, насколько случайны эти смены научных картин мира и сколько вообще случайного в самом процессе получения человеком научного знания. Согласно нашей концепции в истории науки должно присутствовать самодвижение по ее внутренним предпосылкам развития, и Движение, как истинное развитие под действием Случайных Факторов.

Если весь мир театр, то наука – это большое представление, где со сцены выступают артисты, допущенные Филармонией. Филармония их проверила и дала положительное заключение на их номера. Все чинно и благородно. Но потом всегда на этих представлениях происходят скандалы, потому что на сцену врывается какой-то человек и заявляет прямо посреди действия, что все вы тут не знаете, как надо петь, плясать, декламировать и т.д.. Этого человека тут же сбрасывают в оркестровую яму... и затем продолжают представление уже по тем принципам, которые предложил этот самозванный новатор, корячащийся под сценой.

Данное представление продолжается уже две тысячи лет, и все это время Филармония выдает и выдает лицензии на схему разыгрываемых номеров. Всякий раз Филармония уверена, что никто лучше ее не знает, как и что нужно представлять со сцены. И всякий раз самой большой и самой раздражающей проблемой для нее является существование вот этих людей, готовых вырасти из ниоткуда перед рампой и назвать неправильным все то, что делают артисты. Таких людей в научной среде называют «чайниками», «альтернативщиками», «лжеучеными», «дилетантами» и прочими звучными именами на основании того, что они или самоучки, или не состоят в штате кадровых ученых, или лезут в те научные проблемы, от которых далеки по своей прямой деятельности. Ясно-понятно, что наука, как организованный человеком процесс получения знания (с системой подготовки кадров, званиями, стандартами, академиями и т.д.) – это самодвижение. А всякие «альтернативщики» и «чайники» – это случайное. Уже интересно в свете нашей концепции, не правда ли? Посмотрим подробнее на этих «чайников».

Вот самый обычный «чайник» - Галилей. Этого человека научные иерархи того времени напрямую называли сумасшедшим, потому что только сумасшедший в то время, по мнению официальной науки, мог предполагать, что исследовать закономерности движения природных тел (в том числе и небесных) можно путем экспериментов с механическими орудиями. Мир считался существующим в совершенно разных сферах, в каждой из которых невозможно провести один и тот же физический эксперимент одинаково. По концепции тогдашней науки весь мир делился на земную, небесную и еще какие-то другие сферы, где всё абсолютно разное и несовместное по своей физической

природе. Это были абсолютно разные миры, в которых предполагались абсолютно разные физические законы. Так считалось полторы тысячи лет! Галилей этому не поверил. Кто такой был Галилей? Это был молодой человек, который учился на врача. В процессе преподавания, в качестве сопутствующих знаний, он изучал аристотелевскую картину мира, *которую в то время даже официальными указами королей нельзя было подвергать сомнениям*. Но этот «альтернативщик» всё подверг сомнению и создал современную науку. Причем он недоучился – бедность помешала. Случились какие-то финансовые трудности в семье и на учебу пришлось сразу же поставить крест. Галилей вернулся домой и занялся самообразованием. В результате он совершил революцию в научном мировоззрении. Врач-недоучка. Абсолютный «чайник». Случаен он был для науки? Абсолютно случаен! Ведь его даже сама наука для науки не готовила – он должен был всего лишь лечить людей, причем в то время, когда основным лекарством считалась, все-таки, - молитва. Наука никогда не сделала бы из себя ничего такого, что сделал извне нее Галилей, не имеющий к ней никакого отношения. Он знал математику, физику и астрономию и даже занимал профессорские должности – но он самоучка. Основные научные достижения сделаны им под домашним арестом из-за противодействия аристотелевской физике.

Другой самоучка – Майкл Фарадей. Свершенное Фарадеем трудно переоценить, хотя недооценить многим постоянно удается. Фарадей тоже полностью изменил научную картину мира. История науки даже иногда выделяет в себе некую «эпоху Фарадея». Он выдвинул идею поля и вообще вся электротехника пошла от Фарадея, потому что он первым открыл, что электроток может совершать работу. До Фарадея и электричество, и магнетизм считались невидимыми жидкостями, или чем-то близким к жидкости по своим характеристикам (отголоски этого до сих пор в нашем лексиконе – у нас «ток течет»). Они (электричество и магнетизм) разделялись господствующей наукой коренным образом друг от друга. Как вещество они не были определены, но догадок об их составе было много. Фарадей в 1832 году сказал невероятную для тех времен вещь – он сказал, что у электричества и магнетизма одна природа, и что в их основе находится не что-то вещественно-структурированное (в то время наука понимала весь мир как имеющий механическую структуру каких-либо частиц), а какое-то поле. Поле – это было совершенно новым и полностью революционным для науки понятием. Фарадей перевернул все научные представления. Чайник! Но Фарадей очень любил науку, был обласкан ею и не решился даже до конца отстаивать свое открытие. Он просто обозначил его и не стал настаивать. Кто бы ему поверил? Самоучке! Он написал свои соображения по этому поводу и отдал нотариусу с просьбой «вскрыть в 1882 году» (очевидно именно таким сроком предполагая период и своей кончины и готовности ученого мира принять эту невероятную истину). Нотариальная контора оказалась плохой – вскрыли аж перед второй мировой войной. Затеряли в архивах и не исполнили завещания клиента. Но это уже было не очень важным для науки, потому что великий Максвелл на результатах опытов Фарадея и его идеи поля смело теоретически обосновал фарадеевский прорыв, создав постклассическую физику.

Как тут не вспомнить еще одного чайника, не получившего законченного образования? Благодаря этому чайнику мы летаем в космос. Имеется в виду, конечно же, Циолковский. Официальная наука полет в космос считала невозможным вплоть до... начала пятидесятых годов! А глухой самоучка Циолковский из Калуги знал, что это вполне возможно, и на основе его знаний полет в космос состоялся, и это теперь приписывается... достижениям самой науки как таковой. Помимо Циолковского обосновал космические полеты еще и Юрий Кондратюк, которого знает каждый американский астронавт как отца современной космонавтики. За плечами у Кондратюка – гимназия. Больше ничего. И благодаря этому «ничего» этого «дилетанта» люди летают в космос. Приятные для престижа науки случайности.

Можно и не только великих вспоминать. По мелочам в науке происходит то же самое. Вспомним, что ботаник Джованни Амичи создал микроскоп. Он не был специалистом от науки ни в оптике, ни в приборостроении. Он был в этих вопросах чайником. Ричард Аркрайт был парикмахером, а в 34 года увлекся изобретательством, и, что вы думаете, он изобрел? Он изобрел ткацкий станок, который произвел революцию в промышленном прядильном производстве. Парикмахер! Лесничий Дрез изобрел сразу велосипед и перископ!!!

Семен Иванович Бадаев был крепостным-самоучкой, а создал способ производства стали, которую называли «бадаевской». Из этой стали Империя изготавливала свои монетные штампы и хирургические инструменты. В XIX веке бадаевская сталь была лучшей в мире по сочетанию вязкости и прочности. А ведь за то, что сделал Бадаев, кому-то платили в это время деньги и под эти деньги ставили эту научную задачу. Но наука не справилась. У крепостного лучше получилось.

Никола Тесла открыл переменный ток, будучи второкурсником университета, и, конечно же, официальное мнение науки – бред. Университет он бросил, и вообще с наукой у Теслы так и не сложились отношения. Он даже от Нобелевской премии отказался. Умер в нищете. А сама Нобелевская премия появилась благодаря самоучке Альфреду Нобелю. Нобель тоже победил науку, не будучи никаким ученым. Уже его отец, занимаясь производством взрывчатых веществ, обращался к науке и консультировался с самим Зининым. Россия очень заинтересована была в то время в безопасной для самих саперов взрывчатке – Крымская война изобиловала подкопами под вражеские позиции с закладкой зарядов, но пороховые мины только пугали, не нанося вреда врагу, а смесь нитроглицерина с порохом взрывалась даже от случайного чиха: не было и речи о большегрузном перемещении такой взрывчатке при тех дорогах и при том транспорте. Вот и вызвали из Швеции Нобилей, которые на взрывчатке собаку съели (у них был завод по ее производству) и дали им в помощь науку. Но наука проблем безопасной взрывчатки не смогла решить. Решил уже позже своими усилиями сам Альфред Нобель (сын), придумавший запал и способ поглощения нитроглицерина инфузорной землей (динамит). Разбогатевший самоучка решил помочь далее науке не только интеллектуально, но и материально, составив завещание, с которого и пошла Нобелевская премия, эта касса взаимопомощи своих для своих среди своих со своими.

Александр Белл изобрел телефон и первое устройство в области записи и воспроизведения звука. А кем был Александр Белл? Александр Белл был директором училища по подготовке преподавателей для школ глухонемых. Всё его профессиональное образование – литература, ораторское искусство и преподавание музыки. Акустику и физику Белл изучил самостоятельно, будучи как раз преподавателем музыки. Научить глухонемых чтению и словам, по мнению Белла, неплохо было бы через какой-либо способ сделать неслышимую для них речь видимой. Пришлось изучить еще и электротехнику с механикой (в замысле был электромеханический демонстрационный прибор, который он заранее так и назвал – «телефон»). В итоге получился парадокс – то, что делалось для глухонемых, стало служить именно для слухового общения обычных людей. Здесь ученый мир не возмутился, но спохватился – началось состязание в создании промышленного образца телефонного аппарата между научными лабораториями и учителем для глухих. Наука так и заявила: мы сможем сделать быстрее и лучше то, что хочет сделать учитель глухонемых. Белл вызов принял. Следил весь мир. Учитель победил... Когда Америка хоронила Белла, в этот день была отключена вся телефонная сеть страны (13 миллионов абонентов!), чтобы люди вспомнили, каков был их мир до этого чайника.

Николай Николаевич Бенардос, создатель электросварочного аппарата, был специалистом по земледелию и лесному хозяйству. Бессемеровский процесс нынешней выплавки стали создал чайник-изобретатель Бессемер. Первый прототип гусеничного трактора (гусеничный ход) создал самоучка, русский крестьянин Федор Блинов.

Буквопечатающие телеграфные аппараты создал простой служащий телеграфа в Бордо Жан Бодо. Абрахам Дерби учился производству солода, но – как-то не сложилось, и он стал отливать чугунные горшки в песчаные формы – такой у него был бизнес. Вдруг он бросил это прибыльное дело, взял в аренду заброшенную домну – и создал ни много, ни мало, а способ массового производства железа в плавильной печи. Вся современная металлургическая технология производства железа было создана этим необразованным мануфактурщиком.

А вот - Роберт Бойль, который сделал из химии науку. Свой закон (Бойля-Мариотта) он установил в 35 лет, будучи религиозным философом. За этот закон, правда, через три года ему присвоили степень доктора физики. Другой автор этого закона Мариотт был настоятелем монастыря.

Врач и декан медицинского факультета Генри Дрэпер разработал метод, технологию, и приборы для космической фотографии. Он первым сделал фотографии поверхности Луны и Солнца, а также научил людей фотографировать спектры космических тел. Этот медик смог заснять даже Большую Туманность Ориона, для чего выдержка экспозиции в его устройстве составляла 2 часа 17 минут! Официальная астрофизика эту проблему решить не могла. А врач на правах хобби справился.

Александр Чижевский – выпускник Московского археологического института. Его диссертация называлась «Русская лирика XVIII века». Все остальное – самообразование и работа в домашней лаборатории, построенной на личные средства. А что «все остальное»? Исследования зависимости периодичности всемирно-исторического процесса от солнечной активности, ионизация воздуха, аэроионотерапия. Только после международного признания он получает в свое распоряжение научную лабораторию, занимающуюся этими революционными разработками. Но ненадолго – репрессирован «за мракобесие» своей теории о влиянии солнечной активности на активность исторических процессов. Данную оценку его труду дала научная общественность...

Тихо де Браге, создавший основы современной астрономии, был самоучкой и нищим приживалой у самодуров-феодалов. Наука его и знать не хотела. Кеплер, был богословом по образованию, который остался за вольнодумство без работы. Вечно голодный и полунищий Кеплер, преследуемый, то самим Ватиканом, то противниками Ватикана, создал современную научную картину космоса. Этот самоучка-вольнодумец – один из самых величайших ученых в истории человечества. Не в том смысле ученый, что он был ученым, а в том смысле, что и он теперь учеными считается за своего, а не за чайника.

Официальная археология не верила в реальность гомеровских поэм. Всем своим авторитетом наука считала Троию фантазией. Сорокашестилетний купец Генрих Шлиман начинает изучать археологию и вычисляет своим торгашеским умом расположение древнего города. Он едет в Турцию и на свои средства организует раскопки. Троию он нашел. Официальная археологическая профессура была неприятно поражена... После этого археология стала археологией, дополнившись источниковедением.

Изобретатель пистолетов системы «Браунинг» - самоучка по фамилии Браунинг. Автомат Калашникова – плод изобретательства самоучки. Джордж Буль, заложивший основы математической логики, не имел специального математического образования и вообще был полным самоучкой, несмотря на то, что получил сразу профессорскую должность в колледже после того, как из своей глуши прислал в Лондон свои математические работы. Сегодня матлогика этого самоучки и сына простого рабочего, лежит в основе работы всех цифровых устройств мира. Ван-дер-Ваальс, автор знаменитого уравнения, носящего его имя и закона соответственных состояний – самоучка. А ведь он определил силы межмолекулярного взаимодействия – вандерваальсовы силы! А ведь именно найти силы в физике – это вершина успеха. Чайники тоже достигают этих вершин.

Землемер Каспер Вессель из Дании впервые дал геометрическое представление комплексных чисел. Естественно, что кадровая наука в течение последующих ста лет с трудом, но убедила себя в правоте землемера. Франсуа Вийе ввел буквенные обозначения для неизвестных величин и для коэффициентов уравнений, благодаря чему стало возможным выражение свойств уравнений и их корней общими формулами; он же создал единообразный прием решения уравнений 2-й, 3-й и 4-й степени. Вийе не был математиком, и даже не был ученым. Он был простым юристом.

Броуновское движение – открытие личного библиотекаря Президента Королевского общества и хранителя ботанического отдела Лондонского музея Роберта Броуна, врача и некогда простого ассистента хирурга. Уволенный в запас генерал-лейтенант Фердинанд фон Цеппелин на собственные средства построил мастерскую, где восемь лет потратил на создание дирижабля. У него получилось. Кстати уволили его из вооруженных сил кайзеровской Германии именно за непрерывно посылаемые рапорты с идеей дирижабля в научные военные сферы.

Только в девяностые годы двадцатого столетия человечество получило *технические возможности* (!) производить расчеты статистической вероятности, сформулированные на теореме Томаса Байеса, священника пресвитерианского прихода в городке Танбридж, Уэллс. Причем именно с применением математического метода, разработанного этим священником, современное программное обеспечение поиска контекстной запросу информации становится более или менее адекватным в условиях нынешнего информационного обвала, обрушившегося на головы пользователей Интернета. Вот куда залезают (через триста лет!) идеи чайников-недоучек!

А вот еще один злостный альтернативщик – Нильс Бор. Бор был специалистом по гидродинамике, и только что защитил по этой теме диссертацию. Диссертация была вполне успешной и у него был накатанный многими предшественниками путь в официальную науку. Но он в *под действием личного интереса* пустился в свободное плавание - пробился в датскую группу по обмену научным опытом, которая должна была заниматься... проблемами атома в Англии. Никакого отношения к его прямой научной специальности это вообще не имело, но ему очень хотелось. В Англии он работал в лабораториях Томсона («джи-джи») и Резерфорда («крокодила»). В этих лабораториях он начал все сначала, прямо с нуля (поскольку вся ядерная физика тогда началась буквально с нуля) и далее мы должны сказать – «и в итоге сделал одно из величайших научных открытий в истории науки». Но мы так не скажем, потому что Бор – ничего не открывал. Здесь вообще все очень забавно получилось. Лабораторные данные говорили – атом не излучает. А все ученые говорили – лабораторные данные говорят о том, что этот проклятый атом, черт его задери, не излучает, хотя по всем канонам должен излучать, и следовало бы просто признать, что он в своем стационарном состоянии не излучает, но это абсолютнейшая глупость с точки зрения современной науки, тем более, что этот атом, черт его задери, все-таки излучает или поглощает энергию, когда меняет свое состояние! А Бор сказал – лабораторные данные говорят о том, что атом в стационарном состоянии не излучает, и поэтому вот вам мой первый постулат – атом в стационарном состоянии не излучает; но этот атом, черт его задери, излучает или поглощает энергию, когда меняет свое состояние, и вот вам мой второй постулат – когда атом меняет свое состояние, то он или излучает или поглощает энергию, пока снова не попадет в стационарное состояние. Здесь не было никакого открытия! Здесь была просто смелая констатация факта (не стоит удивляться соединению эпитета «смелый» с определением «констатация факта», для науки факт – это далеко не факт, если он не вписывается в те правила, которые наука придумывает для фактов). Самое интересное, что не ядерная физика, а классическая, ньютонова физика нашла ядро. Кроме того, те факты, которые констатировал Бор, интерпретировались *классически*, по Кеплеру, в том смысле, *что электроны должны были вращаться вокруг ядра, как планеты вокруг Солнца* и при этом расходовать на свое вращение энергию, что должно сопровождаться ее излучением. По настоящему новой

физикой всё это было бы только в том случае, если бы предположили, что электроны *не вращаются* и поэтому не излучают. Но даже сказанное *во всех традициях классики* выглядело безрассудно смелым. Что же позволило Бору сказать в качестве научного постулата то, о чем все вокруг говорили как о беспредельно сомнительной глупости? Сам Бор очень честно ответил на этот вопрос – «я никогда не боялся выглядеть дураком». Дураком относительно канонов науки (добавим).

Принцип дополнительности Бора – это еще один революционный прорыв в методологии научного познания. Но и здесь не сказано ничего нового! Сам Бор был верующим христианином, и не мог не знать о христианской Троице, где истина познается на взаиморасталкивающем стремлении друг к другу противоположных характеристик Непознаваемого Единого. Принцип дополнительности Бора – то же самое, только выведен он не в результате гениальной работы мысли, а в результате простой способности видеть вещи таковыми, каковы они есть, а не таковыми, какими они должны быть согласно научным догмам. И здесь Бору помог еще один принцип, которого он всегда придерживался и о котором никогда не уставал напоминать, а именно – «никогда не выражайтесь яснее, чем вы думаете».

Ни один истинный ученый, ни один из создателей ядерной физики и атомных моделей не смог просто вслух повторить то, что напрямую исходит из самих бланков отчетов лабораторных исследовательских групп. А Бор смог. И хотя до самой его смерти самым большим весельем для всех сотрудников Бора было подтрунивание над его низким знанием математики (говорили, что Бор безошибочно владеет только двумя математическими понятиями – «больше» и «меньше»), но именно эта свобода Бора от сложных знаний и привела его к подобным «открытиям». И надо сказать, что Бора все любили. Не просто любили – обожали! Это был удивительно доброжелательный и скромный человек. Как говорится – таких просто не бывает. Но он был. И ему простили.

А ведь было что прощать! Германская физика вообще на дыбы встала! И, следует полагать, что ни постулаты Бора, ни его принцип дополнительности никогда не имели бы столь легкой жизни, если бы Бор не вернулся из Англии в Копенгаген. В то время германская физика была готова признать всё, кроме английской физики, а английская физика признавала только то, что не было связано с германскими физическими школами. Так уж между ними повелось. В свое время англичане даже Канта не стали переводить и читать, когда тот вывел первую в мире эволюционную космогоническую теорию (Вселенная образовалась сгущением под силой гравитации из бесформенной туманообразной массы и т.д.), потому что, по мнению англичан, - немцам в физике не должно быть никакого доверия! А тем более философам-немцам, коснувшимся своими немецкими философскими лапами физики, истинно принадлежащей только англичанам (ну, немножко, может быть, еще кому-нибудь, но только не немцам)! Германия отвечала удивительно сходными настроениями относительно самой возможности сочетания таких понятий, как «англичанин» и «физика». И вот Бор вернулся в Данию и специально *для него* там был построен самый крупный в те времена центр физических исследований, который на то время стал мировым центром передовой физической мысли. И здесь еще одна цепь способствующих обстоятельств – немцы не признали бы боровских постулатов, поскольку Бор работал в группе англичанина Резерфорда; англичане не стали бы сильно защищать, если бы защита велась на их территории, поскольку – тоже ведь, датчанин, а делает все наперекор великому (действительно Великому!) англичанину Максвеллу! Датчанин – то, что надо в этой ситуации, чтобы и те, и другие приняли. Не англичанин (не немец) – и слава Богу!

Но и это еще не все! Дания в то время находилась на пике своего политического унижения! Когда-то даже Нью-Йорк принадлежал Дании и назывался Нью-Амстердам! Затем Англия и остальные европейские монстры Данию сильно потеснили. Еще сто лет назад Дания была одной из крупнейших фигур в европейской игре, но в течение этих ста лет она теряет Норвегию и остров Гельголанд (участие в наполеоновских войнах на

стороне Франции), земли Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург (войны с Германией и Австрией), упускает из рук колонии в Индии и Западном Полушарии, а Исландия буквально на нее плюет и «де факто» не подчиняется датским властям. Фарерские острова тоже бузят и не слушаются, а вся территория страны теперь сузилась до рамок проживания только этнических датчан. Дания выбывает из большой европейской политики, самосознание нации унижено десятилетиями тяжелых поражений, и всё это дополняется внутренними неурядицами неудачных экспериментов с монархическим строем и бестолковыми хозяйственными реформами. Чтобы поднять престиж страны, вернуть народу гордость и достоинство (народу нужны победы!) Нильс Бор раскручивается датским руководством как лидер всей мировой физики (самого престижного в то время рода интеллектуальной деятельности цивилизованных стран)! Уникальная скромность Бора и его величайшая тактичность в вопросах научных приоритетов только усиливают любовь всего мира к Бору – и это консолидирует теперь уже непривычно маленькую для датчан страну и возвышает ее и в глазах своего народа и во мнении всего мира. Не будь этого – несдобровать бы и постулатам Бора и принципу дополнительности. Так накопленная масса случайностей образует неслучайное исполнение задач.

Перейдем к вопросам попроще. Первый в мире зерноуборочный комбайн создал самоучка и управляющий именем Андрей Романович Власенко. Или вот – громоотвод. Даже ребенку сейчас понятная вещь. Но эту простую и понятную вещь долго не признавали и считали «лженаучной». Дольше всех предавала анафеме этот позорный факт недомыслия современников Французская Академия Наук! Она напрямую называла этот факт «позором времени», поскольку официальная наука ничего не может сделать с дикой безграмотностью обывателя, ставящего громоотводы над своими крышами. А всё потому, что громоотвод изобрел не ученый, а чайник - чешский священник Прокоп Дивиш. Потом уже и Французская Академия признала. После того, как в Вашингтоне разразилась страшная гроза, и молния сожгла дотла в этом городе одно единственное здание, чьи владельцы не захотели ставить громоотвода. И стоит ли даже сомневаться, что это было французское посольство?.. Как вам это интересное совпадение?

Алессандро Вольта заложил основы электротехники, создал первый источник постоянного тока и дал методику всех дальнейших научных физиологических экспериментов. Он многое сделал для науки, этот богослов-иезуит и директор философского факультета. Юзеф Вроньский ввел знаменитый «вронскиан», функциональный определитель, имеющий основное значение в теории дифференциальных уравнений. Вообще-то он поначалу не ставил перед собой никаких подобных целей для жизни – он был философом-мистиком и служил артиллерийским офицером в штабе А.В. Суворова. И это вполне естественно – в России нельзя не быть философом-мистиком, хотя это и не характерно для российских военных штабов: там по большей части нет ни философов, ни мистиков, ни вместе собранных на одном офицере подобных наказаний. Но у Суворова в штабе такой был. Это закончилось неожиданно - в 35 лет Вроньский решил помочь отстающей науке, и начал самостоятельно изучать математику. И помог.

Нильс Хенрик Абель, его вклад в математику сложно даже просто перечислить пообъектно, в частности, благодаря ему, появилась такая математическая дисциплина, как теория алгебраической функции. Он прожил всего 27 лет, путешествовал по Европе, был не признан родной норвежской наукой и умер в нищете от туберкулеза.

Точно так же помог отстающей науке юрист Честер Карслон, который изобрел ксерографию и основал фирму «Ксерокс». Эварист Галуа не проучился в университете и года – бросил учебу и погрузился в политическую борьбу. Был республиканцем, дважды сидел в тюрьме за антимонархическую деятельность и в 21 год погиб на дуэли. Все это время он любительски занимался математикой, и результаты этого любительства знакомы любому математику – алгебра испытала исключительно сильный толчок для своего

развития, получив от этого любителя ряд фундаментальных понятий теории групп. Луиджи Гальвани, один из основателей учения об электричестве, был преподавателем анатомии. Глухой самоучка Гильом Амонтон установил точку кипения воды, нашел прямую пропорциональную зависимость между температурой и давлением газа, установил связь между плотностью воздуха и его давлением, открыл законы внешнего трения твердых тел. Шлифовщик полудрагоценных камней и производитель зеркал Иоганн Генсфлейш, взявший фамилию Гуттенберг в честь городка в котором родился, изобрел книгопечатание. Еще один человек, связанный с зеркалами и стеклами, самоучка Йозеф Фраунхофер, создал спектроскопию, и это именно он, сын стекольщика, не получивший образования и не имеющий на ученых собраниях даже права голоса из-за малой образованности (ему брезгливо разрешали присутствовать с одним условием – быть незамеченным никем, кроме самого себя и Господа Бога), применил дифракционную решетку для изучения спектров!!! В голове не вмещается!!!

Николо Тарталья даже не знал своей истинной фамилии, настолько был незначителен по своему бедному происхождению. «Тарталья» - это его детское прозвище, которое переводится с итальянского как «заика». Европа – веселая страна. Причем, своим основным весельем Европа не веселится всего лишь каких-либо 60 с лишним лет (с 1945 года), а во времена Тартальи любимые европейские празднества, называемые «войнами», не прекращались ни на месяц. В один из таких пиков веселья маленький Тарталья с матерью укрылись за стенами какого-то городского укрепления, но как раз через стену, за которой они прятались, вошли на праздник те, которых, не то чтобы не ждали, но не приглашали и не хотели. По пути гости изувечили мальчишке лицо, и он стал заикаться. В те времена подобные знаки на лице и косноязычие были поводом не к сочувствию, а к насмешкам с издевательствами. Тарталья был неграмотен до 14 лет из-за отсутствия средств. Потом он сам научился читать. Потом он увлекся математикой и так пристрастился, что стал одной из крупнейших фигур в этой науке для своего времени. В частности он выяснил, что баллистика снаряда представляет собой кривую линию, а до этого наука выводила путь снаряда сначала по прямой, потом с переходом в дугообразное падение и снова в полет по прямой. Он создал основы баллистики. Тарталья также вычислил, что самый дальний выстрел произойдет, если снаряд полетит по направлению 45° относительно земли. Но любимым занятием этого самоучки было вызывать на состязание по решению математических задач кадровых ученых и побеждать их. Наука с ним тоже не дружила, а Кардано его просто обокрал, выманив несколько секретов решения тартальяевых задач, и выдав за свои.

Вернер Гейзенберг прославился тогда, когда еще не был ученым – только-только закончил университет и работал лаборантом у Борна. Через год он создал матричную версию квантовой механики. Напомним, что Борн (его руководитель) сокрушался именно тем, что Гейзенберг очень плохо образован. Но всего важнее то, что Гейзенберг был самым настоящим «альтернативщиком». В большинстве обзоров о проблемах квантовой механики до сих пор чаще всего ссылаются на основное уравнение Шредингера. О Гейзенберге сохраняется удивительное молчание. Сейчас бы Гейзенбергу даже пикнуть не дали – потому что в физическом королевстве все спокойно, и никому шуметь уже не позволено. И у короля такое красивое платье... А во времена Гейзенберга все было по-другому – жили такие люди, как Бор и Планк, истинные революционеры сознания, а, кроме того – *цепь случайностей помогла*. В самый разгар работы Гейзенберг неожиданно заболел сенной лихорадкой, и попал на карантин в один из балтийских островов. Там он и создал свою матричную механику. В то время ни Интернета, ни даже регулярной почты по условиям карантина не было – и он спокойно работал, не зная о тех великих ожиданиях, которые питал научный мир относительно работ Шредингера. Случай как всегда оказался на самом нужном месте.

Если упоминать о карантинах, то Ньютон, едва получивший свою первую научную должность, был вынужден тотчас же выехать в свою родную деревню на два года по

причине карантина от страшной чумы, навалившейся на Англию. Всех выгоняли из городов, потому что чума передается от человека к человеку, и надо было рассеять людей, чтобы создать зоны непреодолимости для распространяющейся смертельной болезни. В эти два года скучающий в деревенском домике Ньютон, еще не ставший ученым в том смысле, в котором это понимается наукой, и не имеющий для научной работы ничего, кроме гусиного пера и запаса бумаги (он крутил колесо телеги, чтобы моделировать обращение Луны вокруг Земли!!!), вывел всю классическую механику и оптику в основных принципиальных положениях. Все, что он сделал потом, находясь в научных чинах – это доводка «до ума» этих идей, посетивших его в эти два года. Случай уберег человечество (и Ньютона) от немедленного погружения этого Титана в мертвечину научной жизни.

Чиновник Отто фон Герике, находясь в должности бургомистра города Магдебурга, доказал существование вакуума, давление воздуха, открыл его упругость, способность воздуха поддерживать горение и проводить звук. Кроме того, этот чиновник определил наличие в воздухе паров воды. Затем он отвлекся от воздуха и обнаружил электрическое отталкивание, электрическое свечение, сконструировал первую электрическую машину и первый водный барометр. Эти чайники бывают порой совершенно неугомонными.

Вильгельм Гершель изобрел астрономические приборы, с помощью которых открыл планету Уран, по два спутника Урана и Сатурна, а также обнаружил движение Солнечной системы в пространстве. Он же первым описал форму Галактики, дал ее размеры и доказал ее же изолированность в пространстве. Далее он положил начало звездной статистике, открыл 2500 (!) новых туманностей и звездных скоплений, первым выяснил закономерность распределения туманностей, открыл инфракрасные лучи в спектре Солнца и вообще первым начал изучать солнечные и звездные спектры. Все это удалось ему сделать только потому, что он нигде и никогда ничему такому у официальной науки не учился. Он спрятался от нее на должности учителя музыки, и астрономией просто увлекался. Другой преподаватель музыки, Дэвид Хьюз, дал человечеству буквопечатающий телеграфный аппарат. Священник Франческо Гримальди открыл дифракцию света. Действующий актер Глеб Котельников изобрел ранцевый парашют. Литографию (цветную печать) изобрел типограф Иоханн Зенефельдер, бывший, а не действующий, актер. Еще один бывший актер, малообразованный Исаак Зингер усовершенствовал швейную машинку, которая у него получилась с горизонтальным челноком, непрерывным швом, ножным приводом и столиком для ткани – ту самую машинку «Зингер», на которую молились наши бабушки и все портнихи всего мира. Вообще это зингеровское изобретение – один из самых великих образцов конструирования механизмов в мировой практике. А усовершенствовал Исаак Зингер швейную машинку Фелпса, которая в свою очередь также была уже усовершенствованием первой в мире швейной машинки Илайеса Хоу, простого часовщика, который и является изобретателем этого бытового швейного прибора.

Практикующий ветеринар Джон Данлоп изобрел нынешние надувные (пневматические) шины для велосипедов, мотоциклов и автомобилей. Уильям Гильберт создал первую теорию магнитных явлений, определил, что у Земли есть магнитные свойства, а полюса магнита «Земля» совпадают с ее географическими полюсами. Гильберт также первым обнаружил электрические свойства предметов, и это ему принадлежит сам термин «электричество». А чему удивляться? Ведь Гильберт также не был штатным ученым, он был всего лишь придворным врачом. А вот и Хаббл – «Коперник современности». Хаббл был юристом и специалистом по юриспруденции. Астрономией занимался в качестве увлечения, причем в обсерваториях, созданных такими же увлеченными людьми, не состоящими в штате науки. Наука Хаббла любила, потому что он практически подтвердил некоторые из ее математических концепций.

Джордж Грин, создатель «формулы Грина» и «функции Грина» в физике, а также автор основного уравнения в теории упругости, известен помимо всего этого еще и тем, что впервые применил матанализ к теории электричества и магнетизма. Он же ввел в науку понятие «потенциал». Наука активно и с удовольствием пользуется всем этим до сих пор, простив Грину то, что он – самоучка. Таким же самоучкой был и Джон Дальтон, самый дорогой частный учитель города Манчестера, который первым в мире показал, что все химические реакции - это результат соединения или деления атомов, а все атомы разных элементов имеют разный вес. Он назвал это "Новая система химической философии". Он же – автор «законов Дальтона», которым подчиняются газовые смеси и он же - первый описатель дефекта зрения «дальтонизм». Дальтон также ввел в науку понятие «атомный вес химического элемента». Частный учитель-самоучка.

Самоучка Луи Дагер создал первый способ получения фотографии. Военнослужащий Жерар Дезарг начал своими любительскими работами проективную и начертательную геометрии. Фридрих Вильгельм Бессель – основатель астрометрии, тоже самоучка, бывший торговый служащий. Простой изобретатель Карл Бенц не только изобрел двухтактный двигатель внутреннего сгорания, но и придумал автомобиль как таковой. Он навесил на этот свой двигатель электрооборудование, дифференциал, приделал руль, колеса, сиденья и его сыновья вместе с его соратницей женой Бертой прокатились 200 км по Германии на этой повозке с деревянными колесами и кожаными тормозами. Началась эра автомобиля. Как-то, даже, невероятно, но стоит подчеркнуть – первым водителем автомобиля и первым испытателем автомобиля была женщина!

А вот поразительный факт – Декарт самоучка!!! Он 20 лет жил в уединении, думал, изучал, писал... Декарт!!!

Свекловичный сок при получении сахара очищается известью, и это первым открыл безвестный самоучка Яков Есипов. Томас Зеебек открыл термоэлектричество – медик. Другой медик Игнац Земмельвейс всего лишь требовал от акушеров мыть руки раствором с хлоркой. Сейчас даже не поднимается рука написать этот страшный, просто опустошительный для разума процент гибели рожениц в XIX веке от родильной горячки. Читатель никогда даже не сможет предположить этого процента, а у автора и в самом деле не хватает просто душевных сил, чтобы его привести – настолько он страшен. И вся причина подобной невероятной трагедии была в занесении инфекции в организм матери при родах. Земмельвейс просил только одного – перед приемом родов мойте руки с хлоркой. Там, где он заставлял это делать, родильная горячка практически исчезала. Но официальная наука гневно воспротивилась – это что еще за профанация медицинских методов?! Земмельвейс вынужден был покинуть родину и уехать в Вену, настолько были сильны гонения. Филармония во все времена умела за себя постоять...

Кинг Кемп Жилетт, коммивояжер средних лет, родил идею одноразовой бритвы. До этого весь мир со времен Египта брился опасной бритвой, которую следовало постоянно затачивать. Жилетт придумал станок, в который вставлялись сменные лезвия. Но научные специалисты отвергли его идею – столь тонкое лезвие невозможно будет закалить (это раз) и это будет очень дорогой игрушкой (это, по мнению науки, было «два»). Жилетт десять лет потратил на самостоятельную работу, затратив 25 тысяч долларов (в конце XIX века!) собственных средств, и его упорство убедило специалистов – один из металлургов-технологов поверил этому фанатику, заразился и буквально в течение нескольких месяцев решил проблему, которую раньше никто не считал решаемой. Такова вера чайника.

Вот еще один самоучка – Григорий Игнатьев. Этот малоизвестный и безо всяких ученых степеней человек, ни много, ни мало, а изобрел способ одновременного телефонирования и телеграфирования по одному и тому же проводу! Сразу стало требоваться ровно в два раза меньше проводов для связи! Таковы эти чайники – как придумают что-нибудь...

Учитель гимназии Аньош Йедлик создал первые электромагнитные двигатели вращательного движения. Другой учитель Джон Филипп Холланд мечтал о победоносной войне Ирландии против Англии. Англия – это флот. Что может сделать с этим флотом маленькая Ирландия? Начни она только создавать свой флот, как придут англичане и не постесняются пустить его весь на дно. Поэтому учитель придумал гениальный способ победить Великобританию – сделать подводный корабль, и в невидимом виде, из-под воды, перешелкать все королевские крейсера и эсминцы. Далее учитель уже не сомневался и сконструировал ... подводную лодку. На его проекте были собраны первые субмарины, которые поступили на вооружение ВМС США, Великобритании (!!!!), Японии и России.

Бонаventura Кавальери способствовал своими достижениями началам интегрального исчисления. Его называют математиком, и он, несомненно, был математиком, несмотря на то, что был он монахом. Монах Алессандро Спина изобрел очки. Василий Калашников, у которого было три класса уездного училища – создал форсунки для распыления мазута и пароперегреватели. Изобретатель процесса вулканизации резины Чарльз Гудьир был предпринимателем, занимающимся скобяными изделиями. Фирма прогорела, и он самочинно несколько лет занимался опытами по вулканизации. В конце концов ему помог случай (капля приготовленной смеси каучука с серой упала на горячую плиту и вулканизация произошла прямо на глазах). Гудьир дал миру резину! Скобарь!!! До этого (не надо заблуждаться!) резины не было – то, что так называлось, летом прилипало и тянулось, а зимой лопалось или ломалось.

Самоучка Джордж Кейли создал планер и современное велосипедное колесо со спицами. Типографские машины созданы Фридрихом Кёнигом, лейпцигским самоучкой, типографским рабочим (именно машины, а не станки, у машин производительность в 5 раз выше). Первую наборную машину создал также самоучка Петр Княгинский. Сэмюэл Кольт был предпринимателем и директором завода. Ткацкую машину тонкой пряжи создал самоучка Сэмюэл Кромптон. Недоучка-семинарист, не прельстившийся церковным служением и ставший автомехаником, Жозеф-Арман Бомбардье, сконструировал первый (кстати, ныне практически не усовершенствованный) индивидуальный маневренный снегоход. Наверное, все же, с Божьей помощью.

В средние века жил один хороший врач. Его ценили как знающего целителя, и он пользовался репутацией добросовестного и удачливого врачевателя. Клиентов было, хоть отбавляй, и он очень сильно уставал. Отдыхал он за своим любимым хобби – за астрономией. Звали этого врача – Николай Коперник.

Самоучка Кулибин создал прожектор, дающий при слабом источнике мощный свет, создал механические протезы, конструировал и строил мосты оригинальнейших конструкций, создал экспериментальную базу Российской Академии Наук (механические мастерские при Академии). К нему благоволила Екатерина II, благодаря которой он и получил должность при Академии Наук. После смерти Императрицы ученые с возмущением выгнали этого самоучку из Академии. Когда Кулибин умер, у его супруги даже не было средств на его достойное захоронение. А ведь он сделал для российской науки то, что сделал для английской Гук – соединил ее с экспериментом благодаря тому оборудованию, которое изобрел, собрал и которым оснастил академические лаборатории.

Шарль Кулон, офицер инженерных войск, изобрел крутильные весы (!!!) и вывел основной закон электростатики. Все исследования проводил самостоятельно и без ведома Филармонии. Антуан Лоран Лавуазье, создатель классической химии (!), – по образованию юрист. По профессии Лавуазье - финансист. Финансист-махинатор. Разбогател на откупах и часть средств потратил на устройство личной химической лаборатории – увлекался химией. В итоге мы имеем химию как точную науку, и знаем, что горение – это процесс соединения кислорода с веществом, а также знаем, что вода это соединение кислорода и водорода. Благодаря Лавуазье наука получила стехиометрию, введение в химию атомизма, термехимию и даже знает о поглощении кислорода и

выделении углекислого газа при дыхании. От Лавуазье пораженная наука услышала, что дыхание подобно горению, где тоже кислород поглощается, а углекислый газ выделяется, и это является источником тепла. Еще науке, благодаря Лавуазье, знаком закон сохранения вещества, и такие понятия, как «химическое соединение» и «химический элемент». Официальная наука до Лавуазье шла своим строгим защищаемым ею самодвижением – путем флогистона (некое начало горючести, которое содержится в веществе и выделяется при горении). Но финансист науку поправил. Иногда любительская частная лаборатория «альтернативщика» стоит всей оснащенности всего научного мира. Правда, самому Лавуазье помогал Лаплас, который... не имел академического образования. Лаплас был богословом и естественные науки изучил самостоятельно, что и позволило ему основать теорию вероятностей и завершить небесную механику Кеплера и Ньютона. А Лавуазье был казнен за финансовые махинации. Через два года после казни повторное следствие установило – ошибка вышла, не виновен был мсье Антуан Лоран... Видать, первое расследование происходило полностью по науке...

А вот еще самоучка, то есть, чайник, - Лагранж. Этот чайник создал вариационное исчисление, обосновал статистику, дал уравнение гидромеханики и общей механики, вывел одну из основных формул дифференциального исчисления. Энтони Ван Левенгук был торговцем, и у него было хобби – шлифование оптических стекол. В итоге появилась научная микроскопия, а человечество впервые увидело бактерии, эритроциты, клетки, зародыши и другие органы и части животных и растений. Иногда эти чайники о таком рассказывают!

Готфрид Лейбниц! Великий Лейбниц! Если есть какая-то первая десятка самых великих людей в истории науки, то Лейбниц должен туда попасть, несмотря на то, что он по образованию был юристом и философом. Четыре года он находился на дипломатической работе во Франции, где в свободное время самостоятельно изучил математику и естествознание. Лейбниц даже сам себя называл самоучкой. Затем, вернувшись в Германию, Лейбниц до конца своей жизни работает библиотекарем и по делам юстиции. Этот самоучка-библиотекарь дал первую формулировку закона сохранения энергии, выдвинул идею превращения одних видов энергии в другую, его закон тождества до сих пор изучается слово в слово, и он один из создателей дифференциального и интегрального исчислений. Это его идея двоичного кода чисел лежит сейчас в основе современных операций; он изобрел первую счетную машину, ввел в науку понятие «алгоритма», знаки интеграла и дифференциала, понятие кинетической энергии. Это сейчас Лейбниц составляет истинную славу науки, а когда он умер, то ни одна научная академия Европы не сочла нужным даже просто дать сообщение об этом простом факте! Только через год в Париже как-то это отметили на своем заседании выступлением вне регламента какого-то энтузиаста. Потому что Лейбниц олицетворял лженауку! Когда он ввел понятие бесконечно малого приращения функции, то ученый мир назвал эту идею чайника «чуждым не только математике, но и здравому смыслу». То есть – тоже объявили в некоей обтекаемой форме сумасшедшим. Официальная наука заявила о несоответствии алгоритмов дифференциального исчисления принципам математической строгости. А сейчас это - центральная и наиболее продуктивная часть математического знания. Современная наука во многом стоит на Лейбнице, который к науке, как организационному институту, не имел никакого отношения.

Двигатель внутреннего сгорания появился благодаря официанту-изобретателю (!!!) Этьену Ленуару. Наша комнатная лампа накаливания придумана офицером в отставке Александром Лодыгиным в его самодельной домашней лаборатории. Еще один изобретатель нашей лампочки, Павел Яблочков, был начальником отдела телеграфной связи одной из московских железных дорог. Тоже работал в своей собственной мастерской по электротехнике (в сарае!). А механик «с фабрики» изготовления кроватей Элиша Грейвс Отис придумал улавливатели, которые до сих пор страхуют лифты зданий

от падения при обрыве транспортного каната. Он не умел составлять инженерных расчетов и писать диссертационные работы, поэтому он просто демонстрировал на выставке, как это будет выглядеть – заходил в открытый лифт и обрубал над собой удерживающий канат... топором. Лифт не падал к удивлению публики и к торжеству дельцов строительного бизнеса, потому что благодаря механику с фабрики кроватей появилась индустрия небоскребов.

Фотограф Луи Люмьер изобрел киноаппарат и снял первое кино. Лучший пулемет практически всех армий мира вплоть до II Мировой Войны создал самоучка Хайрем Максим. Карабин «Винчестер», который «покорил Американский Запад», изобрел столяр, а затем фабрикант-суконщик Винчестер Фишер. Братья Маннесманы работали на фабрике напильников и там между делом изобрели способ производства бесшовных труб – мечта и непосредственный заказ всех научных академий того времени. Монах Грегор Мендель создал учение о наследственности и современную генетику, но признания не получил – Филармония не поверила. Через 40 лет артисты в составе Филармонии проделали большую работу, которая подтвердила, что монах был прав. А господствующая в науке концепция преформизма (зародыш есть всего лишь очень маленький организм, например сперматозоид – это маленький-маленький человечек, который потом вырастет в большого) оказалась ложной. Правда монах к тому времени уже 25 лет как умер, но в факте его смерти, пожалуй, Филармонию винить не стоит.

Житель монастыря, философ и теолог Марен Мерсенн определил скорость звука в воздухе. Гильермо Маркони – самоучка. Винят Маркони за перехват приоритета на радио у Попова. А зря винят – Маркони не был ученым и не знал, что радиоволны могут распространяться только на расстояние прямого пути светового луча. Когда он решил применить радио в качестве способа всемирной связи, которая могла бы распространяться в любую точку Земли – он проявил именно ту особенность чайников, которая так смешит всегда официальных ученых. Он проявил незнание основ науки! Потому что наука в то время твердо знала, что радиоволны – это то же самое электромагнитное излучение, тот же самый свет, который распространяется только прямолинейно. А Земля, у нас, какая? Правильно – Земля у нас круглая! Значит – куда пойдет радиоволна, отправленная из Европы в Америку? Правильно – она пойдет просто в открытые небеса, миновав Америку, которая находится за скруглением земного шара. Но недоучка Маркони не поверил, и радиосигнал был отправлен и получен в Америке! Выяснилось, что некий участок атмосферы Земли способен эти радиосигналы отражать и рикошетировать далее в точку отправления. Если бы не было самоучек – то не было бы радио, которое мы имеем сейчас.

Генри Модсли и Нартон – двое самоучек, создавшие токарно-винторезный станок с суппортом. Модсли создал также машинное производство деталей машин. Самоучка Джеймс Нильсон изобрел в металлургии технологию горячего дутья. Паровую машину создали кузнец Ньюкомен и лудильщик Коули!!! Школьный учитель Георг Ом дал основной закон электрической цепи. Английский фермер Френсис Смит придумал гребной винт и установил его на небольшом пароходе водоизмещением 6 тонн, закончив тем самым эпоху колеса в судоходстве.

Хирургия была сомнительным и полузапрещенным ремеслом. Занимались хирургией парикмахеры. Лечили в Европе раньше очень просто – заболело что-то и мучает, а молитва не помогает? Тогда – отрезать! Когда парикмахерам давали разрешение на работу, то городские власти вменяли им еще и некоторые хирургические обязанности – у тебя, ведь, есть ножницы, ножи, бритвы, тазики и т.д. Значит, никому не будет так легко, как тебе, что-нибудь отрезать у человека! Вот и будешь не только стричь, но и лечить. Главное в этом – не путать методы на клиентах. Так все это и продолжалось, пока самоучка Амбруаз Паре, парикмахер, не сделал хирургию научной медицинской дисциплиной. Он же заменил заливание ран различными кипящими настоями на простую перевязку чистым лоскутом. А где-то в университетах в это же время учили людей на врачей...

Блез Паскаль в 17 лет занялся самообразованием в области точных наук. Он так и остался без академического образования, дав человечеству гидравлический пресс и гидростатику. Он же подтвердил существование атмосферного давления, заложил основы дифференциального и интегрального исчисления, а затем ушел в монастырь и посвятил себя религиозной философии, потому что считал естественные науки... отвлеченными. Очевидно, знал, о чем говорил...

Жан Пельтье работал часовщиком, получил большое наследство и, как богатый человек, начал чудить – заниматься наукой. Увлёкся термоэлектричеством и открыл так называемый «Пельтье эффект», который используется в охлаждающих и нагревающих полупроводниковых приборах. Ещё один часовщик Джон Фитч создал первый (ни много, ни мало!) паровой двигатель, причём задолго до Роберта Фултона, которому эта честь только приписывается. Но приписывается при этом данная честь опять же не кадровому учёному, а рисовальщику и архитектору, чей паровой двигатель первым в мире совершил дальний и триумфальный переход по большой реке (от Нью-Йорка до Олбани). Василий Петров, создатель сварочной технологии и первооткрыватель электрической дуги, закончил по современной классификации пединститут и трудился учителем. К академической или профессиональной науке он не принадлежал. Любитель.

Жан Понселе попал в Россию вместе с Наполеоновской Великой Армией (с очевидными целями и намерениями), но оказался в плену и был переведен в город Саратов. Там два года плена оказались плодотворными – его любительские исследования стали основой проективной геометрии. Предприниматель Эрнст Сименс был владельцем небольшой мастерской. Своими изобретениями он превратил мастерскую в знаменитую фирму «Сименс». Начал он с телефонного аппарата, а закончил трамваем – механик Сименс создал первый городской железнодорожный транспорт. И вообще Сименс – один из создателей электротехники, потому что Сименс создал первую в мире динамомашину, и тем самым паровые двигатели, на которых в то время даже типографские станки работали, стали уходить и наступила эра электродвигателей.

Ремонтник магазина научных приборов и инструментов Отмар Мергенталлер так устал ремонтировать сломанные пишущие машинки, что создал литьевую печать. Простой изобретатель Сайрус Маккормик, имея образование местной сельской школы, сконструировал механическую жатвенную машину, все узлы которой до сих пор являются основными во всех современных жатвенных системах. Часовщик Гаррисон изобрел хронометр, и почему бы часовщику, собственно, хронометр бы и не изобрести? Что удивительного? Но хронометр – это не часы, это самый сложный прибор, основанный на показателях расширения и сжатия от температурных изменений различных металлов в составе его механизма. Это была проблема из проблем в эпоху мореплаваний, делом чести учёного мира. Решил проблему часовщик. И получил от английского парламента 10000 фунтов стерлингов.

Самоучка Уильям Стёрджен изобрел электромагнит. Другой самоучка Джордж Стефенсон создал железнодорожную технику. До него железная дорога считалась экзотической забавой, неким аттракционом, практически применимым только в шахтных разработках (вагонетки). Официальная наука все подсчитала и в точности уже знала – железная дорога невозможна через реки и холмы, она может идти только строго по горизонтальному пути, а вниз или вверх – не умеет. Кроме того, официальная наука знала, что железная дорога может идти только прямо, как стрела, поскольку на поворотах вагоны будут просто валиться набок. Это все было теоретически проработано и обосновано. В Филармонии, ведь, не дураки сидят! А, кроме того, была очень хорошо подсчитана сама бесполезность железной дороги – по расчетам она не сможет ничего хорошего перевезти даже по прямой и недалеко, потому что даже сам вес вагона или паровоза для нее является предельным. А вот Стефенсон этого не знал, потому что был абсолютным чайником и даже читать и писать научился только в 18 лет!!! Этот чайник взял и построил железнодорожный путь в специально экстремальном варианте – длинный, с постоянными

поворотами на спусках или подъемах, с мостами через реки и виадуками через ландшафтные впадины. Рельсы он сделал не чугунными, а стальными. Этот самоучка на примере данного ж/д пути сделал железную дорогу стратегическим видом транспорта во всем мире. Когда на примере его первой дороги правительство Великобритании увидело все ее плюсы, был объявлен конкурс паровозов. Самоучка Стефенсон тоже участвовал вместе с другими претендентами от высоких научных сфер. В «битве локомотивов» победил его паровоз «Ракета», чья конструкция с тех пор, практически не изменившись, применяется в любой модификации локомотива.

Пьер Ферма! Не хватит страницы, чтобы перечислить всё то поистине великое, что сделал этот юрист для математики. Все свои революционные для математики идеи он излагал в личной переписке своим друзьям... У Эдисона не было даже среднего образования!!! Только начальное!!! Он с 12 лет работал и никогда больше не учился!!! Тоже составляет славу науки! А великий Юнг был врачом! Ампер был самоучкой – его всему научил его отец и приглашенные учителя-гувернеры!

Самоучка Бенджамин Франклин родился в семье свечного мастера, а всего детей в семье было 17! Он пробивался в жизни как мог, освоил профессию печатника, был издателем, почтмейстером, ударился в политику. В сорок лет он увлекся электричеством, и представил доказательный опыт, что грозовые тучи имеют статический заряд, а молния, как следствие, – это электрический разряд. Опыт был доказательный, но произведен не в научной лаборатории, а смекалкой чайника – Франклин запускал в грозу воздушного змея с провокационной медной пластинкой. Пытавшийся повторить его опыт ученый, погиб. Вместо следующего предложения у нас пауза... Теперь далее – еще один Бенджамин по фамилии Хантсмен, был часовщиком, а в 36 лет увлекся металлургией с целью получения пружинной стали для часовых механизмов. Он создал тигельный метод получения литой стали!!!

Просто имена: Амадео Авогадро, автор закона об идеальных газах и создатель молекулярной физики – юрист, математику и физику изучил самостоятельно. Георг Бауэр (создатель горной металлургии) – городской врач, который в 36 лет увлекся горным делом. Ганн (создатель первого арифмометра) – часовщик. А вот трое людей, которые выделили совместными усилиями кислород – аптекари Боме и Шееле, а также приходской священник Пристли, который, кроме того, открыл еще и фотосинтез. Эти трое развернули химию в другую сторону. Еще один аптекарь, Швабе, открыл 11-летние циклы солнечной активности. Репрезентовал астероиды человечеству врач Ольберс. А Парсон, человек вообще не имеющий никакого специального образования, установил спиральное строение галактик. Морзе – художник! Король математики Гаусс – самоучка! Обогнавший Гаусса в поисках новой геометрии Янош Бойаи – лейтенант кавалерии из гарнизона какого-то небольшого венгерского города! Петр Лебедев, открывший давление света – самоучка! Один из создателей кибернетики Эшби – врач.

Братья Райт – владельцы типографии, а потом велосипедной мастерской!!! Они создали первый в мире самолет в то время, когда наука знала, что ни один самолет никогда не полетит! Другие два брата, Монгольфье, (архитектор Жак-Этьен и управляющий бумажной фабрикой Иосиф-Мишель), первыми сконструировали и совершили полет на воздушном шаре. Можайский – офицер в больших чинах! Эйлер по образованию филолог! Луи де Бройль тоже доктор филологии!!! Де Бройль после первой мировой войны вернулся домой и остался без работы (кому в той голодающей Европе в то время нужны были филологи?). От безнадежности он пошел помогать брату в физическую лабораторию. Помог... Еще один филолог Грассман заложил векторное и тензорное исчисления. Другой филолог, Таунс, создал лазеры.

Термодинамика. Все может уйти из науки (кто знает?). Но термодинамика не уйдет никогда. Это удивительная наука. Она как физическая философия. Она касается абсолютно всего, что происходит в мире, несмотря на свое прямое отношения только к теплоте и энергии. Кто создал термодинамику? Джеймс Джоуль, который совсем как

пивовар Иван Таранов был владельцем пивоваренного завода! И пивовар Джоуль не имел никакого академического (то есть системного) образования! Другой создатель - Никола Карно - офицер инженерных войск! Решающий вклад в победу термодинамики внесли судовой врач Майер и военный врач Гельмгольц, который был по образованию анатомом! А как их травили! Именно официальная наука травила – кого в сумасшедший дом отрекомендовала, кого довела до того, что тот из окна выбросился... А сейчас термодинамика – один из предметов самой большой гордости Филармонии.

Что нам ясно из всех этих историй? Нам ясно одно – наука всякий раз очень значительно восседает на троне своих достижений, а потом летит с него вверх тормашками и восседает на новый трон, который для нее готовят чужие для науки люди. В этом смысле официальная история науки представляет собой не более чем жанр балладной литературы, некий патриотический эпос героического сражения с фактами, где истинные злодеи своего времени, всякие изменщики и ниспровергатели святынь, по итогам веков становятся неожиданно знаменными героями. Все научные революции и все новые идеи в науку привнесли чайники или альтернативщики.

Даже Ньютон был альтернативщиком. Он вообще не любил и не хотел заниматься наукой! По призванию и основному роду занятий (до 20 часов в сутки!) он был алхимиком и отдал жизнь поиску золота! Он даже спать валился в том же помещении, где проводил алхимические опыты. Если бы не Галлей, то мир не имел бы Ньютона. А Галлей делал всего лишь два дела. Первое – он раскручивал никому не известного в науке Ньютона постоянными и как бы естественными примечаниями в своих письмах ученым по всему миру о том, что некий «великий математик Ньютон» и т.д. Галлей был в авторитете. Если этот человек писал о ком-то – «великий математик», то с этим никто уже не решался спорить. Это и спасло ньютонские, шокирующие науку, идеи. Если бы не этот пиетет со стороны Галлея, то Ньютона не услышали бы – кто он был такой, этот незнатный юноша, обучающийся в Кембридже бесплатно за то, что прислуживал богатым студентам?

Второе, что делал Галлей – он постоянно подстрекал Ньютона к научной работе тонкими намеками на то, что «вот Гук считает так-то и так-то», или «Гук думает об этом так-то и так-то...». Гук и Ньютон ненавидели друг друга. Гук даже в своих научных докладах Британскому Ученому Совету по разным научным догадкам и гипотезам подчеркивал совершенно не к месту – «я это заметил, а Ньютон не заметил». А Ньютон все силы отдавал поискам золота алхимическим путем, но когда ему говорили про Гука, он зверел, и кидался в науку, чтобы показать, как оно есть на самом деле, а не так, как думают об этом всякие Гуки ...

Насколько мало занимала Ньютона наука можно судить даже по невероятному факту его биографии – наступил момент, когда современной физике уже в контурах была известна некая сила, действующая на планеты, и даже было известно, что она обратно пропорциональна расстоянию до планет. Но решить задачу, каковы при этом будут формы орбит, определяемые действием такой силы, наука не могла, и это стало самой раздражающей проблемой дня. Галлей поделился со своим другом Ньютоном этими проблемами, а друг Ньютон сказал другу Галлею – ерунда все это, я эти орбиты еще двадцать лет назад (!!!) вывел. Галлей знал - этот может... Он только с тоской спросил – почему молчал, почему не публиковал? Сэр Айзек совершенно искренне ответил – да как-то замотался, закрутился, а потом и совсем забросил хлопоты с публикацией. Тут ему Галлей в очередной раз и сказал – «а вот Гук считает, что орбиты могли бы быть вот такими»...

Не удивительно, что Ньютона тогдашние ученые чиновники как собаки рвали. Ньютону просто некогда было заниматься наукой в том смысле, в каком уже тогда понималось само это занятие – отстаивать свою точку зрения, если она противоречит официальной. Ньютон был занятой человек и отсюда его знаменитая фраза о том, почему он мало уделяет времени науке – «...либо не следует сообщать ничего нового, либо

придется тратить все силы на защиту своего открытия». Вот так вот! Спасибо Галлею... Смешно сказать, но «Начала» Ньютона вышли на личные средства Галлея!!! Филармония сказала – денег нет. Все деньги ушли на издание какой-то монографии о бабочках, а на Ньютона средств не выделили! Только через пятьдесят лет после смерти Ньютона Филармония начала сдаваться, и сдалась, все-таки, но заполнило его пустое пространство собственной выдумкой: некоей материальной средой - светоносным эфиром.

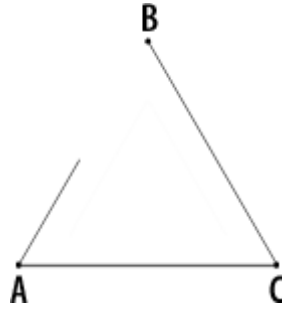
Все эти великие люди были случайными для науки. Ну, искали бы свое золото, врачевали бы, стригли, делали бы деньги, работали бы в библиотеках, адвокатских конторах и т.д. Но что-то заставляло их идти в науку и, очень хорошо не зная того, что знает очень хорошо наука, они эту науку непосредственно и создавали. Так было всегда. Как таковая наука, эта чинуша, претендующая на истину, появилась вместе с Аристотелем, который сказал – «Платон мне друг, но истина дороже». Почему он назвал своего учителя «другом»? Потому что он считал, что владеет истиной и теперь ему никто не учитель, а, в крайнем случае, только друг. С его (Аристотеля) позволения, разумеется. До этого вся античная наука и философия очень скромно оценивали свои собственные текущие достижения. У эллинов считалось, что каждый, кто идет следом, несет новую истину, а за ним придет еще кто-то. Эллинистическая наука была эвристической, то есть приглашающей к спорам и обсуждениям. Но при этом эллины никогда не опускались до нынешних оскорблений своих научных оппонентов. В крайнем случае, допускалась легкая, едва уловимая ирония над тем, что не вызывает согласия. Аристотель, пожалуй, (наряду с Ньютоном) – самый умный человек за историю человечества. Но Аристотель первым сказал – истина у меня. Так возникла не эвристическая, а догматическая, то есть - официальная наука. Так создался прецедент на владение истиной, и так начали разграничивать науку и лженауку. Наука – это то, что признано руководителями науки, а лженаука – это то, что ими не признано. Так возникло это самодвижение. Так оно продолжается и сегодня.

Если бы это продолжалось в русле самодвижения самой науки, то мы до сих пор изучали бы аристотелевскую физику, как единственную истину о мире. Обычно мы слышим речи о том, что некоторые-де самоучки и энтузиасты тоже внесли какой-то свой вклад в науку и т.д. Но если читатель составит двухстолбцовую таблицу, где в левую часть внесет альтернативщиков и чайников с описанием их вклада в техногенную культуру, а в правую впишет достижения официальной науки, то он увидит, что как раз-то и наоборот – это официальная наука тоже кое-что сделала и внесла кое-какой свой вклад в науку, которую создали люди, *случайные для нее*. Эту таблицу можно было бы составить и автору, но это очень трудоемкий процесс. И утомителен он, прежде всего, тем, что лишен творческого элемента – весьма скучно заполнять только один левый столбец какой-либо таблицы. Читатель пусть попробует сделать это сам, чтобы эмоциональный маячок его утомления всегда правильно сигнализировал ему во всякой ситуации, когда он слышит о борьбе науки с лженаукой.

В рассмотренном выше мы видим это самодвижение, и видим моменты корректировки этого самодвижения через Случайное. Приходили и приходят чайники с альтернативщиками, которые случайны для науки – и разве то, что заставляет этих чайников с альтернативщиками давать человечеству новые знания, не похоже на некое их принудительное подталкивание со стороны Провидения к тем вопросам, которых они не должны были касаться по своим жизненным задачам или интересам? Почему именно чайники? Потому что самодвижение не имеет будущего, оно имеет только настоящее-прошлое, которое образует в себе некий избыточный логический путь развития, определенный прошлым, который никуда в будущее не ведет. В нем нет *нового*. Это легко понять на следующих примерах. Вот слово, написанное не до конца:

Катю...

и всем ясно, что далее следует окончание «ша».
Вот не оконченный рисунок:

И всем ясно, что получится треугольник.

Так происходит в самодвижении событий. Оно происходит по их внутренней логике. И каждая научная картина мира содержит в себе эту внутреннюю логическую избыточность, где итогом любой мысли должно быть только это «ша» или только эта линия, соединяющая А и В. Формируется комбинаторика научных понятий, которая может разворачиваться только в определенном направлении, заданном своими внутренними логическими предпосылками. Она слепа ко всему остальному. Кун назвал это «научной парадигмой». Это та самая колея, по которой будет вечно кружить, никуда не выходя, любая научно-мировоззренческая концепция. Каждый ученый с молодых ногтей входит своими знаниями и убеждениями в эту парадигму и продолжает колесить по этой бесплодной колее. Поэтому мы видим здесь этот реализующийся Провидением цикл, который предположили ранее – самодвижение, а затем корректировка. Поэтому Провидению и нужны чайники или альтернативщики, которые в эту колею еще не попали и могут мыслить свободно от тех стрелок, которые расставлены на всем ее пути

Об этом очень хорошо сказал еще один гениальный самоучка Генри Форд, создатель массового производства. Он сокрушался тем, что у него есть хороший способ похоронить всех своих конкурентов, но он никогда не сможет им воспользоваться. А способ простой – я (сказал Форд) за свои деньги нанял бы для своих конкурентов самых лучших специалистов от науки в тех областях, которые фундаментальны для наших производств. И через какое-то время от конкурентов осталась бы лишь добрая память и пыль на ботинках, потому что ученые специалисты *очень хорошо знают, что невозможно и чего нельзя, а все новое и полезное как раз всегда там, где, по мнению науки, что-то невозможно или чего-то нельзя.*

Ну и хорошо, с этим теперь понятно. Но это пока еще не повод закинуть ноги, откинувшись в кресло, на вспомогательный стул, чтобы, находя знакомые позиции любимых кнопок телевизионного пульта, ожидать наград. Вопрос-то был в другом – что за будущее у всего этого? А будущее у всего этого очень простое – его нет. Спешу всех поздравить с тем, что наше настоящее – это уже окончательно прошлое, потому что у него нет никакого будущего и его фактически уже нет, несмотря на то, что оно физически еще есть. Техногенная цивилизация в своем смысле уже однозначно закончилась, хотя физическое время этому еще не пришло. Почему она закончилась? Потому что возобладали самодвижение.

Непременный конец нашей цивилизации считается вопросом спорным, потому что предполагается, что экологический и энергетический тупики, в которые завели человечество нынешние технологии, будут пробиты к новым просторам силами того, кто в эти тупики завел – наукой. Но это одновременно вопрос и бесспорный – потому что в науке больше невозможны никакие случайности. В науке все стало очень хорошо организовано. Слишком хорошо, чтобы что-то могло пробиться в это самодвижение и придавать ему тенденцию к новому будущему. Проблемы, решаемые наукой сегодня, уже настолько превосходят своими вершинами те подножья, по которым ступают чайник с альтернативщиком, что с этих вершин их не слышно и не видно, а в фуникулер их не

пускают. А если и пускают, то пока фуникулер поднимается, гид-инструктор кастрирует у них все органы, способные породить новое.

Один из таких фуникулеров – аспирантура. Это, собственно, и есть главный отдел науки по кастрации опасных органов инакомыслия и по стерилизации хранилищ, генерирующих смелые и новые идеи. Если молодой ученый на предзащите скажет что-то альтернативное, или просто новое настолько, что это будет не совсем понятно старшим, то его или завалят окончательно, или по-доброму (по-человечески) посоветуют вести себя чинно-традиционно. Ему скажут – «не гони лошадей, на пень наскочишь. Тебе всего-то и надо, что стать кандидатом. Вот и стань так, чтобы это никого не задело, и всем было бы понятно. А когда ты будешь доктором, тогда и будешь говорить не только то, что другим понятно, но и то, что захочешь». Но когда он становится доктором, то он уже или кастрат, или каналы от семенников его мысли уже обрезаны и подключены к стандартным источникам научной парадигмы.

Но даже если он полноценен даже в звании и положении доктора, то со своими альтернативами он останется один на один, так как ему просто не дадут средств на изыскания. Без высокотехнологичных приборов современных лабораторий ему останется одна голая математика, безэкспериментальные разработки «в стол», или трудные попытки громко дуть в трубу в Интернете, оставаясь в единственном числе и королем, и герольдом и войском. Причем до той поры, пока его не пристыдят еще откуда-то из высоких научных сфер. И он еще сто раз подумает. Потому что доктор – это все равно не академик... Академиком становятся тоже голосованием старших...

В общем – высокий уровень сложности и финансирования, невероятная технологичность требуемой экспериментальной базы и жесткая иерархическая дозволительность того или иного в современной науке, совершенно исключают в ней какие-либо случайности, а без Случая – всё это только лишь *вырожденное самодвижение по форме*, никогда не затрагивающее содержание, и, соответственно, никогда никуда не выводящее из этой формы.

По своему смыслу наука – это разговор с природой. Для этого разговора, в качестве исходной темы, человек получил огонь и выделился этим из всего остального. В дальнейшем было самодвижение человека и временами помощь со стороны Бога, что и есть - Случайное. В этом и есть смысл происходящего – человек должен научиться видеть эту помощь и ее смысл, чтобы *самостоятельно превращать самодвижение в Движение*, то есть в развитие с чем-то новым в своем составе. Но человек принадлежит к самодвижению, а это самодвижение находится в противоходе к Движению, что выражается в стремлении человека приписывать себе всё то, что ему дано просто по доброте. Человеческая техногенная цивилизация – присваивающая цивилизация, а не созидаящая. Она слишком озабочена настоящим, которое всегда есть всего лишь прошлое. И поэтому человек из существа, получившего огонь, превратился в особь, которая спрятала огонь в спички и курит на сеновале. При этом, чтобы жить, эта особь отрывает от себя по кусочку и потребляет отрезанное в пищу.

Никто нам не виноват. Болезненный девятнадцатый век замутил головы, вывихнул мировоззрение, и - «...вот оставляется дом ваш пуст». Теперь, без возможности Случайного, техногенный мир оставлен Богом и катится по наклонной. Хорошо, если ногами вперед... Впереди или катастрофа, или... новое знание.

Как инки говорили.

Понимая теперь, что нас не купишь и не обманешь трансвеститским видом настоящего, и, твердо осознавая, что мы находимся уже в своем будущем, мы должны просто увидеть вокруг себя это новое знание. Как нам это увидеть? Попробуем это сделать в следующей главе.

Кто в доме хозяин

Собственно говоря, поиски этого нового знания не должны стать для нас загадочным и смутным движением на уровне интуиции, потому что мы начинаем уже не с пустого места в этом пустом доме. Ведь на самом деле не так уж много из нынешнего знания можно назвать новым. В принципе любое новое знание – оно новое, но по большинству своих характеристик это всего лишь новые отростки на старом теле. И смысл всех этих отростков – питать старое обреченное тело. То, что мы ищем, должно иметь принципиальную новизну, нечто такое в своем характере, чего еще не было. Помимо вот этой принципиальной новизны, у этого знания должна быть еще и системная возможность наполняться за счет случайных обстоятельств и факторов. Второе – даже важнее. Это должно быть свободное, понятное и конкретное знание, на которое еще не наложило лапу деградирующее стремление человечества *самоу* определять нормы и стандарты относительно того, каким может или не может быть дальнейшее развитие какого-либо знания.

В какой-то мере предыдущие требования возводят сразу же некий барьер между наукой и этим знанием, и этот барьер действительно необходим, но лишь в той мере, в какой наука, как бюрократическая организация, не должна мешать свободе знания и произвольному развитию его концепций. С другой стороны, это определенно должно быть научное знание, поскольку только знание научного характера может приводить к некоему умению, практически значимому для человеческой цивилизации настолько, чтобы ее спасти.

Все это предельно понятно, и вся прелесть затруднений состоит лишь в том, чтобы определить принципиальную новизну этого некоего присутствующего где-то рядом с нами научного, преднаучного или околonaучного знания. Что это вообще значит – «принципиальная новизна»? Относительно науки это означает некую аналогичную ей деятельность, но полностью отличающуюся от нее по своему методу. Каков же основной метод науки? Несмотря на детально разработанную философией науки архитектуру научных методов – все они не более чем операции в составе одного и того же главного научного метода. А этот метод состоит в простой последовательности основных действий: «распознать – научиться дружить – применить возможности этой дружбы». Человек ищет для себя в природе через науку больших друзей для исполнения своих больших и малых прихотей. Эти большие друзья живут своей недостижимой для человека жизнью, и весь смысл этой дружбы состоит в том, что друзья могут изменить жизнь человека до неузнаваемости, а человек изменить жизнь друга – никогда. Кинетическая энергия воды может значительно изменить жизнь человека, вращая турбины, но человек вынужден считаться с тем, что он никогда ничего не изменит в жизни самой кинетической энергии как таковой. Электричество может сделать другой жизнь целых городов, но целыми городами вместе человечество не сделает другой жизнь даже одного электрона. Человек может наступать на грабли, а может не наступать. Но сделать грабли такими, чтобы, наступая на них, он не переживал момента короткого удивления, человек неспособен.

Человек вписывается в жизнь этих друзей, втирается к ним в доверие, дурачит их, использует их привычки, подставляет на их пути ту или иную нужную ему работу, и сам пристраивается в незаметные попутчики их внутренних мероприятий. Это и есть техногенная наука. Сам себе человек кажется творцом, но он ничего не творит, он только вытворяет из того, что уже есть. Сам себе человек кажется укротителем природы, но он ничего не укрощает – так блоха, перемещаясь на собаке, считает себя ее укротителем, если она точно знает, куда собака сейчас бежит, и это «куда» как раз то место, куда блохе надо. Человек сам себя считает создателем, но он всего лишь сборщик-монтажник созданного совсем не им.

Естественно, что техногенно-научному методу «распознать – научиться дружить – применить возможности этой дружбы» мы, если и должны противопоставить другой,

(также научного характера и научного по задачам), то это должен быть: «создать – научиться управлять». В принципе, на первый взгляд, подобного вокруг нас немало. Это можно отнести к любой управляемой человеком технике, например. Но всё это на самом деле – результат третьей исполнительской фазы «Применить возможности дружбы», поскольку вся техника, созданная человеком, использует *законы природы*, которые не созданы человеком. Здесь опять всё та же самая дружба с распознанным. Здесь ничего не создано. Гнетущая мысль, которая сейчас посетила читателя, и в самом деле верна своей непреодолимой правотой – *все, что связано с физической реальностью, всегда подчинено физической реальности во всех своих возможностях, и всегда человеческое творчество в пределах этой реальности будет не созидательным, а вторичным, то есть – приспособленческим и присваивающим.*

Дальнейший вывод также настолько ясен, что его можно было бы просто опустить, как само собой разумеющийся, но в целях демонстрационной целостности текста мы этот вывод, оставляем – *только создав некую новую реальность, человек будет истинным творцом всего того, чего ему в этой реальности захочется.* Следовательно, принципиально новый метод нового знания может реализоваться только в какой-то реальности, организованной не по законам физической природы. 698 слов и 4787 знаков (автор специально подсчитал) понадобилось нам, чтобы преодолеть все затруднения и открыть это новое знание – подобная реальность существует, создана человеком и знакома каждому. Эта реальность – среда языковых софтов. А искомое нами новое знание – веб-технологии.

Удивлены и разочарованы? Напрасно. Присмотримся к этому знанию внимательнее. Мы знакомы с ним по Всемирной паутине, которую мы называем Интернетом. На самом деле Интернет и Всемирная паутина – две вещи не совсем одинаковые, хотя и не очень разные. Но знание отличий между ними относится к утонченному щегольству особо квалифицированных специалистов в области современных информационных технологий, каковыми мы не являемся. Поэтому договоримся далее называть и то и другое Интернетом. Так вот, как в народной пословице считается, что очень плохо за деревьями не видеть леса, так и мы попробуем разглядеть за лесом деревья, то есть истинную структуру Интернета. Интернет это не только ценные электронная почта, форумы и чаты, Интернет – это соединение двух очень интересных новшеств человеческой культуры: сетей бессмертной конструкции и программ гипертекстовой организации информации.

Начался Интернет давно, во времена холодной войны. Слава Богу, молодежь не знает атмосферы того времени, когда невидимым грузом над каждым человеком висел дамоклов меч ядерного удара, а старшеклассники в школе рассказывали подшефным младшеклассникам на специально отведенных часах о поражающих факторах атомного взрыва и о том, каковы будут шансы выжить у тех, кто выжил после взрыва атомной бомбы. Две державы стояли с запалами наготове непосредственно у запальников день и ночь, и у многих сдавали нервы. В частности, министр обороны США Макнамара так долго ждал атомного нападения СССР, что в какой-то момент поверил, что оно действительно началось, и, как и следует министру обороны в подобных случаях, немедленно выпрыгнул из окна небоскреба с криком «Русские идут»!

Однако более занятые неотложными делами офицеры Генерального штаба, от которых и требовалось-то всего, что писать сценарии различных вариантов будущих боевых действий, понимали, что ядерный конфликт будет совсем не той увлекательной игрой в стратегию, которой были все прежние войны, потому что штабы останутся без связи. Электромагнитный импульс, выделяемый в первые секунды взрыва бомбы, поражает всю радиоаппаратуру и всё остальное, что хоть как-то основано на электронике или радиотехнике. Генеральный штаб, как бы он ни был надежно укрыт, после начала войны становился слепым и никому не нужным органом, о котором все знают, что он

необходим, но никто уже не знает – зачем именно. Единственной перспективой для выживания систем связи после ядерного удара становилась телефонная сеть.

Однако любая связь, даже если она и надежна, в случае глобального военного столкновения должна обладать достаточным охватом происходящего, чтобы ее можно было назвать рабочей. В обычной войне потеря того или иного, или даже нескольких узлов связи, вводилась в предполагаемый план развития событий и учитывалась в разработке боевых операций. Однако разрушительное действие атомного молота, который обрушится на войска, приведет к тому, что главной проблемой будущей войны станет именно потеря связи по всем направлениям из-за выхода из строя значительных кусков сети информационного взаимодействия, пусть даже и телефонного. Было ясно – кто решит задачу создания информационной сети, неуязвимой для поражающих факторов ядерного нападения, тот получит значительное преимущество в расстановке сил будущего столкновения. Задача была ясна до простого, но решения не виделось даже в ближайшей перспективе, пока в конце 50-х годов молодой сотрудник одной из промышленных корпораций США, по имени Пол Бэрэн, не создал схему не убиваемой, по его мнению, информационной сети. В ней уже было все, что есть сейчас в принципиальных основах Интернета – хитроумная конфигурация узлов хранения и передачи данных, а также цифровой способ ее обработки и представления. И было главное – пакетная информация, которая как воздух безвоздушное пространство заполняет собой сразу всю сеть. Не было только компьютеров. Потому что в то время вообще не было компьютеров. Зато в ней были уже и коммутационные пакеты и многое другое, но эти тонкости нам сейчас не важны, потому что нам важно другое – когда схему Бэрэна отдали на экспертизу ученым, те вынесли очень категоричный вердикт: такая схема в принципе никогда не может быть построенной, и это всего лишь глупые фантазии этого мальчишки, о котором мы в первый раз даже слышим. Это как раз та примета, которая говорит нам о том, что всё должно быть наоборот...

Идея была похоронена. Но ненадолго, потому что она была возрождена и реализована в 1968 году Агентством передовых исследовательских проектов при Министерстве обороны США (ARPA). Это агентство создавалось задолго до 1968 года и не для создания компьютерной сети с неуязвимыми на случай войны характеристиками. Агентство было создано совсем по другим причинам. Как-то раз президент Америки Эйзенхауэр задался простым вопросом – почему бюджет научных исследований моего военного ведомства в несколько раз превышает аналогичный бюджет русских, а при этом в космосе русские спутники уже летают, а мои – еще нет? Не знаем, каков был ему на это официальный ответ, но он в ответ на свой вопрос создал вот это агентство ARPA, которое должно было решать – кому из ученых давать деньги на военные исследования, а кому нет. И миру повезло, что это произошло не в России! Потому что руководитель агентства Ларри Робертс, был хоть и смышленным человеком, но не настолько, чтобы по-русски решить президентскую задачу просто и эффективно – какой ученый пообещает десять процентов от направляемых ему средств вернуть в наличном виде и тайно, у того исследования и будут самыми перспективными!

Добросовестный чиновник Ларри Робертс честно делал свое дело в своем маленьком офисе с небольшим штатом сотрудников, пока осмотревшись, не осознал перспективности компьютерной сети для создания той самой схемы-мечты, над которой бился еще Пол Бэрэн, во времена которого компьютеров еще не было. Тут он потерял покой и начал просматривать все, что относилось к данной проблеме, не гнушаясь даже отвергнутыми проектами альтернативщиков, где ему и попала на глаза давняя работа Бэрэна. Он ее ничем не выделил среди других, но запомнил, и это ему пригодилось, потому что, когда в материалах одного из научных симпозиумов он нашел сведения о том, что англичанам удалось создать компьютерную сеть из нескольких компьютеров, он увидел, что данная сеть построена на принципах, предложенных некогда молодым Бэрэном у него на родине! Теперь у него не было сомнений и он начал действовать.

Поскольку принцип схемы был ему ясен, то оставалось всего лишь создать соответствующее программное обеспечение для компьютеров, которые будут работать в налаживаемой сети. Сложность этой проблемы невозможно коротко объяснить, но аналогично можно представить себе задачу добиться того, чтобы инструктор по вождению, сидя в одной из машин с учеником, мог бы подсказывать и вмешиваться в управление еще двадцати остальных машин его учебной группы одновременно в процессе их общего движения вне зоны его видимости. Не зря же, когда в Англии впервые были соединены в общую сеть три или четыре компьютера, то это стало серьезным событием для соответствующего международного симпозиума.

Но Робертс не боялся уже никаких сложностей в науке, потому что знал хороший способ разрешать любые научные затруднения – надо действовать не научно. Поэтому он собрал молодых аспирантов из четырех университетов США, еще не испорченных системой, но знакомых с проблемами сетей как таковых (теплосети, электропроводка, радиосети, трубопровод и т.д.) и сказал им: «Я хочу вот это. Сделайте это для Америки и для меня лично». Аспиранты не возражали, но как люди уже несколько опытные в науке, они затребовали первичные разработки, исходные программы, принципы организации информационного взаимодействия и т.д. «Забудьте» - ласково сказал Робертс, – «все, что у вас есть, это авторучки и чистые листы бумаги. А вот если это не окажется сверхдостаточным, то тогда, так и быть, я принесу еще». Это было в городе Сноуборд, штат Юта, летом 1969 года. В 1970 году сеть была создана и охватила всю территорию США. В 1973 году она стала международной. Ее назвали ARPANET по имени агентства, которое имело на это право – потому что в данном случае оно не просто распределило средства кому-то другому, но само провело научно-исследовательскую работу с практической реализацией долговременного действия! Так появилась сеть, которая затем переросла в Интернет.

Сеть была создана, и надо было ее отработать в действии, обкатать на интенсивной и напряженной работе. Естественно, что для этого надо было просто начать какую-нибудь глобальную ядерную войну и по ее итогам точно определить, насколько эффективна эта система связи. Но все люди, которые воспринимали данную войну, как допустимую реальность, уже давно повыпрыгивали из окон, и пришлось ограничиться тем, что сеть передали в пользование научных организаций Соединенных Штатов Америки. Это привело к тому, что сеть из военной стала гражданской и доступной любому.

Ну и что же здесь такого особенно нового? Присмотримся – что есть такая сеть, которую невозможно убить? Это совершенно новый принцип распределения информационных потоков. В чем его смысл? В том, что из любого узла данной сети можно всегда связаться с любым другим узлом, даже не смежным и не ближайшим к тебе. За счет чего это достигается? За счет того, что вся сеть представляет собою единое информационное целое, в котором информация на любом участке доступна для любого другого участка. Если вы находитесь на каком-то самом малом участке данной сети (перед своим компьютером), то вам обеспечен мгновенный выход на любой самый удаленный от вас компьютер (например, электронное послание «мейл» или «айсикью»). Любая информация, которая существует в данной сети – потенциально ваша, потому что вы всегда сможете ее получить, когда вам этого захочется (а, учитывая рекламные баннеры и спам-рассылки, даже и тогда, когда вам этого совсем не хочется). Как это можно выразить простыми и знакомыми нам словами? Совершенно верно – это информационное целое, в котором любая самая малая часть целого потенциально содержит в себе всё целое в совокупности. Это – голограмма. Голограмма – это не видеопредставление с объемными изображениями. Голограмма – это система организации информации по принципу «всё во всём». Такова принципиальная схема сети Интернет.

Главами ранее мы определили, что наш мир – это информационная голограмма, управляющая физическими процессами. Та голограмма, которую нашли Габор и его соратники, - это лишь распознанное человеком свойство мира. А сеть Интернет – это уже

созданный человеком факт этого же мира. Что здесь впервые в истории человечества произошло? Человек начал создавать некие новые реальности, как Бог, на тех же принципах, которыми руководствовался Бог при создании нашей реальности. Только сейчас человек начал делать что-то такое, что позволяет говорить о его «подобии» Творцу. Какую новую реальность или среду здесь создает человек? Он создает информационную реальность. Информация и раньше гуляла-бродила по свету, но реальностью, то есть резко очерченной системой единого взаимодействия единого целого в каждой своей части, она стала только с возникновением Интернета. До этого она была не информационной реальностью, а просто реальностью информации, которая не имела реально очерченных границ своего пребывания.

Для любой реальности, доступной человеку, вообще всегда необходим некий физический каркас, в пределах которого она обитает. То есть, мы должны знать «где» находится эта реальность, чтобы осознавать ее как реальность. Если она нигде, то она не реальность. Если она везде, то она все равно всегда «где-то». Информация может существовать в неисчислимых способах хранения и передачи сведений, но она является реальностью только тогда, когда мы знаем, где ее можно взять. В подобных взаимоотношениях с информацией самостоятельной реальностью является только человек, который ищет информацию то там, то здесь, или просто натывается на нее. Сама информация, как некая единая реальность цельного местопребывания и всемирного доступа, становится самостоятельным фактором мира только с появлением вот этого своего физического каркаса – Интернета.

Но для любой реальности, чтобы стать полностью самостоятельной реальностью, мало иметь для себя определенный физический каркас. Определяет ее как реальность еще и некая ее особенность, какое-то специфическое отличие от других реальностей, что определяется эксклюзивным порядком внутренних условий ее жизни. Реальность становится самостоятельным объектом только тогда, когда она предельно индивидуальна в своем оформлении, что, в свою очередь, определяется невозможностью ее слияния с другой реальностью и растворения в той с утратой собственной индивидуальности. Самостоятельной реальностью может быть только такая реальность, которая организована так, как не организована более ни одна другая реальность. Это второе условие ее реальности.

И данное условие также полностью выполняется Интернетом, потому что информация в нем организована таким образом, каким она нигде и никогда ранее не организовывалась. Интернет-информация и сама ничего не своего в себя не впустит, и никакая другая информация не сможет с нею сливаться. Организовал ее в этом виде Тим Бернерс-Ли, который был программистом-консультантом и хранил дома много полезных документов электронного вида. В какой-то момент он понял, что вся эта очень полезная электронная информация для него совершенно бесполезна, потому что он не знает каждый раз, где и что у него находится, и как ему не зарыться полностью в поиске того или иного нужного ему сведения из собственного же домашнего собрания документов. Огорчившись, он разозлился, и создал для своего домашнего пользования программу «Энквайер», с помощью которой смог организовать свой личный файловый архив таким образом, что прогулки по нему стали доставлять одно удовольствие. Или много удовольствий. Затем, работая в Европейском совете по ядерным исследованиям (CERN), он заметил, что вся очень полезная информация этой международной конторы, организованная сетевым способом, часто становится совершенно бесполезной, потому что ученые и технический персонал в ней только путаются и не могут привести в порядок. Они все огорчились и разозлились, но это совершенно не помогало. Тогда Бернерс-Ли сказал им: «А не хотите сделать, как у меня дома»? Руководству CERN'а очень захотелось, чтобы и у них было хотя бы так, как дома у Бернерса-Ли. А поскольку никто, кроме него у него дома не был, проект поручили реализовывать лично ему. Для этого

Тиму Бернерсу-Ли пришлось написать язык разметки HTML. Так появились веб-технологии.

В чем смысл веб-технологий? Их смысл состоит в гипертекстовом способе организации информации. А что такое гипертекстовая организация информации? Это такой способ представления информации, в котором из любого ее участка можно мгновенно переходить на другой маршрутизированный ссылкой участок, а оттуда тем же образом на другой участок и т.д. Вы можете переходить, а можете не переходить, оставаясь там, где вы есть, но суть этой организации состоит в том, что одна самая маленькая ссылка содержит в себе потенциально всю информацию данного электронного продукта, если всё это правильно организовать (то есть не так, как это по большому числу своему делается на веб-сайтах). Это тот же самый принцип «всё во всём». То есть – голограмма.

Понимают сами программисты, или нет, но происходит удивительное событие нашего нынешнего времени – человек организует новую реальность, (информационную), на тех же исходных принципах, на которых создавалась вся наша физическая реальность. *Но эта информационная реальность существует не по законам физического мира, а по законам созданным человеком!* Вот она, та новая среда, в которой человек может быть единоличным творцом! И он творит ее, совершенно на тех же принципах организации, на каких был сотворен наш мир. Или почти так. Многие приметы этой новой реальности в смысле своей конструкции полностью повторяют принципы логической конструкции нашего мира. Помимо голограммы таких примет уже можно насобирать еще.

Вот – двоичная система счисления, базовая основа конструирования компьютерных программ. Она содержит в себе аналогию термодинамики. В чем это выражается? В доминирующей тенденции *к понижению значений и состояний*. В чем вообще основной смысл двоичной системы счисления? В том, что она обеспечивает *наименьшее* число значений, благодаря чему достигается наибольшая простота создания какого-либо элемента системы. Она успокаивает процессы формирования системы совершенно так же, как термодинамика успокаивает процессы физического мира. Ко второму аспекту основного смысла двоичной системы счисления следует отнести то, что для созданного элемента обеспечивается *наименьшее* количество его состояний. Благодаря этому система становится высокоскоростной и помехоустойчивой. В общем смысле это совершенно то же самое, что и термодинамическая организация мира, которая также стремится к *наименьшему* энергетическому состоянию и этим, собственно, и живет в однозначной простоте и устойчивости своих процессов. Создавая свою собственную реальность, человек естественным образом пришел к тому же методу ее оптимальной организации, что и Бог, создававший всю известную реальность вообще.

Кроме того, двоичная система счисления является вообще аналогом мира элементарных частиц. Суть этой аналогии состоит в том, что весь мир состоит в обратной связи друг с другом. Сама по себе элементарная частица без какого-либо взаимодействия с другой частицей не имеет никакого смысла и не способна ничего организовывать. Любая элементарная частица – это не более чем субатомный мусор, пока у нее не наладится связь с какой-либо другой элементарной частицей. В своем составе ни одна элементарная частица не содержит ни логики это связи, ни даже тех свойств, которые у нее появятся сразу же после возникновения обратной связи с другой частицей. Точно также и с этими цифрами 0 и 1 в двоичной системе. Каждая из них сама по себе – ничто и пустой звук для программирования. Но как только они начинают выступать в системе обратной связи, они сразу же становятся разумными и созидательными элементами. И они эти свои свойства тоже не из самих себя берут, а из системы обратной связи. Обратная связь, если говорить о ней применительно к смыслу ее действия вне физики или программирования, есть не что иное, как некие отношения, возникающие между определенными объектами. Если сами по себе эти объекты не функциональны и бессмысленны, то заслуга их появившейся вдруг функциональности и осмысленности

принадлежит не им, а возникшим отношениям. Тот, кто налаживает эти отношения, тот и является тем, что делает мир из бессмысленного хаоса организованным порядком. Бог наладил отношения между бессмысленными материальными объектами созданного Им мира (иначе – кто же еще?), а сегодняшний человек наладил отношения между ничем по отдельности не значащими основополагающими элементами структуры создаваемого им мира. Четкое понимание этого должно приятно тревожить.

А вот еще один интересный аспект программирования – инструкция. Что такое в программировании есть «инструкция»? Инструкция по своему смыслу – это *наименьшая автономная часть языка*. Ничего не напоминает? Это то наименьшее, что может *делать* данный язык. Это – его *наименьшее действие*. Вряд ли все программы сейчас строятся по принципу наименьшего действия, по которому строятся все процессы физического мира. Потому что конструкторы там и тут разные... Но, если один Конструктор это легко осуществляет везде и всюду, то другой конструктор уже может к этому стремиться, потому что обладает *полной аналогией кванта наименьшего действия*, который использует Конструктор в организации энергетических переходов. У Планка или Мопертюи сейчас затряслись бы руки от прилива восторга – да! мы тоже можем! Мы, конечно же, не можем того, что может Он, но мы уподобляемся Ему, когда находим аналогичные способы *сотворения реальности!*

Причем в этой сотворенной человеком реальности начинают возникать совершенно аналогичные мировой реальности внутренние феномены. Основа программирования – условные операторы. Они знамениты тем, что обеспечивают так называемое «ветвление», то есть задают выполнение либо одного, либо другого действия в зависимости от некоторых условий. По сути говоря – они осуществляют выбор. Что они выбирают? Они выбирают между «истиной» и «ложью»! Это, конечно же, не этика в нашем понимании, но конструкция этого логического выбора вполне является аналогом обычного этического выбора. И когда-то ранее мы определили, что этический выбор имеет два пути – в добро, которое есть пребывание и существование, и во зло – которое есть развал, хаос и ничто. Мы даже сравнивали идею зла в нашем мире с идеей нуля в математике. И вот мы видим, как «ложь» в работе условных операторов обозначается именно нулем! Совершенно в аналогичном состоянии постоянного «ветвления» своих намерений и выбора между истиной и ложью, между значением и отсутствием значения, находится и человек. Оба мира очень похожи! И даже воинство сатаны и всякие поганящие бесы появились в информационной реальности Интернета! Это – дегенеративно настроенная небольшая часть программистов, убудочно устремленная писать различные вирусы, искажающие или уничтожающие смысл субъектов информационного мира! Всё одно к одному! И разве хоть когда-нибудь, хоть один из создателей Интернета, хотел или мечтал о том, чтобы в нем появились вот эти мелкие бесы и крупные подонки? Разве он для того создавал эту свою реальность, чтобы *и это* было в ней? И разве его винить в том, что это есть? И разве Его винить в том, что это есть и среди нас?

Или, например, совершенно изумительная вещь – браузер. Браузер является программой, которая позволяет просматривать электронный документ в символах, понятных человеку. Сам язык разметки, которым организуется голографическая информация, представляет собой набор непонятных непосвященному знаков (код), от которых просто рябит в глазах, и не больше. А браузер преобразует этот нечитаемый код в читаемый текст. Все это очень похоже на наше сознание и его восприятие мира. Ведь наш мир – это совсем не то, что мы видим. Когда-то мы это подробно обсуждали, но касались лишь той проблемы, что зрение и другие органы чувств видят и распознают окружающее лишь в какой-то очень незначительной его части, в пределах нескольких процентов действительного набора характеристик. Но даже эту мелочь о мире мы воспринимаем не напрямую. В нашем сознании находится тоже некий браузер, который не только отсортировывает нужную нам информацию, но и преобразует ее в удобочитаемый вид. Выше мы упоминали, что, например, видим все перевернутым

образом относительно смысла, или видим некое «отсутствие света» а, кроме того, этот браузер в нашем сознании настолько тонкая штука, что мы видим в мире всё, кроме того, чего в мире больше всего – пустоты. Если представить себе атом в виде футбольного поля, то ближайший к его ядру электрон будет вращаться по бровке, а в центре поля будет лежать десятикопеечная монета, символизирующая своими габаритами размер ядра. *Все остальное пустота!* Из такой пустоты складывается весь мир, но нам он совсем не кажется пустым.

Этот браузер позволяет нам по выражению лица человека понимать его настроение или душевное состояние. Расположение или движение мимических элементов лица – это абсолютно нечитаемый логическим образом код, который считывается сознанием в читаемом виде. Что там говорить – нам достаточно мельком заглянуть в глаза другого человека, чтобы полностью понять всё то, что сейчас происходит внутри него! Где, какие такие логические связи физических элементов, в каких таких участках глаз говорят нам однозначно о том или ином состоянии душевного момента, чтобы можно было составить из них перечень значений сигналов? Это никогда не будет расшифровано в логическом или формально-понятийном виде, потому что это логически нечитаемый код, который преобразуется браузером сознания.

Следовательно – физический мир это всего лишь код, который преобразуется нашим сознанием по типу работы браузера. Все как в Интернете.

И далее еще интереснее – коды-то, бывают разные! Есть исполнительный код, который работает, и есть исходный код, который задает условия этой работы. Исходный код является набором законов, по которым существует информационная среда, а исполнительный код осуществляет по этим законам реальное воплощение каких-либо задач. В настоящее время это принципиальная проблема информационной культуры – часть людей создают программы и предоставляют их в пользование другим людям, меркантильно скрывая исходный код. Они показывают только исполнительный код, для того, чтобы пользователи программы платили им денежку. Потому что без исходного кода невозможно понять, как сделана программа, а также невозможно вносить в эту программу модификации или улучшения. Это можно сделать, только имея перед собой исходный код. Но жадные производители информационных продуктов этот исходный код скрывают.

А есть щедрые люди, которые выпускают компьютерные программы с открытым исходным кодом, потому что в таком случае все пользователи по всему миру видят все логические потроха программы и могут ее усовершенствовать или расширять по функциям. Но в любом из этих случаев всегда есть исходный код и исполнительный код. Когда исходный код скрыт, то это называется «закрытые программы», а когда код показан – «открытые программы». Но это всегда одна и та же программа с двумя видами кодов в своем составе. И тот и другой коды живут и работают в одной общей среде. Что же напоминает нам взаимодействие исполнительного кода с исходным? Это напоминает нам известную уже для нас систему взаимодействия контрольной и рабочей информации, руководящей нашим миром. Исходный код – это контрольная информация, которая знает, как и что должно быть, а исполнительный код – это рабочая информация, которая совершает интервенцию в обозначенную для своего действия среду и знает, что и как нужно сделать. Еще раз мы видим, как совершенно аналогично проявляются совершенно одинаковые принципы конструирования реальностей у Бога и у человека. Следовательно, отсюда становится понятно, что наш физический мир со всеми его физическими законами – это исполнительный код, за которым скрывается среда обитания невидимого для нас исходного кода, определяющего все происходящее (Бог). Наш мир – это закрытая программа, в которой человек видит только исполнительный код, потому что давать исходный код ему еще рано, если уже не поздно.

И понимая это, совершенно нетрудно теперь разгадать все эти странные совпадения хронологий и событий. Всё это перестает быть тайной. В чем таинственность событий? Не в том, что они произошли, а в том, что они произошли с одними и теми же

действующими лицами через некоторое время, или с другими действующими лицами в разное время, но совершенно одинаково. То, что человека сбива машина – не такая уж вопиющая тайна нашего времени. Но когда через год этого же самого человека на том же самом перекрестке сбивает та же самая машина, в которой сидят те же самые водитель и пассажир – это кажется тайной. Или когда тонет шхуна и спасается один единственный моряк, а через сто с лишним лет другая шхуна с тем же названием идет на дно и спасается опять только один матрос, у которого то же самое имя и та же самая фамилия – то это вообще тайна тайн! Но в этом нет никакой тайны, потому что любой исполнительный код состоит из скрипт-шаблонов, то есть однотипных исполнительных команд для однотипных объектов управления. Это всего лишь работа шаблона, который вновь обнаружил всех участников своей работы в этом маленьком американском городке или на этой шхуне и слепо реализовал то, что в нем заложено. И даже более того! Перекресток, пострадавший, автомобиль, таксист и его пассажир, шхуна, матрос – это условные операторы, и когда программа их видит, то ей просто ничего другого уже не остается, как только выполнить свою работу. Но это еще даже и не «более того», а более того то, что как только начинают совпадать условия, знакомые программе, *она сама начинает их приводить в однообразный и однозначный ход знакомой ей операции!* Многие люди считают, что предопределенности нет, и будущее полностью в их руках. Особенно если родители хорошо помогают. Но на самом деле это не так. Потому что весь этот набор условных операторов (люди, машина, перекресток, корабли и моряки) просто начинают цепляться за программные связи, и далее *все уже необратимо* – входящие параметры этих условных операторов попадают в скрипт-шаблон, и программа подключает к работе все остальные условные операторы всего мира и *всё в мире будет теперь работать только на то*, чтобы встретились старые знакомые на перекрестке, а другой моряк со счастливым именем вновь пережил всю команду шхуны с несчастливым названием. Мы это называем мистикой, роком, непознанным, спорим о предопределенности и т.д. Но это просто сработал шаблон, который все предопределяет. И если хронологические таблицы разных монархических династий с разрывом в несколько веков совершенно аналогичны – то это тоже работа определенного шаблона по созданию и завершению *династий подобного типа как таковых*. Для определенных устойчивых моментов действительности в исполнительном коде много подобных шаблонов, экономящих рутину руководящей деятельности, и поэтому вокруг нас столько совпадений. Поэтому и путаница в анализе хронологии или представление о спиральном ходе развития. Это не спиральное движение – это всякий раз другие участники движения взаимодействуют по однотипному шаблону. Человек просто не может пробить материалистическую скорлупу своего сознания и вылупиться в нематериальный мир ко взрослой жизни, чтобы наконец это осознать.

Однако нетрудно заметить, что если приводить подобные аналогии работы контрольной и рабочей информации с работами программных продуктов, то следует вспомнить, что рабочая информация внедряется в процесс самодвижения человеческой истории для того, чтобы ее менять и корректировать. Но при этом самодвижение мира не прекращается, оно лишь пополняется некими новыми «движками» в своем составе и начинает выходить на новые параметры. Следовательно – даже когда в мире под действием рабочей информации появляется Движение (развитие, появление нового), самодвижение мира не останавливается, а лишь регулируется по пути своих процессов. Мир ведь не убивается Богом, чтобы провести в нем ремонтные работы, и снова запустить. Таким образом, если контрольная информация – это исходный код, а рабочая информация – исполнительный, то вполне оправданно уподоблять всё это друг другу можно только тогда, когда обе программы могут работать в некоторые моменты синхронно.

Когда человек проникает в первичные символы физического кода исполнительный программы природы, то ему приходится ее убить, чтобы что-нибудь там сделать. Чтобы заглянуть в код элементарных частиц их приходится первоначально прихлопнуть потоком

фотонов. Даже чтобы рассмотреть живую клетку биологам приходится также невольно ее убивать – живая клетка не выдерживает направленного на нее внимания приборов, и все сведения о живом, человек может получать, только изучая мертвое. В веб-технологиях это преодолено! И преодолел это некий датский студент Расмус Лердорф, у которого была домашняя страничка в Интернете, и он захотел ее сделать получше. В это понятие он вкладывал как раз возможность сохранения жизни ее кодовой структуры в том случае, если ему вздумается внести туда изменения. Выше мы говорили, что веб-технологии основаны на языке разметки HTML. Но у этого языка есть один существенный недостаток – для того, чтобы изменить содержание даже одного только знака текста, приходится переписывать весь набор кодов. Например, вместо «Ньютон» вы написали «Нютон», и вам это не понравилось. Вы стоите перед выбором – или попытаться ввести этот вариант в общую практику употребления, или лезть в код своего документа и переписывать его весь от начала и до конца для внесения туда одного только мягкого знака. Оба варианта по трудоемкости практически одинаковы. И, главное, (для смысла нашего разговора), прежний текст убивается, и создается заново новый. Вот так трудно.

Богу проще. Он, если Ему, например, не понравилось бы какое-нибудь дерево, мог бы легко взорвать Земной шар, сделать новый, с хорошим деревом, и поместить его туда, где был старый. Он бы не затруднился. Но даже Он этого не делает. Не захотел этого делать по сто раз на год и ленивый двадцатилетний Лердорф, для чего он придумал РНР, который, работая вместе с HTML, позволяет легко вносить в содержание документа различные исправления, причем, как хочешь, когда хочешь и что хочешь, а при этом сам документ остается тем же самым и никуда из брэнного мира не уходит.

Разбив в свое время всю жизнь мира на постоянное самодвижение с временными включениями в них Движения, мы видим в веб-технологиях полную аналогию этому – РНР это программа эпизодического действия, которая вообще остается на сервере, никуда оттуда не уходит, и вся задача которой состоит лишь в том, чтобы изредка вносить в пришедший к нему на поклон код HTML некую новизну, и повелительно отправить его опять в работу. Поэтому и бесполезны все гадания, астрологические предсказания и прочие прорицательные действия. Потому что всё это лишь считывание того, что у человека перед носом, а сервер, где находится Провидение (РНР) – недоступен никакой правой кнопке, чтобы его открыть и прочитать. Все гадания в реалии жизни можно привести в сравнение с шахматной партией высокого уровня, когда гроссмейстеры отложили игру и удалились в штаб-квартиры для коллегиальной ворожбы - как же сложатся дела на доске завтра? Всю ночь команды противников гадают над фигурами, расставленными на последний момент партии, решая три вопроса: «Сдаемся, предлагаем ничью, или - еще поборемся». Нагадав, исходя из расположения фигур, один из вариантов, соперники встречаются утром в зале соревнований и видят, что фигуры ночью кто-то переставил по-своему, и начинается совсем другая игра. Так это происходит в жизни. Определившись по текущей ситуации в системе самодвижения мира, прорицатель видит тайным оком логику разворачивания действий открывшегося ему исполнительного кода и дает прогноз. А, может быть, уже в это самое время, когда он дает этот прогноз, из исходного кода мира пошла рабочая информация, которая скоро сломает логику нынешней ситуации чем-то новым и полностью случайным, то есть, *не подлежащим предсказанию*. Чтобы прорицать – надо или понимать, что это безответственно, или, как Ванга, делать это, повинувшись судьбе, и зная, что ты всего лишь транслятор Провидения. Тогда и относится к этому придется так, как пришлось Ванге - как к служению, как к тяжелой, подённой, бескорыстной работе, взамен за которую – ничего в этом мире. Даже для своего маленького личного счастья.

Все эти аналогии между миром всемирной паутины и нашим миром, на самом деле, не столь удивительны. Ведь мы выше уже определились, что наш мир – это, прежде всего, информационная реальность. Поэтому, к чести человека, он создает свою информационную реальность пока довольно-таки похожим на Творца образом. Всё очень

близко, и даже некий праязык уже тоже создается. Этот праязык, то есть общий для начального этапа цивилизации язык общения, сейчас является предметом усиленных разработок, направленных на создание «второго Интернета», так называемой «Семантической сети». Если будет создан такой язык, который понимал бы и язык компьютеров и язык человека совершенно одинаково, и, владея которым, компьютеры могли бы *читать и понимать не только программные коды веб-ресурсов, но и содержание этих страниц в тех же ценностях, понятиях и значениях,* что и человек, то этот язык станет основой программной надстройки над Интернетом, с позиций которой компьютеры сами будут (совсем как люди) находить нужную человеку информацию и работать над ней с кропотливостью и понятливостью нанятых клерков. Бог создал очень несовершенное по сравнению с Собой мыслящее существо для сотворенного Им Мира, а человек создаст из компьютеров в сети нечто аналогичное тому же. Титаническая мечта! «И создал Бог человека, мужчину и женщину, создал их». Интересно будет посмотреть, будут ли подобным образом дифференцированы эти будущие субъекты информационной реальности в пределах Семантической сети. Но еще интереснее то, *что решат это будет человек уже полностью сам!*

5745 слов и 39786 знаков (с пробелами) мы потратили на то, чтобы обосновать для себя это новое знание. А могли бы сэкономить на словах и знаках, если бы сразу поверили инкам. Инки ждали почти триста с лишним лет, пока по исполнительным знакам и знамениях исполнительного кода мира не сказали – время нового знания пришло. Они тянули и тянули, и сказали это только в 1996 году. А что произошло в 1996 году? В этом году Тим Бернерс-Ли стандартизировал язык HTML и, благодаря этому, появилась World Wide Web. Вернее, не появилась, а была создана Человеком. Для данного факта можно применить прописную букву в начале слова «Человек». В первый и последний раз. Чтобы повторением этого факта не снижать впечатления от значимости данного момента.

То, что создано – не имеет равных по значению и величию в истории. А что, собственно, создано? Интернет? Экое достижение! Интернет – это социальная пустышка. Это – электронный заменитель обычной жизни. Он всего лишь посиделки, телевизор, видеомэгафон, журнальчики, газеты, клубы людей со странностями, игры «в войнуха», заподвальные неформальные общества и библиотека с почтой в одном электронном интерфейсе. Но дело совсем не в Интернете. Дело в тех первых шагах, которые начал делать человек, как творец. Он начинает строить дом, в котором он полновластный хозяин. Он только теперь стал созидателем, а не пассажиром, пытающимся вскочить на проходящий мимо поезд. Можно предположить, что во всем этом есть некая большая подсказка Бога – смотри, вникай и понимай суть, а не внешнюю форму того, что ты сейчас делаешь. И когда ты всё это правильно поймешь, то ты увидишь, что всё вокруг тебя сделано точно также, и тогда ты скажешь: «Опа-на! Так ведь мир – это работа источника, скрытого от меня!» И тогда ты поймешь главное!»

Но это вряд ли. Потому что – разве может быть более явной и прямой подсказки, чем пустая гробница Сына?.. И разве после нее стало понятным главное?

А что – главное? Зачем всё это? Затем, что в этом большом доме, в котором живет человек, есть Другой Хозяин. Этот Хозяин впустил человека в хороший и добротный дом, а человек его загадил и почти разрушил. И если человек не спасет этот дом, то он не спасет и себя. Присваивающий и прихватывающий человек дом погубил. Созидающий же человек находится сейчас только в одной из маленьких изолированных комнат этого дома, и чтобы дом спасти – ему нужно выйти из комнаты и начать дом переделывать. То, что созидает сейчас человек в этой маленькой информационной комнате – не может спасти дом, потому что в этой комнате *совсем другая реальность, полностью не та, которой является весь дом.* Не будет пользы ни от Интернета, ни от веб-технологий, если мы будем их понимать как явление нашего настоящего прошлого, то есть, как факт техногенной культуры, уже фактически не существующей. От всего этого будет польза только тогда, когда мы поймем Интернет и веб-технологии как будущее, в котором

информационная реальность, созданная человеком, сможет стать исходным кодом для исполнительного кода физического мира. Только это и может спасти. Потому что техногенный путь - это исторически очень быстрое самоубийство, многие из этапов которого уже произошли.

И каковой же должна стать для этого деятельность человека? *Она должна стать не самостоятельно создающей, а сотрудничающей.* Тогда Хозяин разрешит ему жить в этом доме дальше, сверяя предложения, идущие снизу, со своими планами. Сейчас есть всё у этого нового знания – правильный алгоритм и полная независимость от научно-бюрократической системы, потому что создатели этого знания: студенты, менеджеры, музыканты, странствующие миссионеры своих идей, хакеры, рядовые обыватели-программисты - к науке отношения не имеют. Сама наука идет по следам того, что делают сейчас эти вольноотпущенники. Ученые мужи лишь суетливо подбирают недопонятые крохи этих знаний в диссертациях и преддиссертационных статьях. Даже преподаватели соответствующих дисциплин вузов, более близкие к живой жизни, и те по большей части знают о программировании только то, что уже забыто теми, кто сейчас им реально занимается. Всё будет во многом зависеть от того, кем с возрастом станут все эти самодеятельные и почти не организованные создатели будущего. Но еще больше все будет зависеть от того – наладят ли они сотрудничество с Тем, Кто может впустить их в исходный код мира.

А такой шанс уже есть. Потому что уже совершается смешение этих двух реальностей – информационной, созданной человеком, с информационно-физической, созданной Богом. Ведь, по сути дела, если наука – это разговор с природой, то Интернет и веб-технологии разговаривают тоже с природой, но с окультуренной. С кем разговаривают программы? Они разговаривают с электроном в микропроцессорах. С кем разговаривает сеть, когда она передает внутри себя информацию? Она всё чаще начинает разговаривать с фотоном, который поймала в оптоволокне. Электрон и фотон в какой-то части уже приручены Интернетом (как сетью) и веб-технологиями (как способом организации реальности). И человек начинает учиться беседовать с ними в сотрудничающем тоне. А что такое наш мир, как не разговор фотона с электроном, как мы поняли это раньше? Ведь, все оптические, электрические, магнитные, химические и механические свойства вещества зависят от особенностей движения электрона в атомах! И что такое наш мир, как не та же самая информационная веб-реальность, руководящая физическим состоянием природы? Если мы научимся дальше разговаривать уже не с окультуренными фотонами и электронами, а с электронами и фотонами в их реалии физического мира, если мы, научившись договариваться с каждым из них, научим их затем разговаривать уже друг с другом по нашему сценарию, то мы научимся всему, чего захотим в этом физическом мире. Но для этого надо понять этот мир, как информационно организованный феномен. И надо понять разницу между нами, и между Тем, Кто может создавать подобное! Но и этого будет мало, потому что только этим мы в исходный код природы не вломимся. Нас для этого туда должны впустить. Сами мы ничего не добьемся. Или добьемся того же стыда и позора, которого добились сейчас. У нас всё получится только в том случае, если Он нам поможет и подскажет. А это может произойти только тогда, когда мы начнем понимать, что это *не будет случайно*. Но для этого мы должны, все-таки, сделать тот минимум, который можем - поднять глаза к небу и понять, что оно не слепое, глухое и безответное атмосферное явление. Это надо сделать в настоящем прошлом, чтобы оно стало настоящим будущим.